

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Ложкина Ирина Александровна

**СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ-СИРОТ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДЕТСКИХ ДОМОВ И
ИНТЕРНАТОВ УДМУРТСКОЙ АССР)**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических
наук, доцент Черных
Елизавета Михайловна

Ижевск – 2010

Содержание

Введение	3
Глава I. Политика Советского государства в области охраны детства в годы Великой Отечественной войны	22
§ 1. Изменения в нормативно-правовой базе и развитие основных форм, методов защиты детей-сирот в годы войны	23
§ 2. Материально-бытовые условия жизни воспитанников детских домов и интернатов в годы Великой Отечественной войны.....	47
Глава II. Формирование детских домов и интернатов в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны	
§ 1. Эвакуация детских учреждений в Удмуртскую АССР	68
§ 2. Сеть местных и эвакуированных детских домов и интернатов в УАССР в 1941–1945 гг.	87
Глава III. Проблемы воспитания и обучения детей в детских домах и интернатах в 1941–1945 гг.	
§ 1. Перестройка учебной работы в интернатах и детских домах Удмуртской АССР	110
§ 2. Основные принципы воспитания в интернатах и детских домах в годы Великой Отечественной войны	144
Заключение	170
Список использованных источников и литературы	181
Список сокращений	202
Приложения	203

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Основным фактором, повлекшим за собой создание сети детских учреждений интернатного типа в СССР, была политика ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Причины беспризорности носят социально-экономический характер, как правило, беспризорность усиливается во время войн, революций, стихийных бедствий и эпидемий. Беспризорность как крайнее проявление детской безнадзорности может быть вызвана и такими причинами, как конфликтная обстановка в семье, в детских учебно-воспитательных учреждениях, аморальное поведение родителей и т.д. При этом беспризорности сопутствуют тяжелые социальные последствия: рост правонарушений, преступность, проституция, алкоголизм несовершеннолетних. И это, как ни парадоксально, закономерная реакция на жестокость общества, неизбежное ее следствие. Для того чтобы не допустить распространения негативных явлений, советским государством была предложена система ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, предусматривающая выявление и контроль за безнадзорными, неблагополучными семьями, охрану прав ребенка, социальную помощь и профилактику.

В годы Великой Отечественной войны количество детских учреждений интернатного типа возросло за счет детей-сирот и детей, временно утративших связь с родителями или родственниками. По данным органов народного просвещения, только за два первых военных года связь с родителями потеряли почти 200000 детей¹. Советское правительство в своем постановлении от 23 января 1942 г. признало одним из важнейших государственных дел в социальной сфере – устройство детей, оставшихся без родителей. Сама жизнь и время диктовали правила. Несмотря на трудности военного времени, нельзя было допустить увеличение количества детей школьного возраста, находящихся вне системы образования, и количество подростков, оторванных

¹ Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 1 / гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Больш. Росс. Энцикл-я, 1983. – С. 85.

от семейного воспитания. Требовалось сделать все возможное для спасения многих тысяч детских жизней, воспитывать их так, чтобы зажили их глубокие психологические травмы; добиться и быть уверенными в том, что ни один ребенок, в том числе и благодаря широкому участию советской общественности, не останется сиротой или не станет на путь беспризорности.

Актуальность темы диктуется тем, что долгие годы внимание историков в истории Великой Отечественной войны привлекали такие вопросы как ход боевых действий, подвиги тружеников тыла, патриотическое движение советского народа, помощь тыла фронту и районам, освобожденным от оккупантов. Социальная сторона жизни советских граждан оставалась в тени. Между тем с политической трансформацией конца 1980-х гг. в науке и современном обществе значительно возрос интерес к проблемам социальной истории. Кроме того, в 1990-х – начале 2000-х гг. обострились и социальные проблемы, обусловленные беспризорностью, безнадзорностью и усилением подростковой преступности. Нахождение реальных путей преодоления этих явлений остается актуальным и в настоящее время. Анализ опыта, накопленного советским государством при ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в экстремальных условиях Великой Отечественной войны, становится важным фактором при выработке правильной стратегии и тактики в ходе преодоления негативных явлений на современном этапе развития российского общества и, более того, может помочь воспитать современное поколение, основываясь на традициях прошлого. В современных условиях, безусловно, невозможно копировать традиции и мероприятия военной поры, но, положительный опыт, накопленный в 1941–1945 гг. по организации и развитию детских учреждений интернатного типа, школ с продленным днем, а также внеклассной работы в структуре внешкольного обучения может пригодиться и сегодня в целях профилактики негативных социальных процессов.

Актуальность исследования обусловлена также тем, что вопросы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности (в том числе через

организацию детских интернатных учреждений) не поднимались и не озвучивались в региональной исторической литературе. На мой взгляд, тема нуждается в самостоятельном изучении и научном обобщении.

Объектом данного исследования являются детские учреждения (дома и интернаты), входившие в систему народного образования Удмуртской АССР.

Предметом исследования является организация эвакуированных, стационарных (местных) и колхозных детских домов и интернатов – учреждений социальной поддержки детей в 1941–1945 гг. Категорию их воспитанников составляли дети, оставшиеся сиротами в ходе военных действий, подростки, утратившие связь с родителями (т.е. беспризорники²), а также ребята, брошенные отцами и матерями (т.е. безнадзорники³).

Система детских учреждений по стране в целом была подчинена наркоматам (органам государственного управления) и представлена детскими домами, интернатами, лесными школами, спецшколами, детскими колониями.

² Первое и наиболее полное определение понятий «беспризорности» и «безнадзорности» можно найти в Большой Советской Энциклопедии за 1930 г. Различий между этими понятиями в 1920-е–1930 гг. не существовало, понятие «безнадзорность» входило в смысл общего понятия детской беспризорности. Беспризорные стали определяться как несовершеннолетние, лишённые педагогического надзора и попечения и живущие в условиях, вредно действующих на их общественные проявления и здоровье. При этом беспризорными считали не только детей, потерявших родителей (или опекунов), но и тех, чьи родители (или опекуны) лишали детей пищи, грубо с ними обращались, совращали их на преступления, разлагающе влияли собственным примером. Только с 1935 г. в официальных документах и законодательных актах появился термин «безнадзорность» в сочетании с детской беспризорностью. В годы Великой Отечественной войны в постановлениях правительства также использовалось оба термина, однако четких определений в законодательных актах того времени не было. Впервые в Российском законодательстве определения понятий «беспризорность» и «безнадзорность» введены Федеральным законом от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В соответствии со ст. 1 указанного документа, «безнадзорный» – это несовершеннолетний, контроль над поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц. «Беспризорный» – безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания, полностью прекративший всякую связь с семьёй, родственниками, родителями, добывающий средства к жизни способами, не признаваемые в обществе (попрошайничество, воровство и пр.), подчинявшийся «неписанным законам». Таким образом, между беспризорностью и безнадзорностью существует прочная связь, так как безнадзорность служит благоприятной почвой для беспризорности.

³ В юридической литературе говорится о несовпадении терминов «беспризорный» и «безнадзорный», следует учитывать, что безнадзорность в основном определяется с помощью правил педагогики. Не случайно ее сущность, признаки входят в сферу педагогической науки, обращавшей внимание на правильно принимавший надзор за несовершеннолетним, который не сводится лишь к контролю над его поведением, времяпровождением, а состоит также в поддержании, сохранении внутренней духовной связи с подростком. Такой связи, которая позволяет сохранять даже на расстоянии контакт родителей, заменяющих их лиц со своим воспитанником. Отсутствие именно такого надзора особенно опасно для легко ранимой психики ребенка, заставляя его пополнять ряды беспризорников.

Детский дом (интернат) – государственное образовательно-воспитательное учреждение для детей, лишившихся родителей или потерявших связь с ними, а также детей, нуждающихся в помощи и защите государства (вследствие болезни родителей, лишения родительских прав и т.д.). Они вместе со школой решали задачи коммунистического воспитания, всестороннего развития детей, готовили их к самостоятельной жизни. В детском доме обеспечивалось содержание, развитие, образование и воспитание детей в возрасте от 3-х лет до достижения совершеннолетия. Детские дома по источнику финансирования делятся на государственные и колхозные. Колхозные детдома (в отличие от первых) работали за счет перечислений из фондов совхозов, колхозов и личных средств колхозников (отсюда получили такое название). Через некоторое время стало ясно, что эти источники содержания недостаточны и ненадежны (колхозы не имели средств на постоянное обеспечение учреждений), в связи с чем колхозные и межколхозные детские дома стали передаваться на государственное финансирование – в ведение Наркомпроса.

Государственные детские дома по возрастному принципу воспитанников подразделяются на три вида. Первый – *дошкольный детдом* для детей в возрасте от 3-х до 7-ми лет. Еще в директиве ВКП(б) и постановлении Советского правительства от 17 декабря 1917 г. было установлено, что «дошкольное воспитание детей – один из насущнейших вопросов времени»⁴.

Второй вид – *школьный детдом* для детей от 8-ми до 18-ти лет включительно. В этих детских домах воспитывались дети школьного возраста, получавшие знания в общеобразовательных школах.

Из гуманных соображений был организован третий вид – *смешанный детский дом*, получивший широкое распространение в стране в годы Великой Отечественной войны. В нем воспитывались, как правило, дети из одних семей дошкольного и школьного возраста, благодаря чему братьев и сестер перестали

⁴ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. : сб. док. Вып. 2. / сост. Н. И. Болдырев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947.– С. 254.

разлучать. По правилам их должны были размещать в разные корпуса, но из-за отсутствия площадей, это требование зачастую не выполнялось. Дошкольное отделение по своему режиму и содержанию воспитательной работы старались приравнять к дошкольному детскому дому, а школьное отделение к детскому дому школьного типа⁵.

Разновидностью детдома был *детский дом с особым режимом*, куда направляли несовершеннолетних трудновоспитуемых подростков.

Следующий тип представлен интернатами. Если в довоенное время интернаты четко подразделялись на школьные и дошкольные, то в 1941–1945 гг. по стране создавались смешанные интернаты (в нашей республике этот вид учреждения не представлен). *Дошкольные интернаты* мало чем отличались от детских садов.

До Великой Отечественной войны *школьный интернат* как тип детского учреждения, встречался довольно редко. К апрелю 1941 г. в Удмуртской АССР функционировало 26 интернатов, объединявших 37 сельских средних школ и 75 интернатов для приезжих учащихся 214 неполных средних школ⁶. Уже с начала войны школьные интернаты стали занимать важное место в системе воспитания и обучения детей во многом благодаря эвакуированным учащимся. Как следствие изменился характер работы. В отличие от детского дома, школьные интернаты являлись самостоятельными учреждениями, они организовывались при школе, в которую воспитанники ходили учиться (воспитанники детских домов могли ходить на учебу в любую закрепленную школу населенного пункта). В республике они открывались по решению исполкома областного Совета депутатов трудящихся и СНК УАССР. Содержание было возложено на местные бюджеты и на средства, поступающие от советских граждан⁷. На их организацию и содержание воспитанников государство ассигновало 400 млн. рублей. Лишь в Российской Федерации в учреждениях этого типа к 1 сентября 1941 г. насчитывалось 148000 детей. К осени 1943 г. только по РСФСР было

⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1792. Л. 24.

⁶ Там же. Д. 1087. Л. 65.

⁷ Там же. Д. 1447. Л. 116.

открыто 700 новых подобных детских учреждений, которые, как указывал нарком просвещения В.П. Потемкин, потребовали специального руководства и особой заботы⁸.

Территориальные рамки исследования определяются административными границами Удмуртской АССР, установленными Конституцией УАССР 1937 г. Используются административно-территориальные названия, действовавшие в годы Великой Отечественной войны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1941 г. до 1945 г. Нижний хронологический рубеж обусловлен началом Великой Отечественной войны и последовавшими изменениями в общественно-политической жизни страны. Тогда в трагических перипетиях военного времени и напряжения сил всего советского народа, детский дом сыграл особую роль в государственном обеспечении и воспитании не только беспризорников, но и детей воинов Советской Армии, партизан и детей, родители которых погибли. Социальная политика в области охраны детства, претерпев некоторые изменения, в военные годы была направлена на развитие сети детских государственных учреждений. Верхний хронологический предел ограничен 1945 г. и был связан с завершением военных действий и послевоенными изменениями, в том числе в социальной сфере. В эти годы была начата реорганизация прежней сети детских учреждений интернатного типа. Произошло сокращение количества детских домов и интернатов.

Степень изученности проблемы. Социальная политика государства в области охраны детства военного времени не являлась предметом специального исторического исследования. Можно утверждать, что обобщающих работ, в которых бы затрагивались вопросы функционирования детских домов и интернатов в Удмуртской АССР, истории их эвакуации и реэвакуации в республике до сих пор не было. О жизни детей в детских учреждениях в дни

⁸ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны : ист.-пед. исслед. / С. А. Черник. – М. : Педагогика, 1984. – С. 80.

военных испытаний можно узнать лишь из небольших публикаций, в том числе воспоминаний, очерков, отдельных сюжетов учебных пособий и монографий. Между тем эта страница в летописи исторического пути советского общества не может и не должна оставлять исследователей равнодушными. Всю научную литературу в соответствии с проблемно-хронологическим подходом можно разделить на две группы.

Первая группа исследований затрагивает общие аспекты проблемы охраны материнства и детства в СССР. Важную информацию можно почерпнуть из работ, посвященных истории формирования государственных органов власти в первой половине XX в., и их законодательной деятельности, направленной на проведение конкретных мероприятий по предотвращению детской беспризорности, безнадзорности и укреплению семьи⁹. М.Р. Зезина пришла к выводу, что государственная система социальной защиты детей-сирот, сложившаяся в СССР к началу Великой Отечественной войны, была направлена не на предупреждение сиротства, а преимущественно на борьбу с его отрицательными последствиями. Особое внимание исследователей обращалось на постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». А.М. Нечаева считала его основополагающим в процессе оформления законодательной базы в области охраны детства периода Великой Отечественной войны, а А.Н. Кривонос наряду со вторым нормативно-правовым актом от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» – центральным в организации борьбы с детскими правонарушениями.

⁹ Зезина М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР / М. Р. Зезина // Педагогика. – 2000. – № 3. – С. 58–67; История Советского государства и права накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1936–1945 гг. Кн. III. / отв. ред. А. П. Костицын. – М. : Наука, 1985. – С. 146–149, 291–293, 306–309; Коржихина Т. П. История и современная организация государственных учреждений СССР, 1917–1972 гг. : учеб. пособие / Т. П. Коржихина – М. : Высшая школа, 1974. – С. 107–115; Кривонос А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью / А. Н. Кривонос // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92–98; Нечаева А. М. Правовая охрана детства в СССР / А. М. Нечаева. – М. : Наука, 1987. – С. 11, 35–36; Она же. Детская беспризорность – опасное социальное явление / А. М. Нечаева // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 57–65.

Вопросы социальной защиты детей-сирот в советское время нашли отражение в работах целого ряда авторов. Так, Э.М. Конюс, рассматривая вопросы социальной защиты детей-сирот в довоенный период, констатировал, что в трудные военные годы в стране была проведена огромная работа по обслуживанию детей. Это был богатый содержанием период вместе с непосредственно примыкающими к нему предвоенными годами (1939–1940 гг.)¹⁰. А.М. Сеницын в своем исследовании подчеркивал, что огромная работа была проведена в первые полтора года войны. Однако, положение с беспризорными и безнадзорными подростками продолжало оставаться напряженным¹¹. М.Р. Зезина дополняла: «результатом роста беспризорности и безнадзорности в обстановке боевых действий, была взаимосвязь ухудшения материально-бытовых условий советских семей и увеличения численности подростков, занимавшихся уличной торговлей, мелкими кражами и бродяжничеством»¹². В применении к белорусской территории А.И. Котов, раскрывая механизмы государственной политики социальной защиты детей-сирот в послевоенное время, признавал, что лейтмотивом оказания помощи детям стало увеличение сети детских домов¹³.

На современном этапе изучения темы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью происходит переосмысление целого ряда проблем, идет поиск новых исследовательских подходов, в том числе, учитывающих региональные особенности этих явлений. Следует назвать работы Е.Г. Ермакова¹⁴, С.К. Жилиевой¹⁵, Н.В. Смирновой¹⁶, С.В. Романович¹⁷,

¹⁰ Конюс Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества, 1917–1940 гг. / Э. М. Конюс. – М. : Изд-во Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. – С. 7, 309–310.

¹¹ Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Сеницын. – М. : Воен. изд., 1985. – С 285–305.

¹² Зезина М. Р. Без семьи: сироты послевоенной поры / М. Р. Зезина // Родина. – 2001. – сент. – С. 82–87.

¹³ Котов А. И. Социальная защита детей-сирот в Белоруссии в послевоенные годы / А. И. Котов // Педагогика. – 2002. – № 5. – С. 82–85.

¹⁴ Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): ист.-прав. аспект : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Ермаков. – Москва, 2002. – 157с.

¹⁵ Жилиева С. К. Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1951 гг.) : ист.-прав. исслед. : дис. ... канд. юрид. наук / С. К. Жилиева. – Орел, 2004. – 198 с.

¹⁶ Смирнова Н. В. Деятельность органов НКВД-МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.): историко-правовой аспект : дис. ... кан. ист. наук / Н. В. Смирнова. – СПб., 1997. – 241с.

Н.В. Семиной¹⁸. В них наиболее полно освещаются организационно-правовые аспекты борьбы с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, а также раскрывается роль детских приемников-распределителей, колоний, детских домов и других учреждений при решении данной проблемы.

Вторая группа работ касается частных проблем борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, таких как эвакуация и реэвакуация детей, воспитательно-образовательный процесс, хозяйственная деятельность в детских домах и интернатах.

Первый блок трудов посвящен изучению процесса эвакуации из прифронтовых в тыловые районы страны, размещения и реэвакуации советских граждан, в том числе детей. Г.А. Куманев¹⁹ дает характеристику этапам эвакуации из прифронтовых районов, функционированию железных дорог в условиях массового перевоза промышленных предприятий, культурных ценностей и людских ресурсов. А.М. Нечаева²⁰ показывает тяжелые последствия эвакуации детей, оставшихся без матерей и их устройства на новых местах.

На региональном уровне отечественная историография пополнилась рядом интересных монографических исследований рубежа XIX–XX вв., внимание которых было направлено на территорию Урала и Удмуртии. В монографии Н.П. Палецких детство не являлось объектом специального исследования, но содержание ее, безусловно, представляет интерес, так как позволяет воссоздать общую картину жизни эвакуированного населения, охарактеризовать процесс приема, размещения и устройства прибывших

¹⁷ Романович С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. / С. В. Романович. – Оренбург, 2006. – 238с.

¹⁸ Семина Н. В. Борьба с детской беспризорностью в 1920–1940 гг. в России: на примере Пензенского региона : дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Семина. – Пенза, 2007. – 283с.

¹⁹ Куманев Г. А. На службе фронта и тыла / Г. А. Куманев. – М. : Наука, 1976. – С. 452; Он же. Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945 гг. / Г. А. Куманев. – М. : Наука, 1988. – М., 1988. – С. 78; Он же. Рядом со Сталиным / Г. А. Куманев. – Смоленск : Русич, 2001. – С. 137, 144; Он же. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 гг. / Г. А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27; Он же. Проблемы военной истории Отечества, 1938–1945 гг. / Г.А. Куманев. – М. : Собрание, 2007. – С. 654.

²⁰ Нечаева А. М. Дети-сироты в России: послеоктябрьский период / А. М. Нечаева // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 120–127.

граждан на Урал²¹. М.Н. Потемкиной особое внимание уделено вопросу национальных взаимоотношений и эвакуационно-реэвакуационным процессам, осмыслить которые автор попыталась не только в историческом контексте, но и с позиций социологии и психологии. Она отдельно остановилась на характеристике такого социального потока эвакуированных как дети и обслуживающий персонал детских учреждений²². Вопросами эвакуации, приема, размещения учета предприятий и населения, в том числе польских детей на территорию Удмуртской АССР и последующей их реэвакуации специально занимался Н.А. Родионов²³. Следует отметить, что до сих пор недостаточно глубоко освещены вопросы роли партийных, советских, хозяйственных органов на местах по организации приема, размещения эвакуанаселения. Больше внимание уделено вопросам эвакуации промышленных предприятий, оборудования, материальных и людских ресурсов с западных территорий СССР.

В следующем блоке исследований освещаются проблемы и вопросы учебно-воспитательного характера. Необходимо помнить, что обучение воспитанников детских домов и интернатов проводилось в рамках общего курса в общеобразовательных школах или отдельно организованных школах при интернатах. С.А. Черник в истории школы военного периода выделил два этапа, различавшихся направленностью и существом самих мероприятий. Автор отмечает, что на первом этапе (1941–1943 гг.) принимались меры, направленные на борьбу против возникающих трудностей и недостатков, за сохранение существовавшей школы и системы народного образования.

²¹ Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. – Челябинск : Челябинский агроинженерный университет, 1995. – С. 184.

²² Потемкина М. Н. Эвакуация и национальные отношения в Советском тылу в годы Великой Отечественной войны: на материалах Урала / М. Н. Потемкина // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 148–154; Она же. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуанаселение на Урале в 1941–1948 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / М. Н. Потемкина. – Екатеринбург, 2004. – 466с.

²³ Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) / Н. А. Родионов // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии : сб. ст. / редкол.: Н. Г. Сандалов, А. И. Суханов, Н. А. Родионов [и др.]. – Устинов, 1986. – С. 141–165; Он же. Реэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. / Н. А. Родионов // Новые исследования по истории Удмуртии : сб. ст. / А. В. Яковлев (отв. ред.), Н. А. Родионов, Л. Ф. Шкляева. – Ижевск, 1991. – С. 186–205; Удмуртия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. Г. В. Мерзлякова, Н. А. Родионов. – Ижевск : УИИЯЛ Уро РАН, 1996. – С. 30–59.

Особенностью второго этапа (1943–1945 гг.) явились меры по организационно-педагогическому укреплению школы, повышению качества учебно-воспитательного процесса, дисциплины и порядка среди учащихся²⁴. В.А. Куманев считал, что в годы Великой Отечественной войны, как и в предшествующие годы мирного строительства, школой решалась задача формирования нового человека. Он отмечал, что важное воспитательное значение приобрели общепользительный труд и социалистический патриотизм учащихся. При этом автор подчеркивал, что широкая программа воспитательных работ в области народного образования могла быть успешно реализована только при наличии необходимого числа квалифицированных и идейно-обученных кадров учителей²⁵.

Рассматривая данные явления на местном материале, А.П. Обухов отмечал, что в школах Удмуртской АССР (как и по стране в целом) были проведены школьные реформы, направленные на упорядочение системы школьного образования. Были введены «Правила для учащихся», выпускные экзамены, цифровая пятибалльная система оценки знаний. Все в совокупности, по его мнению, оказало мобилизирующее влияние на школу, как следствие улучшилось качество учебно-воспитательной работы²⁶. П.К. Кузнецов подчеркивал, что война поставила, в том числе перед школами Удмуртской АССР, новые задачи. В это время стали уделять большое внимание преподаванию русского и удмуртского языкам, а также основам военной подготовки, на уроках акцентировалось внимание на военно-патриотическое воспитание учащихся. Кроме того, следует обозначить, что особенностью в работе советской школы стал решительный поворот к трудовому воспитанию детей²⁷.

²⁴ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны : ист.-пед. исслед. / С. А. Черник. – М. : Педагогика, 1984. – С. 240.

²⁵ Куманев В. А. Школа – фронту / В. А. Куманев // Советская культура в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. М. П. Ким. – М., 1976. – С. 201–212.

²⁶ Обухов А. П. Народное образование в Удмуртской АССР, 1917–1970 гг. / А. П. Обухов. – Ижевск : Удмуртия, 1972. – С. 173–175.

²⁷ Кузнецов П. К. Культурная революция в УАССР, 1917–1958 гг. / П. К. Кузнецов. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – С. 340–355.

Одновременно в региональной историографии появлялись работы, посвященные не только вопросам учебно-воспитательной, но и хозяйственной деятельности в детских учреждениях. Так, в краеведческой литературе появились сведения об Алнашском детском доме и его первом директоре – С.М. Найдович²⁸, Дебесском детском доме и его литовских воспитанниках²⁹, Каракулинском интернате и его польских воспитанниках³⁰, Якшур-Бодьинском детдоме³¹ и других местных домах Удмуртской АССР³².

Анализ литературы по исследуемой теме показывает, что как на российском, так и региональном уровне рассматривались отдельные аспекты учебно-воспитательной работы среди воспитанников детских домов и интернатов, проблемы эвакуации и реэвакуации детей, освещены организационно-правовые аспекты борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Но для местной историографии остаются не раскрытыми вопросы, связанные с ролью приемников-распределителей, колоний, детдомов и интернатов в ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, частично освещены проблемы хозяйственной деятельности детдомов и интернатов. Сказывается недостаток обобщающих исследований в данном направлении в целом по Удмуртии. Состояние историографии диктует необходимость всестороннего, комплексного рассмотрения работы детских домов и интернатов в годы Великой Отечественной войны.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в изучении вопросов осуществления социальной защиты детей-сирот в годы Великой

²⁸ Алнаши. Сердцу добрый свет / сост. И. В. Иванов. – Ижевск : Удмуртия, 2004. – С. 197–207.

²⁹ Любовь моя – Дебесская земля / под ред. В. А. Перевошиковой. – Ижевск : Удмуртия, 2002. – С. 16.

³⁰ Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность : тез. докл. и сообщ. регион. науч. конф. / Глазов. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, Комитет по делам нац. при правительстве УР, Глазов. краевед. музей. – Глазов, 1995. – С. 166–168.

³¹ Ившина Н. А. Селу Якшур-Бодья – 300 лет [Электронный ресурс] / Н. А. Ившина. – Режим доступа : http://www.gasur.ru/Editions_and_publications/pub_arh/2010/06/list4.php. (Дата обращения: 05.05.2010); Ившина Н. А. Эвакуация в Якшур-Бодьинском районе Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] / Н. А. Ившина. – Режим доступа : <http://www.gasur.narod.ru/cjmarsh/municip/2005/03.htm>. (Дата обращения: 05.05.2010).

³² Удмуртская АССР – фронту : патриот. движения населения респ. в 1941–1945 гг. / отв. ред. Н. А. Родионов. – Ижевск, 1988. – С. 111–140.

Отечественной войны, получившей наиболее полное выражение в деятельности детских домов и интернатов.

Исходя из поставленной цели, были определены следующие исследовательские *задачи*. Во-первых, на основе анализа нормативно-правовых актов показать особенности партийно-государственной политики по отношению к беспризорным и безнадзорным в годы войны и охарактеризовать материально-бытовые условия жизни воспитанников, созданные совместными усилиями органов государственной власти, республиканских организаций и местным населением. Во-вторых, проанализировать ход эвакуации в чрезвычайных условиях войны и формирование сети местных и эвакуированных детдомов, а также показать механизмы реэвакуации детей. В-третьих, охарактеризовать особенности воспитательной работы и обучения подрастающего поколения в детских учреждениях интернатного типа.

Источниковую базу исследования составил комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Это документы Архивного фонда Удмуртской республики, законодательные акты, сборники документов и материалов по истории Великой Отечественной войны и партийных организаций региона, изобразительные материалы фонда Национального музея им. К. Герда УР, материалы периодической печати.

Основу данного диссертационного исследования составили неопубликованные документы и материалы, отложившиеся в архивохранилищах республиканского и муниципального уровней: *Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР) в фондах* Р-174 (Удмуртского областного отдела народного образования), Р-551 (Совета Народных комиссаров УАССР. 1934–1971 гг.), Р-568 (Министерства здравоохранения УАССР), Р-755 (Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР. 1941–1946 гг.), Р-738 (Министерства просвещения УАССР. 1934–1951 гг.), Р-845 (Статистического управления Удмуртской АССР. Отдел статистики труда), *Центре документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР) в*

фондах 16 (Вотского областного комитета РКП(б) и Удмуртского областного комитета ВКП(б) и 92 (Удмуртского республиканского комитета ВЛКСМ), *Архивном отделе Администрации МО «Воткинский район» (АОАР) в фонде 76 (Протоколы заседаний районного исполкома Совета депутатов трудящихся).*

По характеру происхождения, степени информативной значимости архивные источники исследования можно разделить на три группы. К первой относятся законодательные, нормативно-правовые акты и распорядительная документация (указы, постановления, распоряжения, решения, приказы), регулирующие всю сферу социальной защиты осиротевших детей и определяющие компетенцию местных органов самоуправления. Вторую группу – отчетно-информационную – составляют отчеты о деятельности детских учреждений, докладные записки, сводки об эвакуированных детских домах и интернатах, списки и сведения о детских учреждениях, составлявшиеся для государственных органов власти. Третья группа – внутренняя делопроизводственная документация детских домов и интернатов (расчеты, акты, титульные списки), а также областного комитета РКП(б) и Удмуртского областного комитета ВКП(б) (статистические сводки, переписка обкома с горкомами, райкомами ВКП(б), НКП УАССР, учебными заведениями, организациями и предприятиями).

Архивные документы позволяют охарактеризовать динамику политических подходов к решению такой важной задачи как ликвидация детской беспризорности и безнадзорности на федеральном и республиканском уровнях, а также структуру и кадровый состав детских домов и интернатов, численность и состав контингента воспитанников, организацию их жизни и быта, особенности школьного и производственного обучения, воспитания.

Ряд неопубликованных документов из фондов государственных архивов содержится в электронном ресурсе – мультимедийном диске «Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», где, наряду с оцифрованными копиями документов на бумажной основе, содержатся аудиовизуальные (списки эвакуированных детдомов, письма воспитанников, приказы и

распоряжения правительства, отчеты директоров по основной деятельности, фотографии).

Опубликованные источники представлены партийными и правительственными документами, директивными материалами, отражающими процесс становления и формирования советской системы охраны детства, борьбу с детской безнадзорностью и беспризорностью в СССР и РСФСР и развития народного образования³³.

К числу опубликованных источников следует отнести сборники документов и материалов, тематические и юбилейные выпуски, в которых содержатся, как правило, статистические выкладки, воспоминания современников, рассматриваются вопросы образования в годы войны³⁴.

Большой интерес для исследования представляют материалы периодической печати, как российского³⁵, так и республиканского³⁶ и районного³⁷ подчинения. Газеты и журналы – источник, предоставляющий оперативную возможность оценить меры, осуществлявшиеся советским

³³ Сборник директивных, законодательных и ведомственных постановлений / сост. В. П. Чекменов. – 5-е изд. – М. : Юрид. изд-во НКП СССР, 1937; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. : сб. док. Вып. 2. / сост. Н. И. Болдырев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет, 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост.: К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. – М. : Полит. лит., 1968; Культурная жизнь в СССР. 1941–1950 : хроника / отв. ред. М. П. Ким. – М., 1977; Сборник нормативных актов / отв. ред. В. Н. Толкунова. – М. : Юрид. лит., 1979; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин [и др.]. – М. : Педагогика, 1974; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945 гг. / зав. ред-ей Л.Ф. Декань. – М. : Политиздат, 1985; Охрана материнства и детства в СССР : сб. норматив. актов / сост. Р. Г. Мухина. – М. : Юрид. лит., 1986; Сборник законов РФ. 1999, 2003; Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] : стат. сб. – Режим доступа : <http://www.tashv.nm.ru/StatSbornikVOV/StSbVOV25.html>. (Дата обращения: 16.04.2010).

³⁴ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. / под ред. Е. П. Никитина. – Ижевск : Удмуртия, 1975; Культурное строительство в Удмуртии, 1941–1975 гг. : сб. док. и материалов / под ред. А. А. Тронина. – Ижевск : Удмуртия, 1977; Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. / сост. И. Н. Зайцева, Е. П. Никонова. – Ижевск : Удмуртия, 1995.

³⁵ «Архивы Урала», «Власть», «Вопросы истории», «Вопросы психологии», «Государство и право», «Известия», «Комсомольская правда», «Новая и новейшая история», «Отечественная история», «Правозащитник», «Правда», «Педагогика», «Родина», «Семья и школа», «Советская педагогика», «Школа и производство».

³⁶ «Аргументы и факты в Ижевске», «Известия Удмуртской республики», «Комсомолец Удмуртии», «Ленинский путь», «Панорама» (позднее – «Инфо-панорама»), «Сельская правда», «Удмуртская правда», «Центр».

³⁷ «Авангард» Вавожского района, «Алнашский колхозник» Алнашского района, «Вестник» Шарканского района, «Воткинские вести» Воткинского района, «Вперед» Базинского района, «Звезда» Кезского района, «Знамя» Сюмсинского и Юкаменского района, «Красное знамя» Глазовского района, «Новая жизнь» Кизнерского района, «Новый путь», «Пропагандист и агитатор» Дебеского района, «Прикамская правда» Каракулинского района, «Путь октября» Ува, «Рассвет» Якшур-Бодьинского района, «Светлый путь» Игринского района, «Сельская новь» Граховского района, «Увинская газета» Увинского района.

правительством и общественными организациями в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, положение детских учреждений интернатного типа и их функционирование. Многие из них содержат воспоминания детей и воспитателей этих учреждений. Бесспорная ценность публикаций состояла в том, что материалы были составлены на основе воспоминаний участников и очевидцев событий (частично архивных данных).

Таким образом, для выполнения данного исследования имелся комплекс разнообразных исторических источников, изучение которых способствовало достижению поставленных задач и цели исследования.

Методологической основой работы являются комплексный и системный подходы. Первый подразумевает рассмотрение деятельности и функционирования детских домов и интернатов в непосредственном историческом контексте, с учетом государственной политики, общественных настроений, а также фактов биографии отдельных руководителей и воспитанников детских учреждений, привлечением широкого круга источников. Благодаря системному подходу появилась возможность структурировать отдельные элементы изучаемого явления в систему, воссоздав историческую действительность во всем многообразии деятельности детских домов и интернатов.

Системный подход был реализован на основе общенаучных принципов. Одним из важнейших методологических принципов в конкретно-историческом исследовании является принцип историзма, позволяющий оценить положение детских домов и интернатов в условиях военного времени. Благодаря использованию принципа объективности можно избежать идеологической заданности в рассмотрении событий Великой Отечественной войны. В соответствии с принципом объективности выводы в исследовании строятся только на основе источника, который рассматривается в контексте изучаемого периода.

Для более полного представления данных в работе использованы ряд традиционных общенаучных и специально-научных методов, таких как

описание, сравнение изучаемых явлений, а также элементы биографического анализа. Эта работа предварялась сбором и первичной систематизацией источников как опубликованных, так и ожидающих введения в научный оборот.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведено специальное обобщающее исследование по истории детских домов и интернатов в Удмуртии, рассмотрены механизмы работы государственных органов власти и советских организаций в важной сфере социальной жизни – охране детства в годы Великой Отечественной войны. Впервые в диссертационном исследовании комплексно представлена в качестве самостоятельной проблема ликвидации детской беспризорности через призму функционирования детских домов и интернатов. Определена типология детских учреждений интернатного типа, функционировавших в 1941–1945 гг. на территории Удмуртской АССР. Воссоздана история работы эвакуированных, стационарных и колхозных домов, интернатов, обозначены основные принципы воспитания и обучения подростков в детских учреждениях интернатного типа.

Научно-практическая значимость. Полученные результаты могут быть полезны в дальнейших исследованиях по социально-политической истории и при написании обобщающих трудов по отечественной истории, социальной политике государства, истории культуры и образования. Материалы диссертации также могут быть использованы для разработки учебных курсов, пособий, в программно-методическом обеспечении преподавания курсов отечественной истории, истории Урала и Удмуртии в средних и высших учебных заведениях. Кроме того, собранный и систематизированный материал, может быть использован в музейно-экскурсионной работе и краеведческой деятельности. Огромный опыт в реализации одного из направлений социальной политики государства – защита детей – может быть востребован и на современном этапе развития российского общества.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в научных публикациях, а также в докладах и сообщениях на конференциях различного уровня: III Международной научно-практической конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи» (г. Кудымкар, 28–29 ноября 2007 г.), Лихачевских чтениях (г. Казань, 3–5 апреля 2008 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (г. Ижевск, 20–22 мая 2008 г.), Всероссийских общественно-исторических чтениях имени В.Н. Русанова (г. Оса, 22 августа 2008 г.), Девятой Российской университетско-академической научно-практической конференции в г. Ижевске (2008 г.).

По теме исследования опубликовано семь научных статей, в том числе одна – в рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ «Вестник Самарского государственного университета».

Положения, выносимые на защиту:

1. Работу детских домов и интернатов в годы войны можно поделить на два периода: до и после 1943 г., что связано с коренными изменениями на фронте и, как следствие, в экономическом положении страны: улучшилось обеспечение воспитанников продуктами питания, промышленными, школьными и канцелярскими товарами.

2. Формирование сети детских учреждений интернатного типа в Удмуртской АССР определялось мероприятиями по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Сеть детдомов и интернатов динамично изменялась в результате эвакуации беспризорных и безнадзорных подростков из прифронтовых территорий страны, а также за счет увеличения количества местных детей-сирот.

3. Весь комплекс вопросов эвакуации, приема и устройства детей в детских домах и интернатах получил государственно-правовую поддержку в ряде правительственных документов. Непременное выполнение постановлений

федерального и республиканского уровня на местах обеспечивало бесперебойное функционирование учреждений интернатного типа.

4. Воспитательно-образовательный процесс в детских домах и интернатах строился на социалистической идеологии, и тех же принципах, что и в предвоенный период, хотя корректировался в соответствии с требованиями военного времени. Так, в содержании воспитательной работы акцент был смещен с классовых идей на патриотические. В основу воспитания и образования были положены принципы соцсоревнования, разрабатывались обязательства по основным вопросам коллективной жизни.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, приложений. Приложения содержат карты, таблицы (с перечнями детских учреждений, статистическими данными о росте подсобного хозяйства), дубликаты фотографий, текстовые материалы о воспитанниках и воспитателях.

Глава I. Политика Советского государства в области охраны детства в годы Великой Отечественной войны

О существовании детей, лишившихся родительского попечения, было известно еще в Российской империи, но с массовой беспризорностью и безнадзорностью государство столкнулось с момента установления Советской власти. Понадобилось около 20 лет для того, чтобы государство в результате огромных затрат и принятых мер констатировало факт ликвидации детской беспризорности в СССР к 1935 г. Однако уже с 1936 г. по 1938 г. наблюдается рост численности беспризорных подростков (со 156000 до 175000 детей³⁸), а к концу 1930-х гг. численность беспризорных в стране вновь значительно снизилась.

В годы Великой Отечественной войны количество беспризорников увеличилось за счет детей-сирот и детей, потерявших связь с родителями. За эти годы было спасено более 1 млн. детей, оставшихся без родителей или потерявших связь с ними³⁹. В результате к концу войны насчитывалось 678000 детей, оставшихся без родителей, а после войны общая численность осиротевших детей достигла 3 млн. человек⁴⁰. Соответственно Советской властью были обозначены задачи по борьбе с этим явлением и приняты директивные постановления. На федеральном уровне этой работой в первую очередь руководили СНК, НКП, Наркомсобес, НКФ, НКВД СССР и РСФСР, ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. В Удмуртской АССР на республиканском уровне контроль осуществляли СНК, НКП, НКЗ, НКФ, Наркомсобес, НКВД УАССР, аппарат обкома ВЛКСМ и ВКП(б), а на местах работу осуществляли поселковые, сельские, городские и районные Советы депутатов трудящихся, горкомы и райкомы партии, отделы народного образования, а также

³⁸ Славко А. А. Динамика численности беспризорных детей в России, 1920–1940 гг. / А. А. Славко // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 161–162.

³⁹ Гавриленко А. Дети Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / А. Гавриленко / Режим доступа : http://www.redstar.ru/2007/09/05_09/5_07.html. (Дата обращения: 04.02.2010).

⁴⁰ Славко А. А. Динамика численности беспризорных детей в России, 1920–1940 гг. / А. А. Славко // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 163.

профсоюзные, общественные и комсомольские организации. Профсоюзные организации развернули широкую работу через детский профсоюзный актив предприятий республики. Детские комиссии профсоюзных организаций и местные отделения общественных организаций занимались обследованием детских учреждений, организацией летних оздоровительных кампаний и культурного досуга детей, осуществляли шефскую работу детей. Исполнительные органы власти принимали на местах важные управленческие решения, проводили организационные мероприятия по обязательному выявлению и учету детей, лишившихся родных и близких, решали их дальнейшую судьбу.

§ 1. Изменения в нормативно-правовой базе и развитие основных форм, методов защиты детей-сирот в годы войны

Государственная политика Советского правительства по вопросам предотвращения, ликвидации беспризорности и безнадзорности начала формироваться после февраля 1917 г. Уже в те годы были озвучены первые подзаконные акты⁴¹, которые положили начало всеобъемлющей системе государственного социального обеспечения. Параллельно происходило становление федеральных и республиканских наркоматов, и распределялись функции между ними, открывались государственные учреждения, формировались общественные организации. События 1917 г. положили начало коренным изменениям в отношении к детям – забота о них была объявлена обязанностью государства. «Все лучшее – детям» – основное требование,

⁴¹ Постановление СНК от 9 августа 1918 г. «О необходимости усиления детского пайка в местностях, охваченных голодом», декрет от 14 сентября 1918 г. «Об усилении детского питания», постановление СНК от 17 мая и 12 июня 1919 г. «О бесплатном детском питании», постановление СНК от 15 июня 1920 г. «Об организации снабжения детей продуктами питания», декрет от 8 февраля 1921 г. «Об обеспечении продовольствием и предметами широкого потребления лечебных учреждений, учреждений по охране материнства и младенчества, школ, детских учреждений», декрет от 22 июля 1921 г. «О детском питании».

принцип социально-экономической, политической, идеологической и организационной деятельности государства.

В 1920-е гг. и до середины 1930-х гг. публиковались новые постановления ВЦИК и СНК РСФСР по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Основные из них: «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» от 8 марта 1926 г., «О передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи» от 9 февраля и «О мероприятиях по оказанию помощи детям беднейших семейств» от 14 апреля 1928 г., «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящихся в городах и рабочих поселках» от 28 мая 1928 г., «О мерах борьбы с детской беспризорностью и ликвидации уличной безнадзорности» от 29 января 1933 г. Рубежом в развитии системы социальной помощи детям стал 1935 г., когда были приняты знаковые постановления «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» и «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних».

Как следствие, на основе подзаконных актов, в стране организовано проводились плановые мероприятия по изъятию беспризорных и безнадзорных детей с улиц городов и сел в детские воспитательные учреждения. Сеть их вплоть до середины 1930-х гг. ежегодно увеличивалась. К началу Великой Отечественной войны в стране, как правило, работали только детские дома. Следует признать, что сложившаяся в предшествующее десятилетие в СССР государственная система социальной защиты детей-сирот была направлена не на предупреждение сиротства, а преимущественно на борьбу с его отрицательными последствиями (увеличилось количество беспризорных детей во время коллективизации, борьбы с кулачеством, голода и массовых репрессий).

Великая Отечественная война изменила сам ход исторических событий. Перед страной были определены иные задачи – спасти детей от немецких оккупантов, эвакуируя их на восток страны, позаботиться не только о сиротах, но и детях, временно утративших связь с родителями и родственниками. С

первых дней войны на совещаниях НКП РСФСР (например, 9 декабря 1941 г.) неоднократно поднимались вопросы, посвященные мерам предупреждения детской беспризорности и безнадзорности, правонарушений, выполнения плана эвакуации и размещения людей в тыловых районах страны, усовершенствованию учета эвакуированных детей.

Результатом очередного совещания при НКП РСФСР было обнародование постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Данный подзаконный акт появился в развитие ранее разработанных документов и инструкций. Были определены методы решения проблемы беспризорности и безнадзорности в стране. Во-первых, на местах с апреля 1942 г. создавались специальные организации по борьбе с детской беспризорностью – Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. Общесоюзную Комиссию возглавил заместитель председателя СНК СССР А.М. Косыгин. Сотрудники НКВД совместно с комиссиями, организованными в 37 районах и 5 городах Удмуртской АССР, выявляли на улицах беспризорных и безнадзорных подростков. Значительную помощь им оказывали внештатные инспекторы – это директора школ, учителя, сотрудники детских домов и садов. К примеру, в 1944–1945 гг. в республике работало уже 815 инспекторов. Во-вторых, изъятых с улиц детей должны были размещать в детские приемники-распределители, где решался вопрос об их дальнейшем устройстве. В-третьих, государственные органы власти считали, что дети должны воспитываться в семье, поэтому в постановлении рекомендовалось широко пропагандировать принятие детей в семьи рабочих и крестьян. В-четвертых, персональная ответственность за предупреждение детской безнадзорности была возложена на председателей исполкомов городов и районов страны, которые должны были обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность, осуществлять контроль над патронируемыми детьми, воспитанниками детских домов или подростками, устроенными на работу, учебу. С этой целью при отделах народного образования вводилась должность

специального инструктора, призванного следить за обеспечением бывших беспризорных детей обувью, одеждой и жильем.

В соответствии с требованиями СНК и ВКП(б) постановление правительства было продублировано приказами НКП союзных и автономных республик. Так, приказом НКП РСФСР от 18 февраля 1942 г. предполагалось совместно с органами НКВД и организациями ВЛКСМ при эвакуационных пунктах и на вокзалах крупнейших станций железнодорожного и водного транспорта создавать специальные комнаты для приема беспризорных и безнадзорных детей. Требовалось установить шефство предприятий и совхозов над детскими домами в целях оказания помощи в политико-воспитательной работе с детьми и трудовом обучении. Исполкомы местных Советов депутатов трудящихся должны были контролировать вопросы выделения земельных участков детским домам⁴².

Работа по предупреждению детской беспризорности велась в нескольких направлениях. Для облегчения поиска потерявшихся детей, в соответствии с постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об оказании помощи родителям и родственникам по отысканию отставших от них детей», в Москве был создан центральный справочно-адресный стол. Подобные справочно-адресные столы организовывались при областных и краевых управлениях НКВД, отсюда в центральный стол поступали списки детей, усыновленных, отданных на патронат, опеку и в детские учреждения, а также беспризорников, направленных на производство. К составлению списков детей привлекались активисты из числа сотрудников детских учреждений, комсомольцев, работников военкоматов и женских советов (одним из направлений массовой политической работы женсоветов была помощь детям: контроль над детскими учреждениями, организация шефской и кружковой работы в детских домах, сбор средств в Фонд помощи детям и т.д.). Точное заполнение карточек особого образца позволяло выполнять запрос родителей по поиску пропавших детей,

⁴² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1578. Л. 3; Д. 1579. Л. 1; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 353.

как правило, с максимальной точностью (подобная работа в нашем крае уже проводилась в голодные 1920-е гг.).

Работа столов была необходима, так как с начала войны и до мая 1943 г. связь с родителями потеряли приблизительно 190000 детей, их количество увеличивалось по мере реэвакуации семей, возвращавшихся в родные места. Хотя стоит признать, что работа по розыску потерявшихся детей проводилась в напряженном графике и по объективным причинам не всегда приводила к положительным результатам. К примеру, из 618 запросов, поступивших в республиканский адресный стол в 1944–1945 гг., положительно были решены 136⁴³.

Еще до Великой Отечественной войны в стране, в том числе и в Удмуртской АССР, была создана целая система государственных учреждений, регулировавших и контролировавших движение подростков. В 1941–1945 гг. она получила дальнейшее развитие. Беспризорников задерживали на железнодорожных станциях и в других общественных местах (рынках, кинотеатрах), после чего их доставляли в детские комнаты, организованные при районных отделениях внутренних дел. Как специальные учреждения они существовали с 1935 г. Правда, были созданы не во всех городах и населенных пунктах, поэтому в годы войны их формирование было продолжено.

Количество детских комнат милиции значительно возросло после принятия постановления СНК РСФСР от 20 января 1943 г. «О сети детских комнат при органах милиции НКВД СССР на 1943 г.». В них устанавливалась личность задержанного, и проводился поиск родителей. В случае нахождения родственников, беспризорников отправляли к ним, в противном случае направляли в приемники-распределители или определяли (через исполкомы местных Советов, органы народного образования, общественные организации) в детские учреждения, в семьи трудящихся или на работу. Таким образом, в детской комнате милиции дети находились временно до установления их личности и дальнейшего распределения.

⁴³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1789. Л. 61об.

В приемники-распределители попадали те дети, которых по каким-то причинам нельзя было сразу устроить в детские учреждения или на работу (как правило, большая часть беспризорников). ДПР действовали в системе НКВД, отдельно для мальчиков и для девочек, иногда одно учреждение принимало беспризорников без возрастного и полового разграничения в возрасте до 15 лет. Сюда зачисляли детей, утративших связь с семьей, самовольно ушедших из школ-интернатов, детских домов, спецшкол и спецучилищ, а также подростков, направляемых в эти школы и училища по решению суда и комиссии по делам несовершеннолетних.

Главная задача детприемников-распределителей заключалась в приеме беспризорных и безнадзорных детей, привезенных с вокзалов, рынков и других общественных мест. Сотрудники НКВД в четырнадцатидневный срок должны были установить причины их безнадзорности, выяснить, есть ли у них родители, опекуны или попечители и сообщить им о местонахождении ребенка. В зависимости от обстоятельств ребенок возвращался родителям или направлялся в детское учреждение (детский дом, интернат и пр.). Остальных направляли в распределительно-наблюдательные пункты (коллекторы). В приемнике-распределителе подростки находились до двух недель (фактически дети жили и до четырех месяцев, длительное их пребывание не только нарушало нормальную работу учреждения, но и лишало детей возможности обучаться в школе).

В начале 1942 г. в республике работал только один приемник-распределитель в г. Ижевске, а к 1944 г. было открыто еще два – в Сарапуле и Глазове. В отчетах НКП УАССР отмечалось, что сотрудники детских приемников-распределителей не всегда добросовестно выполняли свою работу. К примеру, направляли детей не по адресу прежнего места проживания, или зачисляли в детские дома подростков, ранее находившихся в воспитательных колониях⁴⁴.

⁴⁴ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 38. Л. 31; Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1138. Л. 6; Д. 1453. Л. 24об; Д. 1947. Л. 111.

Коллекторы организовывались для определения психофизического состояния несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников. Цель учреждения – поставить диагноз и предложить меры медико-педагогического воздействия. Эти учреждения делились исходя из возрастных и половых категорий и характера правонарушения подростков. Распределители были двух типов: для беспризорников и для подростков-правонарушителей. Отсюда молодых людей, замеченных в совершении мелких преступлений, отправляли в трудовые или воспитательные колонии в зависимости от возраста и состава преступления или совершенных правонарушений. Детей старше 15 лет определяли в ремесленные училища, школы ФЗО или трудоустраивали на заводы, фабрики, колхозы и другие организации. Детей, в случае невозможности возврата родителям, направляли через органы народного образования в детские дома или определяли на патронирование. В коллекторах подростки задерживались от одного до трех месяцев⁴⁵.

Как показала практика, выявление детей было лишь началом сложной и кропотливой работы: необходимо было определить их личность и возраст, а также наличие родственников. В случае сиротства ребенка требовалось устроить в специализированное детское учреждение, а если находились родители, то вернуть его по месту жительства.

В годы войны была распространена «возвратная» беспризорность. Суть ее состояла в том, что дети, однажды изъятые с улиц, прожив определенное время в государственных учреждениях, сбегали и вновь оказывались на улице. Многие из них были неудовлетворены условиями проживания в детдомах и интернатах, хотя встречались и такие подростки, которые, привыкнув к свободе, не хотели жить по строгим правилам. Эффективной мерой борьбы с «возвратной» беспризорностью, а также с беспризорностью как таковой являлось определение детей на воспитание в семьи. Как известно, воспитать ребенка легче, чем перевоспитать. Год безнадзорности мог оставить

⁴⁵ ЦГА УР. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 10. Л. 20; Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1579. Л. 1.

неизгладимый след в душе малыша. Чем больше осиротевших детей могли найти в семьях любовь и ласку, тем больше выигрывало от этого государство.

В годы Великой Отечественной войны был возрожден институт опеки и патроната, не получивший должного распространения в первые десятилетия советской власти. Лишь в 1936 г. появился термин «патронат», напрямую связанный с принятием ВЦИК и СНК РСФСР постановления «О порядке передачи детей на патронат в семьи трудящихся». С начала войны готовился проект «О временном размещении в семьях трудящихся детей, потерявших связь с родителями», который, к сожалению, по объективным причинам не был реализован (предполагалось установить бесплатное размещение детей в чужих семьях)⁴⁶. Но лишь в 1942 г. было принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в котором помимо трудоустройства и внешкольной работы с детьми предполагалось отводить значительную роль патронированию и опекуновству.

В связи с увеличением количества дел по усыновлению, опеке и патронату, а также с целью упорядочения этих процедур, 8 апреля 1943 г. была утверждена специальная инструкция Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомюста РСФСР, в которой указывалось, что основной задачей опекуна являлась забота о содержании подопечного и воспитание его в духе коммунистической морали⁴⁷. Опека выступала одной из правовых форм защиты личных и имущественных интересов несовершеннолетних. Устанавливалась она в случае смерти или болезни родителей, лишения их родительских прав, а также во всех иных случаях, когда дети по каким-либо причинам остались без родительского попечения, или родители уклонялись от обязанностей по воспитанию ребенка. Опекуном мог стать гражданин, достигший 18 лет, добровольно взявший на себя функции по опеке. Он был обязан заботиться о физическом развитии подопечного и его обучении. При достижении

⁴⁶ Нечаева А. М. Дети-сироты в России: послеоктябрьский период / А. М. Нечаева // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 126.

⁴⁷ История Советского государства и права накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1936–1945 гг. Кн. III. / отв. ред. А. П. Костицын. – М. : Наука, 1985. – С. 307.

подопечным 15 лет опека прекращалась, а опекун, без особого решения, становился попечителем.

Патронирование являлось одной из форм общественной помощи в деле осуществления охраны детства и борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью. На патронат определялись только здоровые дети в возрасте от 5-ти месяцев до 14 лет, лишившиеся родителей или потерявшие связь с ними. Согласно инструкции от 8 апреля 1943 г. «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей» патронируемые, достигшие 14 лет, направлялись, по усмотрению районного (городского) отдела народного образования в ремесленные и железнодорожные училища, школы ФЗО или на работу на равных условиях с воспитанниками детских домов. В этих случаях действие патронирования прекращалось.

Патронирование осуществлялось на добровольных началах. Детей в сельской местности передавали на патронат через председателей сельских советов и кассы общественной взаимопомощи колхозов, а в рабочих поселках через районные и городские отделы народного образования и здравоохранения. Передача детей на патронат проводилась по специальному договору, заключаемому уполномоченным органом (отделом народного образования, здравоохранения, кассами взаимопомощи колхозов). Данный документ в обязательном порядке регистрировался в местных органах власти. Заключению договора предшествовало тщательное обследование семьи, изъявившей желание взять ребенка на воспитание. К патронированию не допускались лица, лишенные по суду избирательных или родительских прав, душевнобольные или несовершеннолетние. Семье выплачивалось ежемесячное пособие из местного бюджета или касс колхозной взаимопомощи. Виды и размеры пособий (денежного и натурального) устанавливались согласно указаниям Наркомсобеса РСФСР и равнялись 50 рублям на ребенка⁴⁸.

⁴⁸ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 353.

В Удмуртской АССР в 1942 г. были зафиксированы случаи расходования патронатных средств не по назначению. Выделяемые на патронирование деньги уходили на поддержку матерям-одиночкам, а также расходовались на содержание детей-сирот колхозников. Хотя помощь последним должна была поступать соответственно из фонда социального страхования и колхозных касс взаимопомощи. Однако, за исполнением работы по патронированию и опекунству, распределением средств должны были следить не наркомы, а ответственные лица, в соответствии с их должностными поручениями.

Другой формой ликвидации детской беспризорности и защиты личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних являлось попечительство. Попечители назначались для детей старше 14 лет (под попечительство попадали дети-сироты или дети, имеющие родителей, при условии их письменного согласия). Несовершеннолетние находились под патронатом или попечением до 18-летнего возраста. В целом функции попечителей схожи с функциями опекунов. Под их руководством несовершеннолетние могли совершать законные действия и сделки. Попечители также несли полную ответственность за ребенка, за его воспитание, местонахождение и его поступки.

Непосредственные обязанности по патронированию и опекунству в республике выполняли инспекторы отделов детских домов. Им в помощь были прикреплены члены попечительских советов, в обязанности которых входило, в том числе, разъяснение местному населению основных положений о патронировании детей, их опекунстве и попечительстве. В компетенцию инспекторов входили вопросы систематического надзора за соблюдением условий договоров, обследования жизни детей, трудоустройства подростков при достижении установленного возраста и выхода из семьи, устройства детей в детские дома через НКП или районные отделы народного образования. Благодаря разъяснительной работе инспекторов, членов Комиссии по устройству детей и активистов-комсомольцев по вопросам патронирования, опеки и усыновления у населения стало формироваться правильное

представление о столь важном деле. Агитационная работа проводилась через радио, газеты, в материалах которых отражался положительный опыт работы лучших опекунов и патронатов⁴⁹. После публикации постановления и организации массовой работы среди населения многие семьи стали брать на воспитание детей.

На территории Удмуртской АССР патронат, к сожалению, не получил должного распространения (как это имело место, например, на Южном Урале)⁵⁰. Из отчета Комиссии по трудоустройству детей, оставшихся без родителей видно, что в республике в 1942 г. было направлено на патронирование за счет бюджетных средств 900 детей, за счет фондов из касс общественной взаимопомощи колхозов – 354 человека, 174 малыша было усыновлено, а 482 ребенка устроено в детские дома⁵¹. Эти цифры в несколько раз превышали довоенные. К примеру, в 1936 г. из запланированных 60–90 человек на патронировании числился всего 41 ребенок⁵², а к середине 1945 г. на патронат было отдано 1674 ребенка и 803 – под опеку⁵³. Возможно, столь низкий процент патронирования объясняется тем, что в городах к работе недостаточно активно привлекались домоуправления, а отделы народного образования систематически не выявляли детей, нуждающихся в государственной поддержке. Люди боялись брать на себя ответственность за судьбу ребенка из-за юридической безграмотности, материальной необеспеченности или полной трудовой занятости на промышленном производстве и сельском хозяйстве.

Впоследствии в 1943 г. не было устроено 658 детей в Игринском, Кезском, Малопургинском и Шарканском районах. В Селтинском, Старозятцинском, Кезском, Кизнерском и Кулигинском районах устройство детей-сирот в семьи колхозников практически было прекращено. Причина

⁴⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Л. 82; Д. 1564. Лл. 21, 22; Д. 1792. Л. 49; Д. 1938. Л. 2об; Д. 1947. Л. 111а.

⁵⁰ Романович С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. / С. В. Романович. – Оренбург, 2006. – С. 74.

⁵¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Лл. 117, 24об; Д. 1564. Л. 21; Д. 1579. Л. 5; Д. 1789. Л. 60; Д. 1794. Лл. 12, 139.

⁵² Там же. Д. 343. Л. 122.

⁵³ Там же. Д. 1789. Л. 59об.

заклучалась в недобросовестности районных инспекторов, не принявших мер для выявления детей-сирот, не проводивших предварительного обследования семей, в которые направлялись дети, не установивших контроль за условиями проживания ребятишек.

В РСФСР только по 18 областям, краям и автономным республикам к середине 1942 г. было взято на воспитание в семьи 13900 детей, а к началу 1943 г. число девочек и мальчиков, оставшихся без родителей и устроенных в семьи, увеличилось до 117928 детей (из них 13922 человека было усыновлено, 74648 отданы на патронат и 29358 – под опеку). К концу войны в советских семьях, по неполным данным, воспитывалось около 350000 детей, потерявших своих родителей⁵⁴.

Еще одной формой устройства детей в семьи было усыновление (регламентировалось указом от 8 сентября 1943 г. «Об усыновлении»). На усыновление дети передавались только в тех случаях, когда гибель родителей была установлена (в отдельных случаях на усыновление могли быть отданы дети, имеющие одного или обоих родителей, при условии их письменного согласия на это). Согласно дополнениям 1943 г., в том случае, когда родители или опекуны, не лишённые прав, были живы, требовалось их согласие на усыновление. Дети, достигшие 10-летнего возраста, также должны были давать свое согласие. В тех случаях, когда усыновление по каким-то причинам было невозможно, к несовершеннолетним применялись опека или попечительство.

В военные годы повысилась мера ответственности родителей и лиц, их замещающих. Еще в 1935 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации беспризорности и безнадзорности детей», где, согласно главе IV статье 18, родителей привлекали к административной ответственности за озорство и уличное хулиганство детей. В годы Великой Отечественной войны эти меры были ужесточены: кроме административной, стали применять и уголовную ответственность.

⁵⁴ Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Сеницын. – М. : Воен. изд., 1985. – С. 301.

На основании анализа имеющихся подзаконных актов военного времени становится ясно, что устройство детей-сирот в семьи трудящихся было определено государством как одна из первоочередных и необходимых мер. Но при существовании довольно полной законодательной базы и расширении полномочий инспекторов, служба по устройству детей в Удмуртской АССР все же была развита недостаточно.

Другим видом помощи детям-сиротам в годы войны было направление их в детские дома и интернаты. Если в мирное время прием здоровых детей (без психических расстройств, не болевших инфекционными заболеваниями, не глухонемых и не умственно-отсталых) в подобные учреждения осуществлялся, как правило, в летнее время (тогда же переводили воспитанников из дошкольных в школьные и смешанные детские дома), то в военное лихолетье – при наличии свободных мест, но по мере необходимости – ежедневно. Изменился и контингент детей. До войны он состоял из детей одиноких матерей, репрессированных, детей, нуждавшихся в помощи и защите государства вследствие болезни родителей или лишения их родительских прав. В годы войны это были, в основном, беспризорники и дети-сироты. В целом, данные статистики свидетельствуют, что в 1936 г. в детских домах числилось 63,5% круглых сирот, 30,9% полусирот и 5,6% воспитанников, имевших обоих родителей. К 1944–1945 гг. эти цифры изменились: на государственном обеспечении находилось соответственно 69% сирот и 31% полусирот⁵⁵. Война лишила ребятишек не только крова, но и заботы самых близких и родных людей.

В годы тяжелой и изнурительной войны детей-сирот и безнадзорных подростков старались зачислить в детские учреждения (хотя не всех удавалось устроить, именно поэтому усиленно проводилась работа по организации усыновления, опеки и патронирования). В детские дома и интернаты дети попадали разными путями. Ежегодно в государственных учреждениях фиксировалась большая подвижность воспитанников. В качестве иллюстрации

⁵⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 238. Л. 9.

можно привести следующий пример: «к декабрю 1941 г. из всех республиканских детдомов и интернатов было возвращено обратно родителям – 289 детей, взято на воспитание – 6 человек, призваны по мобилизации на завод – 18 подростков и направлены в ремесленные училища и школы ФЗО – 96. Всего: 409 воспитанников, а зачислено обратно от роно и детского приемника-распределителя – 144 ребенка»⁵⁶. Частая сменяемость детского состава влияла на школьную успеваемость и дисциплину воспитанников.

Работа интернатов и детдомов напрямую зависела от организационной деятельности наркоматов. Известно, что еще до войны функции между ними были разграничены, а в начале войны частично пересмотрены. Это была необходимая мера, вызванная расширением сети детских домов за счет эвакуированных учреждений. Как и прежде, на НКП УАССР возлагалась ответственность за образование и воспитание подрастающего поколения, обеспечение местных и эвакуированных детских учреждений оборудованием и материалами. Внутри ведомства обязанности были перераспределены. На начальника управления детскими домами возлагался контроль за организационно-хозяйственной работой эвакуированных детдомов и интернатов, а также за учебно-воспитательной работой этих же детских домов. Соответственно начальнику школ вменялось руководство эвакуированными школьными интернатами. Работу дошкольных детских учреждений координировал начальник управления дошкольных групп. В эти годы для организации и более профессиональной работы по воспитанию и образованию детей в детдомах были восстановлены курсы усовершенствования учителей в Удмуртском республиканском институте и совещания районных педагогических кабинетов.

Сотрудники Наркомата здравоохранения были обязаны следить за здоровьем детей и санитарным состоянием, как местных, так и эвакуированных детских домов и интернатов, а члены Наркомата финансов, соответственно,

⁵⁶ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Л. 46.

контролировать финансирование детских государственных учреждений. На работников Наркомата торговли и Удмуртпотребсоюза была возложена функция организации бесперебойного снабжения учреждений продуктами питания из централизованных фондов. Общее руководство работой вышеперечисленных органов возлагалось на СНК и НКП СССР, УАССР⁵⁷.

В 1941 г. в целях оказания помощи и усиления контроля за работой учреждений Управление детскими домами Наркомпроса РСФСР организовало при отделах народного образования областей, краев и республик инспектуру из лучших работников детдомов. Общественные инспекторы должны были соответствовать следующим требованиям: быть авторитетными, политически грамотными, квалифицированными, иметь педагогическое образование и опыт работы с детьми. Им выдавалось удостоверение сроком до одного года. Общественные инспекторы проводили проверки в детских домах. Итоги проверок инспекторы обсуждали на педагогическом совете детского дома, привлекая при этом общественность (учителей школ, шефов, комсомол). По окончании работы общественный инспектор направлял в сектор детских домов докладную записку с решением педсовета и местных руководящих организаций о результатах проверки и принятых мерах.

В течение первого полугодия 1941/42 учебного года сотрудники Управления детскими домами и инспекторы наркомата просвещения обследовали все детские дома в республике. Было организовано более 80 проверок. Большая часть проверок была связана с решением первоочередных вопросов, таких как устройство эвакуированных детских учреждений в районах и переброска существующих детдомов. В Гольянском, Можгинском и Шарканском детских домах проверки проводились неоднократно.

Во втором полугодии выездные проверки были вызваны подготовкой и проведением весенней посевной кампании. Вопросы о выделении земельных участков и семенного материала для эвакуированных домов, об улучшении питания воспитанников обсуждались на пленумах Совнаркома, райисполкомов

⁵⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Лл. 141об, 147; Д. 1422. Л. 154.

и райкоматов ВКП(б). СНК УАССР отмечал, что в 1941 г. неудовлетворительно работали исполкомы Нылгинского, Пудемского и Шарканского районных Советов депутатов трудящихся, которые не смогли организовать в детдомах требуемый порядок.

В июне 1942 г. в очередной раз были проведены обследования в 10 эвакуированных домах и интернатах, в результате которых сотрудники Управления детдомами выявили такие факты, как скученность воспитанников, антисанитария помещений, слабая воспитательная работа педагогов и плохое обеспечение детдомовцев продуктами питания (особенно жирами и овощами) и одеждой. Стало очевидно, что совершенно не исполнялось постановление СНК РСФСР от 24 марта 1942 г. «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений». Во многих детских домах и интернатах подростки болели чесоткой, простудными заболеваниями, цингой, желтухой и малокровием. К примеру, литовские воспитанники Шарканского интерната заболели цингой, чтобы снизить массовую заболеваемость интернат временно приравнивали к санаторному типу. Здоровье детей поправилось только после организации калорийного питания. В Шарканском и Новозятцинском детдомах туберкулезом легких переболело 11 детей, в срочном порядке их отправили на лечение в туберкулезный санаторий. В Нылгинском детдоме после принятых профилактических мер и обследования всех детдомовцев выездным медиком была предотвращена эпидемия чесотки.

По мнению Совнаркома Удмуртской АССР, ответственность за массовые заболевания во многих домах и интернатах следовало возложить на НКЗ и исполкомы райсоветов, отнесшихся безразлично к условиям проживания воспитанников детских учреждений своих районов. Хотя в сложившейся ситуации, в первую очередь, был виноват Наркомпрос УАССР, который, по непонятным причинам, выборочно руководил работой детдомов и интернатов или формально организовывал проверки. Комиссар просвещения своевременно не принял меры, ограничившись лишь частичным решением вопросов. В результате Совнарком РСФСР настоятельно рекомендовал руководству

республики изменить свое отношение к данному делу и улучшить качество работы. В противном случае могли последовать увольнения и административные наказания⁵⁸.

Для ликвидации детской беспризорности и безнадзорности советское государство предпринимало усиленные меры. Но, несмотря на проводимую работу, создавшееся положение все-таки вызывало тревогу. Из представленной в Совнарком СССР справки НКП РСФСР от 8 мая 1943 г. «О борьбе с детской беспризорностью» следовало, что в стране продолжало увеличиваться количество беспризорных и особенно безнадзорных детей. Соответственно увеличилось количество несовершеннолетних правонарушителей, а существующие учебно-воспитательные учреждения органов народного образования не справлялись со своей работой. Поэтому СНК СССР принял решение и опубликовал постановления от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» и «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет (воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей)». В соответствии с данным постановлением в тыловых районах страны создавались детские трудовые и воспитательные колонии общей численностью 30000 человек. Они предназначались для подростков, задержанных за различные преступления. Для облегчения содержания воспитанников в детских домах, все дети старшего возраста выпускались из учреждения и направлялись на учебу в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Но, несмотря на предпринятые меры, количество беспризорных и безнадзорных детей продолжало увеличиваться (но не в таких размерах, как в 1920-е гг.).

Немалую роль в борьбе с детской беспризорностью сыграла общественность, без помощи которой вряд ли удалось бы добиться определенных положительных результатов. Представители общественности регулярно проводили декадники, недельники, двухнедельники в помощь беспризорным детям. В условиях войны и дефицита не только продуктов

⁵⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1096. Л. 20; Д. 1453. Т. I. Лл. 50, 118, 130, 131; Д. 1579. Лл. 15, 36.

питания, но и промтоваров население республики по собственной инициативе или по призыву местных властей оказывало воспитанникам детских домов и интернатов безвозмездную помощь. Из воспоминаний воспитательницы Сюмсинского школьного детдома О.Н. Ашихминой: «Дети, прибывшие из Курской области в УАССР, ничего не имели, пришлось все собирать своими силами, за одеждой, посудой ездили на лошадях по деревням. Ходили по домам, никто нам не отказывал: люди подавали кто чашку, кто ложку. Постепенно обжились. Появились кровати и кое-какая мебель»⁵⁹. Слова благодарности жителям республики выразила воспитанница другого – Дебесского – детдома М. Растекайте: «Сразу после прибытия в Дебесы ребята вместе с воспитательницей Анастасией Щукене, взяв мешки, ушли в деревни за провизией. Ушли с мешком, а вернулись с телегой: местные жители давали, кто сколько мог. Особенно запомнилось, как в одном доме дали три моркови. У этой семьи больше ничего не было»⁶⁰.

Совместными усилиями работники местных предприятий и организаций изготавливали мебель, посуду, одежду и обувь, ремонтировали жилые помещения, выделяли инвентарь, из подсобных хозяйств отпускались продукты питания детским учреждениям. Благодаря помощи колхозников Завьяловского района воспитанники Каракулинского интерната и Гольянского детдома получили теплые пальто и валенки. Школьники, как и взрослые, оказывали добровольную поддержку сверстникам. По инициативе ОК ВЛКСМ в районах республики был организован сбор теплых вещей, обуви и белья. В результате проведенной работы, например, только в 1941 г. учащиеся одной из городских школ Сарапула смогли собрать «немного белья, четыре пары валенок и шесть пальто»⁶¹.

В городах и районах республики шефскую помощь оказывали сотрудники отделов народного образования, представители районных и сельских Советов депутатов трудящихся, местный актив совхозов, заводов и других советских

⁵⁹ Ливанова Г. Был в Сюмсах детский дом / Г. Ливанова // Знамя. – 1995. – 30 мая.

⁶⁰ Норквявичюс Ю. Память сердца – Дебесы / Ю. Норквявичюс // Удмуртская правда. – 1985. – 15 декабря.

⁶¹ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.

предприятий, общественные организации (Международная организация помощи борцам революции, Союз польских патриотов в СССР и т.д.), а также молодежные комсомольские и пионерские коллективы. Зачастую комсомольцы были инициаторами проведения сбора вещей среди местного населения. Так, в 1942 г. усилиями районных комсомольских организаций было собрано 14424 вещи для воспитанников эвакуированных детских учреждений. Решением ЦК ВЛКСМ был открыт специальный расчетный счет «Фонд помощи детям, пострадавшим от немецкой оккупации». На него за короткий промежуток времени поступило 20000 рублей из индивидуальных взносов или с выручки за проведение платных услуг (например, концертов). По примеру колхоза им. Сталина Вавожского района в городских, сельских школах и колхозах ежегодно создавались фонды всеобуча, в которые поступали шерсть, одежда, обувь эвакуированным и детям семей военнослужащих.

Комсомольцы и молодежь Завьяловского района взяли шефство над Гольянским детским интернатом, а из собранной шерсти собственноручно скатали 40 пар валенок. Комсомольцы Уканской средней школы шефствовали над Уканским детским домом, а комсомольцы Нылгинского района в помощь эвакуированным домам провели воскресник. Из числа активисток-комсомолок формировались постоянные и временные бригады по пошиву новой одежды и ремонту старой. Так, комсомольская организация г. Ижевска в 1942 г. провела собрание, на котором обсуждались вопросы помощи и поддержки воспитанникам в детских домах и интернатах. В итоге активистки-девушки решили оказывать помощь воспитателям в организации детского досуга.

Комсомольцы брали под контроль работу комсомольских ячеек, детских домов и интернатов, организуя специальные бригады. Они устраивали проверки и следили за тем, чтобы в учреждениях работали ответственные и любящие свое дело воспитатели, принимали участие в отстранении от работы недобросовестного персонала. Кроме того, участвовали в подборе помещений и расселении эвакуированных детей, снабжении их одеждой и прочими необходимыми хозяйственными вещами. Среди комсомольских активистов

выделялись самые ответственные, им поручалось в детских учреждениях зачитывать доклады, проводить беседы на разные темы. Безвозмездную помощь оказывали также учащиеся училищ и школ ФЗО (согласно приказу начальника управления трудовых резервов Удмуртской АССР)⁶².

Добросовестно шефствовали отдельные колхозы и совхозы, оказывая поддержку в обработке земельных участков и доставке дров в детские учреждения. Если первая часть работы в военные годы выполнялась последовательно и добросовестно, согласно выходившим постановлениям, то вторая – неорганизованно. Детдома и интернаты на протяжении всей войны были обеспечены топливом, как правило, на 50% (в некоторые годы и того меньше). Полностью не выполнялись постановления, в которых прописывалось исполнительным органам обеспечивать детские учреждения в обязательном порядке полугодовым запасом топлива⁶³. Нужно признать, что существенная помощь стала оказываться лишь с 1944 г., когда постановлением СНК УАССР от 21 июня колхозам было приказано организовано проводить заготовку дров. До этого времени всю работу выполняли сами дети и сотрудники детских учреждений, вовремя подвезти дрова к осенне-зимнему сезону им не удавалось. Так, к ноябрю 1942 г. совместными усилиями для республиканских детдомов и интернатов было заготовлено 14680 кубометров дров (а требовалось 28998 кубометров), вывезено же лишь 3300 кубометров. Полностью дровами были обеспечены только Алнашский, Кокманский и Сарапульские № 1 и № 6 детские дома⁶⁴.

Необходимо отметить, что с каждым военным годом устройство детей-сирот и работа с ними в детдомах и интернатах давались все труднее. Это объяснялось не только тем, что количество беспризорников и безнадзорников росло, но и тем, что в детские дома все чаще попадали крайне истощенные и

⁶² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Лл. 22, 23; Д. 1453. Т. I. Л. 110об; Д. 1579. Л. 114; Д. 1684. Л. 111; Д. 1794. Л. 4.

⁶³ Постановление СНК УАССР от 13 февраля 1942 г. «О состоянии работы эвакуированных детских учреждений», постановление СНК РСФСР от 23 марта и 8 августа 1942 г. «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений», постановление СНК РСФСР от 9 мая 1943 г. «Об обслуживании эвакуированных детских учреждений и подготовке их к зиме» и «Об улучшении состояния детских домов», постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов».

⁶⁴ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 7. Лл. 257; 258; Д. 57. Л. 63; Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Л. 140; Д. 1448. Л. 153; Д. 1453. Т. I. Лл. 109; 110; Д. 1549. Л. 104; Д. 1794. Л. 139; Д. 1947. Лл. 104, 104а, 107.

больные дети из освобожденных районов страны. Пополнялось число брошенных детей, в том числе за счет эвакуированных после оккупации беременных женщин, которые, будучи изнасилованными фашистами, не хотели рожать и воспитывать их детей. Государство не могло допустить массового появления брошенных младенцев, поэтому в 1944 г. было опубликовано постановление, позволявшее одиноким матерям, на основании статьи 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля, «по своему желанию помещать рожденного ею ребенка в детское учреждение (детский дом, дом ребенка) на содержание и воспитание полностью за государственный счет»⁶⁵.

В условиях войны стала очевидной необходимость в выработке единых требований к организации нового типа детских заведений. В 1944 г. Наркомпросом СССР были утверждены положения «О дошкольном детском доме», «О школьном детском доме», «О детских домах смешанного типа», которые регулировали работу разных видов детдомов. Для облегчения педагогической работы воспитателей и индивидуального подхода к детям в 1944 г. было составлено инструктивное письмо Наркомпроса РСФСР, в котором прописывалось в обязательном порядке на каждого переводимого ребенка составлять подробную характеристику. Благодаря таким характеристикам в будущем можно было избежать самых непредсказуемых ситуаций в учебно-воспитательном процессе.

Конкретные мероприятия по улучшению положения детей в детских домах были определены в постановлениях СНК РСФСР «Об улучшении состояния детдомов» от 9 мая 1943 г. и СНК СССР «Об улучшении работы детских домов» от 1 сентября 1943 г. В конце войны особое внимание стали уделять имущественным правам детей. В августе 1944 г. НКП РСФСР были утверждены инструкции «Об охране имущественных прав воспитанников детских домов». Охрана имущественных прав возлагалась на отделы

⁶⁵ Романович С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. / С. В. Романович. – Оренбург, 2006. – С. 67.

образования и директоров детдомов. Однако перевод имущества воспитанника в имущество детского дома запрещался.

Сеть детских интернатных учреждений разрасталась пропорционально увеличению количества детей-сирот в стране и в республике в частности. Несмотря на это, мест для них по-прежнему не хватало, поэтому к концу войны пристальное внимание стали обращать на обязательное трудоустройство выпускников. Свободные места появлялись в детских учреждениях, в том числе за счет детей, усыновленных и возвращенных родителям. В короткий срок на их место зачислялись другие подростки.

В годы войны сохранился еще один тип детских учреждений, куда помещались беспризорные дети, уже совершившие противоправные действия, административные проступки или преступления – детские колонии. Они стали открываться в соответствии с постановлением СНК УАССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Действовали как детские трудовые колонии, так и детские воспитательные трудовые колонии, последние начали организовываться с 1943 г. в результате омоложения преступности. В них направлялись дети от 11 до 16 лет, систематически нарушавшие внутренний распорядок дня и дезорганизующие нормальную обстановку в детском доме или интернате, а также беспризорники, задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления.

В Удмуртской АССР в 1943 г. были созданы две детских воспитательных трудовых колонии. Одна работала в Заречной части г. Ижевска (до 1953 г.), вторая – в пос. Кокман. В апреле 1944 г. последняя была переведена в г. Сарапул, после вспыхнувших в Кокмане беспорядков, во время которых были сожжены жилые и служебные помещения. В 1944 г. в обеих колониях насчитывалось 500 подростков. Дети в них направлялись по единогласному

решению начальника НКВД и заведующего Наркоматом просвещения Удмуртской АССР⁶⁶.

Такова в основном система мероприятий по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности в военные годы. Была сформирована разветвленная сеть детских учреждений: детские комнаты, приемники-распределители, колонии, дома, интернаты и т.д.

Основной формой работы по ликвидации детской беспризорности в Удмуртской АССР оставалось выявление и помещение беспризорников, детей-сирот, нуждающихся в государственной помощи, в детские учреждения интернатного типа, которые стали еще и особой структурой в системе подготовки трудовых резервов. Дополнительная сеть детских интернатов и домов в республике была развернута для эвакуированных детей. Здесь, благодаря поддержке общественных организаций и помощи простых граждан (инициатива советских граждан по оказанию материальной помощи детским учреждениям была закреплена законодательно), были созданы приемлемые условия для жизни и учебы воспитанников. Подростков старше 14 лет зачисляли в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, ВУЗы, или направляли работать на промышленные предприятия и в совхозы.

Забота об эвакуированных и местных воспитанниках стала всенародным делом, общей задачей органов исполнительной власти. Личная ответственность за беспризорность и безнадзорность детей, за поставку продовольствия и обеспечение необходимым инвентарем для детских воспитательных учреждений возлагалась на исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся. В свою очередь персональная ответственность возлагалась и на директоров детских учреждений за бегство детей из детдомов, интернатов, колоний и детских комнат, а также за их жизнь, здоровье, обеспечение продуктами питания и одеждой, обучение и воспитание.

⁶⁶ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 38. Л. 31; Карпова Л. М. Деятельность органов Внутренних дел УАССР по организации борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной Войны в 1941–1945 гг. / Л. М. Карпова // Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы, 7–8 апр. 2005 г., Ижевск / под ред. А. Л. Кузнецова, Н. К. Коробейниковой, К. И. Куликова. – Ижевск, 2005. – С. 177.

Местные власти и руководители детских домов, интернатов старались беспрекословно исполнять федеральные и республиканские постановления, а государственные органы продолжали контролировать исполнение законов. В годы войны был принят комплекс организационно-распорядительных документов в области охраны детства, два из которых можно считать основополагающими – постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством».

Постановление СНК от 23 января 1942 г. имело двойную сущность. Гуманность по отношению к детям-сиротам и беспризорникам проявлялась в принятии детей на полное государственное довольствие, предоставлении минимального комфорта и постоянного питания, что, конечно же, лучше, чем жить в подвалах, разрушенных домах, где они обитали в условиях полной антисанитарии и голода. Кроме того, единая детская справочно-адресная служба сулила родителям облегчение в поиске детей благодаря четкой регистрации каждого ребенка. С другой стороны сиротами, беспризорниками и малолетними преступниками занимались силовые структуры. При увеличении сети приемников-распределителей и колоний, усиливалось влияние органов НКВД. Безусловно, каждый человек, находясь в рамках тоталитарного государства, в военные годы испытывал на себе мощный командно-административный диктат. Его воздействие нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, государственная регламентация, административный и идеологический прессинг несли отрицательный заряд. С другой, в условиях войны сверхцентрализм и государственное принуждение способствовали быстрой адаптации в экстремальных условиях и концентрации всех сил в нужном направлении, что имело, несомненно, положительный результат.

Следующей формой устройства детей-сирот было усыновление, патронирование, попечительство, которое, в отличие от первой формы, не получило в республике широкого распространения. Еще одна форма была

направлена на такую категорию подростков как правонарушители; ее представляли детские трудовые и воспитательные колонии.

В течение всего военного времени, продолжалась работа по поиску других, более эффективных мер предупреждения безнадзорности и беспризорности, так как беспризорники, в общем-то, представляли для общества опасность, являясь одним из источников пополнения преступных группировок. Кроме того недостаточная работа среди подрастающего поколения могла отразиться на снижении уровня образованности населения после войны, росте количества инфекционных заболеваний, сокращении прироста населения и т.д.

§ 2. Материально-бытовые условия жизни воспитанников детских домов и интернатов в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны Удмуртская АССР оказалась одной из важнейших тыловых баз страны. В Уральском экономическом регионе она занимала важное стратегическое положение, основой ее промышленности было производство высококачественного металла и стрелкового оружия, поэтому в республику в первую очередь были эвакуированы промышленные предприятия с рабочими. Их размещали в городах, в том числе Ижевске, который в то время имел статус закрытого города.

Война потребовала широкой мобилизации финансовых средств в интересах экономического обеспечения военных действий, поэтому в республике (впрочем, как и прежде) особое внимание уделялось военно-промышленному комплексу, финансирование социокультурной сферы проходило по остаточному принципу. В детских учреждениях Удмуртской АССР и до войны существовали жилищная, кадровая и продовольственная проблемы, в сороковые годы они еще больше обострились, в том числе

вследствие увеличения сети детских домов и интернатов за счет эвакуированных детей и местных детей-сирот.

Основным методом организации советской экономики в период войны оставалось планирование. Так, уже 30 июня 1941 г. правительство утвердило мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал 1941 г.: были сокращены рыночные фонды продовольственных и промышленных товаров, снижен план розничного товарооборота. В итоге, в условиях военной экономики для населения была введена нормированная продажа продовольствия и предметов широкого потребления (карточная система), а детские дома и интернаты были переведены на государственное обеспечение, в них были установлены специальные нормы снабжения, согласованные с органами здравоохранения и просвещения. Для каждого детского учреждения товары отпускались по заборным книжкам, выдаваемым карточными бюро.

Производство продовольствия и товаров широкого потребления резко уменьшилось, в связи с оккупацией западных территорий СССР, на которых располагались предприятия, и переключением многих промышленных предприятий, колхозов на выполнение военных государственных заказов. Заводы, расположенные в оккупированных областях, давали 87% всего сахара, на полях выращивали 40% зерна. Соответственно в 1942 г. в стране продолжало работать только 26 сахарных заводов (лишь с 1944 г. производство сахара возросло), упала выработка хлопчатобумажных тканей с 3,9 млрд. погонных метров в 1940 г. до 1,6 млрд. погонных метров – в 1942 г., выпуск кожаной обуви сократился с 211 млн. пар в 1940 г. до 57,2 млн. пар – в 1942 г.⁶⁷. Большой недостаток страна испытывала в растительном масле. Наиболее низкий показатель выработки растительного масла был отмечен в 1943 г. – лишь 27% от довоенного уровня⁶⁸.

⁶⁷ Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. – М. : Экономика, 1968. – С. 14.

⁶⁸ Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941– 1945 гг. / под ред. И. А. Гладкова. – М. : Наука, 1970. – С. 146.

Острота проблемы снабжения одеждой, обувью, мылом и другими вещами первой необходимости была связана также с кризисом довоенного состояния легкой промышленности. Преимущественное развитие тяжелой индустрии, слабость сырьевой базы привели к тому, что перед войной «70–75% товаров, реализуемых через розничную торговлю, принадлежали к разряду остродефицитных»⁶⁹. Например, в Удмуртской АССР в 1939–1940 гг. остродефицитным товаром считались валенки: воспитанники детских домов были обеспечены ими в лучшем случае на 50%. Естественным источником покрытия дефицита товаров ширпотреба должно было стать их производство на государственных и кооперативных предприятиях, в цехах ширпотреба заводов. Наиболее трудным был 1941–1942 г., когда производство всех предметов потребления резко сократилось.

В годы войны стала очевидной необходимость в координации работы по устройству детей, оставшихся без родителей, и предупреждению детской беспризорности местными органами государственной власти. Наркоматы, отделы народного образования, торговые организации проявляли не всегда одинаковую заботу о местных и эвакуированных воспитанниках, так как существовал недифференцированный подход к эвакуированной группе детских учреждений. В управлении детскими домами они числились под общим названием «детские дома», поэтому эвакуированные школьные и дошкольные интернаты не выделялись из общего списка. Детей, прибывавших из разных областей РСФСР, автоматически объединяли, в то время как они нуждались в индивидуальном подходе. Иногда воспитанников расселяли в стационарные детские дома небольшими группами, туда, где имелись свободные места. Как правило, таким образом, старались устроить детей, прибывших через НКВД, госпитали, с чужими семьями и т.д. Так, в Юкаменский школьный детский дом в 1942 г. было определено 30 детей, в Новомултанский школьный детдом 37 эвакуированных детей, в Сарапульский школьный детский дом 15 ребятишек.

⁶⁹ Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. – Челябинск : Челябинский агроинженерный университет, 1995. – С. 77.

Детей, эвакуированных вместе с родителями, ставили на учет в отделе народного образования. По данным на 1 декабря 1942 г., в школах республики числилось 2474 эвакуированных школьника (без учета воспитанников детских домов)⁷⁰.

Распределение детей по местным детдомам или временное размещение в непригодных летних зданиях чаще объяснялось отсутствием фонда свободных помещений и несвоевременной подготовкой зданий для вновь организуемого детского дома. Усилиями заведующих и директоров, как правило, проводилась первоочередная работа: небольшой ремонт, кладка печей, остекление помещений. В редких случаях для улучшения жилищных условий детский коллектив перевозился в другой дом, на базе которого открывалось новое учреждение. В тех детдомах и интернатах, где площадей для воспитанников было выделено меньше положенного госстандартом, местные органы власти, по возможности, строили или выделяли дополнительные помещения (как Каракулинскому интернату и Люмскому детдому в 1942 г.).

Для приема нового контингента детей требовалось правильно выбрать место для будущего детского учреждения, вовремя организовать ремонт в комнатах, снабдить имуществом. На это уходило время и ассигнования. Практически во всех детских домах и интернатах не были созданы оптимальные условия: не хватало мебели, кухонной и столовой посуды, особенно остро ощущался недостаток в глубоких тарелках, алюминиевых ложках и кастрюлях, несмотря на то, что в некоторых районах работали артели по производству кухонной посуды (например, артель «Металлистов» рядом с Шарканским детдомом). В результате дети обедали по очереди или использовали столовые приборы не по назначению (суп ели чайной ложкой). Известны и такие случаи, когда детдомовцы без ложек выхлебывали жижу супа, а затем пальцами собирали гущу (Озоно-Чепецкий детдом) или ели из стеклянных банок (Сарапульский школьный детдом № 6).

⁷⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1579. Лл. 105, 107.

Из-за недостаточного количества кроватей или постельного белья в учреждении воспитанники спали по двое на кровати. В 1942 г. так засыпало 50 детей (или 70%) в Каракулинском, 30 человек (30%) в Большенорьинском, 38 воспитанников (30,4%) в Нылгинском интернатах, 15 детей (17%) в Карсовайском и 10 человек (6,4%) в Уканском детских домах. На первый взгляд, сложившееся положение можно объяснить недостатком времени для обустройства быта с момента недавней эвакуации. В действительности обстановка из года в год практически не менялась. В 1942 г. никто из ответственных лиц так и не оказал помощи руководителям вышеперечисленных детских домов и интернатов в ремонте имеющегося имущества и приобретении через районные промкомбинаты столов, стульев, шкафов и другого хозяйственного оборудования.

Поставка промышленных товаров осуществлялась через централизованные фонды, а также из местных артелей. Работа республиканских организаций (Удмуртпотребсоюза, Главснабпрома, Росглавлессбыта, Наркомместпрома и др.) не всегда была безупречной. К примеру, Росглавлессбыт не использовал фонды за четвертый квартал 1942 г. и первый квартал 1943 г., несмотря на то, что Главснабпром вовремя отпустил наряды на местную базу. Жалобы в НКП и СНК УАССР от директоров детских домов в адрес торгующих организаций и районного руководства были постоянными и справедливыми. Они регулярно задерживали поставки продуктов питания, одежды, обуви и постельного белья в детские учреждения. Как следствие воспитанники постоянно испытывали нужду в кожаной и зимней обуви, чулках (шили из мануфактуры в мастерских детдомов), пальто и одеялах. Обеспеченность этими вещами не превышала порой и 50%. К примеру, в Озоно-Чепецкий дом за два первых военных года не поступило никакой одежды (даже зимних пальто, поэтому к 1943 г. старые оказались непригодны к носке). У 80 (из 150) воспитанников не было головных уборов, мальчики носили фетровые шапки девочек или «повязывали на голову простыни и

полотенца»⁷¹. В эвакуированный Каракулинский интернат для 200 воспитанников в 1942 г. было выделено 4000 погонных метров мануфактуры (в квартал на одного ребенка при минимальной потребности предусмотрено 12–14 погонных метров), всего 150 зимних шапок и 54 пары валенок⁷². Воспитанники Балезинской спецшколы вообще не были обеспечены промтоварами по фондам НКП УАССР и местных торгующих организаций.

Результаты инвентаризации, проведенной в январе 1942 г., также указали на остроту проблемы. В детских домах и интернатах числилось не менее 40–45% ветхой одежды. Для решения вопроса Совнарком УАССР предложил во всех мастерских детских учреждений и местной промышленности организовать ремонт обуви и починку детской одежды. Что и было сделано. Уже в конце 1942 г. республиканскими предприятиями были изготовлены и выделены столь необходимые воспитанникам 2413 пар кожаной обуви и 395 пар валенок. Эвакуированные дети, размещенные в Можгинском, Карсвайском, Пычасском и Якшур-Бодьинском районах, были снабжены одеждой, бельем и обувью через райпотребсоюз, а в Шарканском районе – за счет распределений из сельпо и местных промартелей. Алнашская, Завьяловская, Каракулинская, Староятчинская, Шарканская и Якшур-Бодьинская районные организации уделяли большое внимание вопросам снабжения продуктами, обеспечения воспитанников обувью и одеждой. Напротив, в Камбарском, Красногорском, Нылгинском и Увинском районах детдомовцы очень нуждались в вещах первой необходимости⁷³.

В октябре 1944 г. Совнарком УАССР, вновь стараясь исправить положение, направил распоряжение Наркомместпрому, Удмпромсовету и Удмуртпотребсоюзу, в котором предписывал подготовить на предстоящую зиму 5000 пар обуви и одежду для эвакуированных детей. Однако, воспитанники так и не были обеспечены чулками и носками, валенками были снабжены лишь 40% детей, а вместо необходимых 5000 пар обуви было

⁷¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1583. Л. 43.

⁷² Там же. Д. 1453. Т. I. Лл. 46–50.

⁷³ Там же. Д. 1579. Лл. 105, 113.

изготовлено всего 914 пар кожаной обуви⁷⁴. Вновь из, казалось бы, критической ситуации местным властям помогли выйти рабочие местных предприятий. Ими на добровольных началах за два выходных дня была изготовлена кожаная обувь и сшита детская одежда (правда, иногда весьма низкого качества). Кроме этого, детские учреждения дополнительно получили мануфактуру⁷⁵.

Нестабильность в обеспечении детей промтоварами и продуктами питания в большей степени вызывалась военным положением. В этих условиях государство изменило характер расходов государственного бюджета, внесло необходимые корректировки в распределение национального дохода. С начала войны были значительно сокращены расходы, не имеющие прямого отношения к потребностям военного времени, мобилизованы как внутрибюджетные республиканские резервы, так и финансовые средства, имевшиеся у предприятий, учреждений и организаций. Обеспечение вещами только первой необходимости следовало связать еще и с особенностью развития местной промышленности в условиях войны. Заказы для детских учреждений порой не успевали выполнять в силу загруженности государственными заказами, ориентированными на нужды фронта, своевременно или вовсе не выделялось необходимое количество финансовых средств для производства определенного вида товара гражданскому населению. Хотя, известны и такие случаи, когда республиканские организации или местные власти недобросовестно относились к своим обязанностям, отчего в конечном итоге страдали дети. Ситуация со временем по объективным причинам изменилась, уже в 1944 г. для детей было выделено 30000 погонных м мануфактуры, 7300 пар обуви, 10500 швейных изделий и 9 тонн мыла⁷⁶.

Интенсивный рост детских домов, в свою очередь, требовал от государства новых усилий и финансовых затрат. Советское правительство отпускало на содержание детдомов крупные денежные суммы: в 1942 г. было ассигновано 40 млрд. руб., в 1943 г. – 105 млрд. руб., а в 1944 г. уже – 163 млрд.

⁷⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Лл. 152об, 153; Д. 1453. Т. I. Л. 131; Д. 1454. Т. II. Л. 14.

⁷⁵ Там же. Д. 1754. Л. 122; Д. 1579. Л. 15.

⁷⁶ Там же. Д. 1449. Л. 81.

руб. и в 1945 г. – 261 млрд. руб.⁷⁷ В Удмуртской АССР расходы на содержание прежних и организацию новых детских домов и интернатов по сравнению с 1940 г. увеличились в 2,1 раза. Так, в 1940 г. было израсходовано 7995 руб., а в 1945 г. выделено 16858 руб.⁷⁸ В первый годы войны план финансирования, по объективным причинам, оказался не выполнен, но уже в 1944 г. он был реализован на 105% (из 12186 руб. предусмотренных планом на функционирование государственных детских домов потратили 12793 руб.).

Не всегда в полном объеме осуществлялось централизованное финансирование детских домов. Особенно это было ощутимо в 1945 г., когда в республике количество детских домов увеличилось в несколько раз за счет принятия на государственный бюджет колхозных и межколхозных детских домов. В план бюджета на предстоящий год не была заложена сумма на эти учреждения, хотя по сравнению с 1944 г. она увеличилась на 22%. В то же время были урезаны статьи по открытию кредитов, в результате хозяйственная деятельность детских домов была парализована политикой Наркомфина СССР и Госбанка. Директора учреждений на протяжении всей войны практически не имели возможности приобретать продукты питания и промтовары за наличный расчет⁷⁹. Денежные фонды пополнялись с трудом, но, тем не менее, известны парадоксальные случаи, когда выделенные материальные средства на заказ обуви и одежды не были израсходованы. Освоить имеющиеся ассигнования было сложно из-за существующего недостатка готовой продукции. В этой ситуации выручали вещи, эвакуированные с детьми, а также возможность организации самозаготовок (прил. 2, табл. 1)⁸⁰.

В случае несвоевременной централизованной поставки продуктов питания у руководителей детских учреждений оставалась единственная возможность – приобретать их на колхозном рынке. Хотя и здесь возникали

⁷⁷ Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] : стат. сб. – Режим доступа : <http://www.tashv.nm.ru/StatSbornikVOV/StSbVOV25.html>. (Дата обращения: 16.04.2010).

⁷⁸ Поломский Н. А. Забота трудящихся Удмуртской АССР о детях, оставшихся без родителей в годы войны / Н. А. Поломский // Удмуртская АССР – фронту : патриот. движения населения респ. в 1941–1945 гг. / отв. ред. Н. А. Родионов. – Ижевск, 1988. – С. 113.

⁷⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1789. Лл. 52 об., 53.

⁸⁰ Там же. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 7. Л. 104.

определенные сложности. Во-первых, как и до войны, все операции проводились безналичным расчетом через заборные книжки. Во-вторых, финансовая политика была направлена на уменьшение платежных средств, не имеющих товарного покрытия. Устанавливался регулируемый порядок перечисления материальных средств на хозяйственные расходы детских учреждений⁸¹. В некоторых случаях спасали средства, полученные от продажи овощей, выращенных в приусадебном хозяйстве, или, продукции, произведенной в мастерских. В-третьих, перестройка торговли, вызвавшая резкое сокращение товарных ресурсов, негативно сказалась на приобретении продукции для детских домов и интернатов.

Советское правительство строго следило за сохранением стабильного уровня государственных розничных цен на предметы продовольствия и другие товары первой необходимости. Таким образом, основой политики твердой стоимости на промышленные изделия явились устойчивые оптовые цены. На колхозном же рынке закон стоимости действовал в своей рыночной форме закона «спроса – предложения». В результате в городах страны индекс цен на колхозных рынках в 1943 г. по сравнению с уровнем 1940 г. увеличился: на продукты растениеводства в 12,6 раз, на продукты животноводства в 13,2 раза. По мере восстановления сельского хозяйства и увеличения продажи продовольствия на колхозных рынках цены, начиная с 1944 г., стали снижаться (огромную роль в этом сыграла организация государственной коммерческой торговли по повышенным ценам с начала 1944 г.). В 1945 г. индекс цен колхозной торговли по сравнению с 1943 г. снизился в 2,3 раза. Хотя, наличие двух государственных розничных цен (пайковых и коммерческих) на один и тот же товар создавало почву для спекуляции⁸².

⁸¹ Герашенко В. С. Госбанк в годы Великой Отечественной войны / [Электронный ресурс] / В. С. Герашенко. – Режим доступа : <http://www.budgertf.ru/Publications/Magazines/Vestnik/2000/VestnikCBR05052000/VestnikCBR05052000020.htm>. (Дата обращения: 17.01.2010).

⁸² Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – С. 12, 127–129.

Часть продуктов питания детские учреждения начали закупать самостоятельно еще в начале 1941 г., когда было объявлено, что в полном объеме централизованное снабжение овощами не предусмотрено. Закупка овощей через децентрализованные поставки из фондов колхозов и сельских советов была проведена крайне неудачно. Вместо полагающихся 928,5 тонн картофеля было закуплено лишь 160 тонн (17,2%), вместо 460 тонн капусты приобретено 116 тонн (25,2%), вместо 458 тонн других овощей – всего 96 тонн (21%)⁸³. С целью урегулирования поступления продуктов в детские учреждения в августе 1942 г. было опубликовано постановление СНК «О бесперебойном снабжении детских домов». Наркомфин выделил ссуду в размере 250000 рублей на заготовку овощей для эвакуированных в республику домов и интернатов, а Наркомпрос перевел средства и обязал директоров детских учреждений немедленно заключить договоры с колхозами о поставке овощей. Но, несмотря на постановление и предпринятые республиканскими властями меры, план снабжения детских домов и интернатов овощами из фондов Удмуртпотребсоюза был, как и ранее, сорван (вместо планируемых 247 тонн была сдана 131 тонна овощей (53%). Столь же плохо обстояли дела и с мясными поставками). Колхозы не смогли обеспечить детские учреждения требуемым количеством овощей из-за выполнения первоочередных обязательств госпоставки сельскохозяйственной продукции. Это влекло за собой экономию в их расходовании на кухне детских учреждений. Так, по данным отчета директора Дебесского детского дома видно, что для нормального питания на одного ребенка необходимо не менее 500 гр мяса, 6 кг овощей и 6 кг картофеля в месяц.

Республиканские власти объясняли сложившееся положение отсутствием должного контроля со стороны бюро Управления государственной статистики. Позднее постановлением СНК УАССР от 8 января 1943 г. Удмуртпотребсоюзу было рекомендовано обеспечить продуктами питания детские дома, исходя из месячного запроса. Кроме того, были возобновлены децентрализованные

⁸³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Лл. 139, 140; Д. 1579. Л. 104.

заготовки. Это постановление, как и прежние, систематически нарушалось, а продукты питания поступали на места с большим опозданием. Удмуртпотребсоюз объяснял это тем, что на его базу с базы НКТ Удмуртской АССР продтовары приходили несвоевременно. В результате Кыйлудский детдом получил вместо 100 кг масла – 29 кг, Мултанский детдом на первое полугодие 1943 г. принял вместо 216 кг крупы – 117 кг, а в Светлянском детдоме хлеб выдавали нестабильно⁸⁴. Проблема усугублялась отдаленностью детских учреждений от райцентров (например, Гольянский детдом находился в 27 км), поэтому директора, в одиночку или совместно с районными организациями, были вынуждены решать текущие вопросы.

Неспособность колхозно-совхозной и промышленной системы преодолеть продовольственный кризис подтолкнули руководство страны к созданию параллельной сельскохозяйственной подсобной структуры. Начала формироваться собственная продовольственная база детских домов и интернатов, направленная на внутреннее потребление. Соответственно, в тех детских учреждениях, при которых было создано собственное подсобное хозяйство, питание детей было разнообразнее. Еще 25 февраля 1941 г. был опубликован приказ НКП УАССР «Об улучшении и создании подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда в детдомах», ставший программой действий на весь военный период. Детские коллективы, работая на участках, порой добивались высоких урожаев⁸⁵. Уже в первый летний военный сезон оказалось, что большинство детдомов и интернатов, добросовестно выполняя приказ НКП РСФСР от 3 марта 1942 г. «Об улучшении и создании подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда в детских домах», справились с посевной кампанией и полностью обеспечили себя овощами и, частично, продуктами животноводства.

Перед директорами детских домов в новую посевную кампанию ставились более высокие цели. Если в 1942 г. была определена задача

⁸⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1579. Л. 110; Д. 1713. Л. 17.

⁸⁵ Там же. Д. 1789. Л. 152.

организации при детских учреждениях подсобных хозяйств с расчетом обеспечения не менее 25% годовой потребности в мясе, картофеле и овощах, то к 1944 г. самообеспечение овощами и картофелем (дополнительно к государственным нормам) возросло до 80%, молоком до 25%, мясом, яйцами и крупой до 10%⁸⁶. Для реализации этой задачи местные власти (как и прежде) обязались предоставлять семенной материал и удобрения, оказывая поддержку в обработке земли и обучать сельскохозяйственному труду педагогический персонал и воспитанников. Так, Наркомпрос и Наркомзем УАССР обратились к народному комиссару земледелия СССР с просьбой предоставить в детские дома и интернаты, не успевшие обзавестись тягловой силой, 40 лошадей из колхозов республики согласно плану развития подсобных хозяйств в детских учреждениях.

Государственные органы власти совместно с комсомольскими и профсоюзными организациями всеми силами стремились обеспечить поставку одежды, обуви и продуктов питания в детские дома согласно нормам. В республике, как правило, нормы для эвакуированных учреждений приравнивались к нормам стационарных детских домов. В целом, программы для эвакуированных детей осуществлялись тщательнее и полнее. Например, в 1941 г. эвакуированным домам и интернатам стали выдаваться бóльшие наряды на продукты питания по сравнению с республиканскими детскими домами. Кроме того, оказывалась помощь сотрудникам учреждений и их семьям. Так, распоряжением народного комиссариата просвещения РСФСР для детей (до 15 лет) сотрудников эвакуированных учреждений организовывали питание на общих основаниях, в столовой, без права получения пищи на дом. Оплата взималась по нормам, установленным для воспитанников, имеющих родителей. С разрешения директоров детских домов эвакуированным воспитателям было разрешено питаться вместе с детьми или им выделяли нормированную продуктовую корзину. За это воспитатели вырабатывали в хозяйстве детского учреждения не менее 50% местной нормы колхозника и не менее 50%

⁸⁶ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1096. Л. 22; Д. 1792. Л. 13.

трудодней за летний период. Таким образом, привлекали внимание к непростой работе воспитателей, а для эвакуированных граждан создавали оптимальные условия жизни.

Известны и такие случаи, когда воспитателям не разрешалось питаться в детских учреждениях, поэтому они ходили в общественные столовые. Некоторые из них сознательно избегали совместных обедов с детьми, у воспитанников в свою очередь появлялось уважение к взрослым. К примеру, воспитанники Сюмсинского детского дома, познавшие голод в оккупированной немцами Курской области, первое время не наедались досыта, и несколько сердито поглядывали на воспитателей, питавшихся с ними за одним столом. Дело в том, что еще до войны, в январе 1941 г. было отменено льготное питание персонала детских домов. Согласно постановлению СНК РСФСР от 15 февраля 1941 г., его могли установить через дополнительные фонды продовольственных товаров, выделявшиеся областными (краевыми) торговделами. В этом случае воспитатели и технические служащие имели право получать продукты питания в рабочие дни по их себестоимости. Другим преимуществом воспитателей и технического персонала в военные годы была возможность приобретения одежды и обуви по специальным талонам, предоставлявшимся районными отделами народного образования (приказ НКТ РСФСР от 13 мая 1943 г.)⁸⁷.

В зависимости от экономической ситуации в стране изменялись и нормы выдачи хлебной продукции. С начала войны полагалось по 600 г хлеба в день на одного воспитанника. Хотя в том же 1941 г. эвакуированные дети из г. Кировска получали всего по 200 г., в то время как московским воспитанникам Увинской школы-интерната хлебная норма была установлена больше. В ноябре 1943 г. вышло постановление «Об экономии в расходовании хлеба», согласно которому отменялись сверхнормы и были установлены временные нормы снабжения хлебом в детских учреждениях. В Удмуртской АССР всем воспитанникам школьного возраста стали выдавать по 400 г хлеба в

⁸⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Л. 135; Д. 1579. Л. 91; Д. 1681. Л. 50.

день⁸⁸. Даже в 1941 г. ощущался недостаток в хлебе, теперь же урезанной хлебной нормы детям катастрофически не хватало, в том числе, эвакуированным с курорта польским ребятишкам. Именно поэтому ходатайством НКП УАССР в 1944 г. был рассмотрен вопрос о повышении отпуска хлебной нормы для 15–17-летних подростков интерната, который, в конечном счете, был одобрен. В том же приказе от 1943 г. прописывалось: учащимся военно-музыкальных школ, организованных при НКП РСФСР (на нашей территории – это авиашкола в г. Сарапуле и ленинградский военно-музыкальный интернат в пос. Балезино) выдавать по 500 г хлеба. В республике приказ не исполнялся, на каждого воспитанника авиашколы выделяли больше – по 800 г хлеба в день, а также 300 г муки в месяц, которая использовалась на общей кухне⁸⁹.

Ежегодно республиканские органы власти старались оказывать поддержку сильно ослабленным воспитанникам. Так, в 1941 г. для детей Каракулинского интерната, недополучавших хлебную продукцию, местные организации предложили вместо хлеба поставлять муку для изготовления домашней лапши и выпечки плюшек. В 1944 г. народными комиссарами торговли и просвещения УАССР было организовано дополнительное питание 200 воспитанников из 13 детских домов. В связи с этим стоимость питания на ребенка в день увеличилась с 4 руб. 6 коп. до 6 руб. Известно, что еще в 1942 г. норма питания на одного воспитанника в республиканских детских домах составляла 4 руб., но не во все учреждения поступали одинаковые суммы (к примеру, Гольянский и Уканский детдома получали меньше). Тогда и было предложено увеличить нормы питания эвакуированным воспитанникам на 25%. В поддержку же местным воспитанникам было выделено 120 центнеров ячменя и пшеницы, 40 ящиков яиц, 500 кг сливочного масла, 1 тонна белой муки, 500 кг кондитерских изделий.

⁸⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1579. Л. 105а; Д. 1684. Л. 167; Д. 1792. Л. 7.

⁸⁹ Там же. Д. 1684. Л. 167; Д. 1713. Л. 72; Д. 1794. Л. 72; Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

Аналогичные поставки организовывались и в следующие годы. Несмотря на тяжелое военное время, массового голодания детей в республике не было допущено. Для них было организовано четырехразовое питание, по возможности разнообразное, соответствующее ассигнуемым средствам. В рационе детдомовцев присутствовали (хотя и не каждый день) такие продукты как хлеб, сахарный песок, картошка, овощи, сливочное масло, мясо, рыба, крупы и яйца. По праздникам или в выходные дни дети получали шоколад, колбасы, конфеты, выпечку. Например, в эвакуированном Сюмсинском школьном детдоме: «кормили ребят три раза в день, давали мясо, по праздникам – шоколад. Но последствия голода во время оккупации еще долго давали о себе знать. Старшие ребята отбирали у младших и слабых хлеб, детдомовцы по привычке прятали куски, не съедая их за столом»⁹⁰.

В условиях военного времени и недостатка ряда продуктов в рационе питания огромное значение имела витаминизация. Собирали витаминоносное сырье, например, черную смородину, шиповник, крапиву, лебеду, подорожник. В рационе питания детей, прежде всего не хватало белков, недостаток которых восполнялся за счет использования пищевых дрожжей. Ассортимент блюд, в которых применялись дрожжи, был весьма разнообразен. Они шли в супы, крупяные и овощные котлеты, тушеную капусту, овощные запеканки и рагу. Повара каждый раз старались (но не всегда получалось) приготовить полноценный, высококалорийный и витаминизированный обед.

Роль местных властей в организации бесперебойной работы детских учреждений была определяющей. Личная ответственность за снабжение интернатов и домов промтоварами и продуктами возлагалась в первую очередь на сотрудников СНК и НКП УАССР. Они, стараясь улучшить поставки в детские учреждения, следили за работой республиканских и районных торговых организаций через вышестоящие органы⁹¹. Так, Удмуртпотребсоюз установил строгий контроль за своевременным и полным снабжением детских

⁹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Л.135; Д. 1454. Т. II. Лл. 12, 19, 179об; Д. 1579. Л. 110; Д. 1794. Лл.72, 97.

⁹¹ Там же. Д. 1422. Л. 154; Д. 1448. Лл. 152об, 153; Д. 1454. Т. II. Л. 41.

учреждений продуктами питания райпотребсоюзами. Наркомфин контролировал расходование сметных ассигнований, выделяемых через райпо для детских домов и интернатов. Уполномоченный торговой инспекцией осуществлял систематический контроль за отпуском продуктов питания детским учреждениям согласно нормам.

Сотрудники правоохранительных органов проводили проверки по отгрузке продуктов питания торгующих организаций. В случаях обнаружения фактов хищения или порчи продуктов питания (а также имущества) обвиняемых привлекали к административной и уголовной ответственности. Так, на некоторых председателей правлений райпотребсоюзов за несвоевременное снабжение детских домов и хищение продуктов были заведены судебные дела.

В итоге, практически во всех отчетах директоров и заведующих детскими домами и интернатами за 1943–1944 гг. отмечалось следующее: «Значительно улучшились фонды отпускаемых с баз продуктов питания, хотя в детские дома они поступали с некоторым опозданием (как по вине райпотребсоюзов, так и дирекции детских домов и интернатов)». Шарканский детский дом отчитывался: «В летний сезон 1943 г. плановое снабжение детдома через райпотребсоюз улучшилось. Дети стали получать качественные обеды, а такие продукты как мясо, сахар и крупы поступали без перебоев»⁹². Еще год назад воспитанникам на завтрак и обед накрывали по тарелке щей, а на ужин лишь стакан сладкого чая. В том же 1942 г. в Новомултанском детдоме детей кормили «жидкой похлебкой из муки», от полуголодного существования детдомовцы ходили к колхозным скирдам собирать зерна⁹³.

За состояние имеющегося перечня вещей и продуктов питания в самих детских учреждениях отвечали директора и завучи. В 1941 г. в эвакуированных детских домах и интернатах еще не был организован учет использования

⁹² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Лл. 41, 84, 93.

⁹³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Л. 152об; Д. 1453. Т. I. Лл. 108, 111, 131; Д. 1454. Т. II. Лл. 1, 4, 5, 17; Д. 1564. Л. 53; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 60.

вывезенного имущества. Отделы народного образования не успели взять под свой контроль этот вид работы, а обследования, проведенные комиссией контрольно-ревизионного управления при Наркомате финансов, выявили ряд фактов расхищения продуктов питания и дефицитных вещей сотрудниками Гольянского, Кыйлудского и Якшур-Бодьинского домов и интернатов. В них была обнаружена недосдача в размере 44000 рублей. Лишь с мая 1944 г. были созданы общественные контрольные комиссии при отделах народного образования, состоящие из 3–5 человек. Они формировались из представителей местного совета, шефствующих, комсомольских и профсоюзных организаций детских учреждений. Контрольные общественные комиссии следили за правильным расходом продуктов питания и использованием одежды, обуви и прочих промышленных товаров. Каждый предмет обихода инвентаризировался. Списанию не подвергались те вещи, которые могли прослужить в будущем.

По итогам проверки в 1944 г. были выявлены факты расхищения продуктов, дефицитных вещей и государственных средств в огромных размерах. Руководствуясь приказом НКП РСФСР от 23 марта 1942 г. виновных в неправильном расходовании продуктов питания и обвиняемых в кражах привлекали к уголовной ответственности. Материалы общественных контрольных комиссий передавались следственным органам, одновременно о фактах сообщалось в отделы народного образования. Так, за халатность в работе руководителей Сарапульского, Староятчинского, Сюмсинского, Тыловайского и Шарканского детских домов в 1944 г. привлекли к административной ответственности. На директора Светлянского детского дома было заведено уголовное дело за нарушение организации питания (неправильное расходование средств при получении продуктов питания)⁹⁴.

Проблемы с питанием и промтоварами были не единственными, существовала и жилищная проблема. Как и до войны, в сороковые годы многие детские дома и интернаты открывались в помещениях бывших церквей,

⁹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Л. 132; Д. 1580. Л. 23; Д. 1716. Лл. 8, 8а; Д. 1754. Л. 145; Д. 1794. Л. 139.

частновладельческих домах, в нежилом фонде, ранее использовавшем для культурно-просветительских и иных целей (клубах, конторах, зданиях МТС и т.д.), в малоприспособленных, ветхих зданиях, нуждающихся в ремонте. Слабость строительных или ремонтных работ объяснялась дефицитом материалов, отсутствием денежных средств и рабочих рук. Кажущееся наличие свободных мест в детских учреждениях следует рассматривать завышенным планом, в действительности во многих домах наблюдалась большая перегрузка воспитанников.

Неблагоприятные бытовые условия, ослабленный иммунитет, малокалорийное питание, безразличное отношение или недостаточное внимание к детям-сиротам со стороны взрослых, фактически полная необеспеченность детских учреждений самыми необходимыми медикаментами влияли на увеличение процента заболеваемости среди воспитанников. Для того чтобы избежать инфекционных заболеваний и эпидемий нужно было, в первую очередь, соблюдать элементарные санитарно-гигиенические требования, проводить профилактические мероприятия и обеспечивать детские учреждения квалифицированными медицинскими кадрами.

Постановлением СНК СССР от 27 октября 1942 г. «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава СССР в детских учреждениях по медицинскому обслуживанию и усилению питания нуждающихся детей» была восстановлена участковая система обслуживания детей в детских консультациях и поликлиниках. Врач и сестра отвечали за назначенный участок, определенную группу детей. Помимо своего участка каждый врач следил за санитарным состоянием школ, детдомов, детсадов и т.д., располагавшихся на подконтрольной ему территории. Так обслуживались районные детдома: медицинские работники приходили по вызову. В штатное расписание городских домов, как правило, включались врачи.

Райздравы на местах не всегда добросовестно выполняли постановления СНК УАССР от 26 сентября 1941 г. и СНК СССР от 27 октября 1942 г. о медицинском обслуживании в детских домах. К примеру, в 1942 г. в 33 детских

домах и интернатах работало всего 16 медсестер и 2 врача. Низкая степень охвата детей медицинской помощью, высокая скученность в комнатах, отсутствие должного санитарного состояния помещений и личной гигиены воспитанников способствовали развитию различного рода кишечных, кожных, глазных и других инфекционных заболеваний. Только за год в Тыловайском детдоме 11 детей переболели трахомой, в Шарканском детдоме 26 детей – стригущим лишаем. Ситуация усугублялась, когда в республику прибывали из эвакуации больные дети. К примеру, из литовского санатория эвакуировалось 43 польских ребенка с заболеваниями сердца. В 1942 г. было выявлено 69 больных воспитанников в 10 обследованных республиканских детских домах и интернатах, а в 1944 г. – 173 больных туберкулезом, пороком сердца, стригущим лишаем и малокровием (даже были зафиксированы вспышки заболевания тифом). И это несмотря на то, что периодически проводились профилактические мероприятия (детям ставили прививки против оспы, тифа, кори и прочих болезней), с воспитанниками проводили беседы об инфекционных заболеваниях и личной гигиене, открывали изоляторы, бани, прачечные.

К 1942 г. практически во всех детдомах и интернатах имелись изоляторы, но многие из них не соответствовали норме (требовалось не менее 4 м² на одного воспитанника). В школьных детдомах изоляторы открывали из расчета 2 койки на 100 человек, а в дошкольных детских учреждениях – 4 койки на 100 воспитанников. В том же году планировалось построить бани и прачечные в тех детских учреждениях, в которых они еще не были построены. К этому времени лишь в 24 из 36 детдомов и интернатов имелись свои бани с общей пропускной способностью 217 мест (детей мыли в несколько заходов). В остальных учреждениях дети мылись в общественных банях⁹⁵.

Таким образом можно говорить, что, несмотря на тяжелую военную обстановку в стране, большую занятость другими государственными делами,

⁹⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1422. Л. 154; Д. 1448. Л. 152об; Д. 1453. Т. I. Л. 109; Д. 1563. Л. 16а; Д. 1582. Л. 9; Д. 1789. Л. 53об.

Советское правительство не только пыталось усовершенствовать законодательную базу, осуществляло жесткий контроль за исполнением постановлений, но и оказывало реальную помощь детям, оказавшимся в силу обстоятельств без попечения родителей. Все это способствовало некоторым изменениям в работе детских учреждений для сирот. Но, объективные условия войны и субъективные просчеты руководства при формировании сети детских домов и интернатов не позволили обеспечить должный уровень их функционирования. Война усугубила и без того тяжелое положение многих стационарных детских домов: не хватало финансовых средств на приобретение одежды, продуктов питания, хозяйственных вещей и медикаментов, а также для ремонта существующих и строительства новых помещений.

Безусловно, финансирование детских домов и интернатов осуществлялось согласно плану и с учетом возможностей республиканского бюджета, но как следует из архивных документов, денежные средства выдавались порой по общему шаблону. Не считались, ни с количеством, ни с материальной обеспеченностью каждого учреждения (действовал уравнительный принцип). Выделяемых средств зачастую не хватало, поэтому директора детских учреждений приветствовали безвозмездную помощь местных жителей и не отказывались от денег, переводимых на лицевой счет учреждений советскими гражданами. В то же время в экстремальных условиях войны имело место определенная ломка прежних стереотипов сознания и поведения людей. На грани жизни и смерти выживал тот, чья реакция была быстрее, а принятое решение оказывалось наиболее адекватным конкретной ситуации. У многих управленцев и руководителей детскими учреждениями проявлялись такие качества, как решительность, находчивость и способность к самостоятельным действиям, которые в мирное время строго регламентировались режимом.

Следует признать, что полная или частичная необеспеченность детей товарами первой необходимости, во-первых, связана с особенностью развития местной промышленности в условиях войны. Местные организации не

успевали выполнять заказы в связи с загруженностью госзаказами, ориентированными в первую очередь на фронт, иногда своевременно или вовсе не выделялось необходимое количество средств для производства определенного вида товара. Во-вторых, значительная часть предприятий, вырабатывавшая эти товары, находилась на территории, захваченной неприятелем.

В-третьих, отмечались и такие случаи, когда республиканские организации и местные власти недобросовестно выполняли свои обязанности, а денежные ассигнования, выделенные на производство одежды и обуви, не расходовались. В этом случае сказались такие факторы, как перестановка кадров в государственных органах и организациях в связи с мобилизацией на фронт, обновление личного состава государственного аппарата за счет выдвижения людей, не подлежащих призыву и мобилизации в армию, не имевших необходимого опыта руководящей и административной работы.

В-четвертых, из-за несогласованности работы производящих предприятий (сырье на производство продукции поступало с задержками) и торгующих организаций (соответственно товары поступали несвоевременно из республиканских в районные организации) страдали дети.

В-пятых, снабжение товарами, так или иначе, осуществлялось за счет выделяемых централизованных республиканских фондов. Финансирование, как показала практика, осуществлялось не в полном объеме (ситуация в республике изменилась с 1943–1944 гг.). Но, отчасти благодаря организации контроля за деятельностью торговых и снабженческих организаций, детских домов и интернатов появилась возможность взять под контроль процесс распределения промышленных и продовольственных товаров, вычислять воров, тем самым улучшая питание детей.

С изменения на фронте и, как следствие, в продовольственной сфере страны в 1943 г. несколько улучшились материально-бытовые условия воспитанников. Снабжение промтоварами и продуктами питания для детдомовцев стало более регулярным.

Глава II. Формирование детских домов и интернатов в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны

§ 1. Эвакуация детских учреждений в Удмуртскую АССР

Стремительное наступление фашистских войск по советской территории вызвало острую необходимость в срочном перебазировании вглубь страны производительных сил, материальных и культурных ценностей, и, самое главное, миллионов людей. В 1941–1942 гг. было осуществлено беспрецедентное по масштабам перемещение населения из западных районов на восток страны. В первые дни войны у советского руководства фактически не было разработано детального плана спасения мирного населения. Эвакуацию пришлось осуществлять буквально на ходу, зачастую в спешке, а порой и без учета конкретной обстановки. Механизмы переброски в тыл людских и производственных ресурсов формировались уже в ходе военных действий.

Вся работа по спасению людей, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей постоянно находилась в центре внимания ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Оборона, Совнаркома СССР, Совета по эвакуации. 30 июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован ГКО (возглавил В.И. Сталин) – орган военного времени, призванный оперативно решать все вопросы и организовывать мобилизацию всех сил⁹⁶. Ранее постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования, предприятий и других ценностей при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Его возглавил нарком путей

⁹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945 гг. / зав. ред-ей Л.Ф. Декань. – М. : Политиздат, 1985. – С. 224.

сообщения Л.М. Каганович, а с июля 1941 г. – Н.М. Шверник⁹⁷. С образованием ГКО Совет по эвакуации работал под его руководством.

С увеличением работы, связанной с эвакуацией в стране, при Совете с 26 сентября 1941 г. было создано Управление по эвакуации населения, которым руководил заместитель председателя СНК РСФСР К.Д. Памфилов. На Управление была возложена функция контроля за движением поездов с эвакуированными гражданами и регулирование потоков мигрантов по регионам. С 31 января 1942 г. Управление по эвакуации населения ликвидировалось, взамен ему 20 февраля был сформирован Отдел по хозяйственному устройству эвакуантов при СНК РСФСР (возглавил М.П. Соболев, затем Л.Т. Дмитриев). В состав Отдела входили следующие сектора: перевозок, трудоустройства и бытового обслуживания; переселения колхозников; учетно-статистическое бюро; канцелярия и хозяйственная часть. Штаты отделов на местах делились на несколько групп в зависимости от количества эвакуированного населения. Всего в городах и районах РСФСР аппарат инспекторов составил 690 человек (по данным на октябрь 1942 г.)⁹⁸.

25 октября 1941 г. был организован еще один орган Совета – Комитет по эвакуации вглубь страны из районов прифронтной полосы запасов продовольствия, сырья, промышленных товаров, оборудования, холодильников, табачных фабрик, мыловаренных заводов и т.д. Он функционировал до 19 декабря 1941 г. С 25 декабря этого же года был образован Комитет по разгрузке транзитных грузов, в состав которого вошел аппарат одновременно расформированного Совета по эвакуации. В Комитет вошли И.М. Шверник, А.И. Микоян, А.Н. Косыгин, М.Э. Сабуров, Н.А. Вознесенский и др. Всего около 80 человек. Они были разделены на три группы: одна занималась эвакуацией промышленных предприятий, институтов, организаций и учреждений, рабочих и служащих этих организаций, а также

⁹⁷ Микоян А. И. В первые месяцы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. – 1985. – № 6. – С. 93–104.

⁹⁸ Потемкина М. Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуанты на Урале в 1941–1948 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / М. Н. Потемкина. – Екатеринбург, 2004. – С. 152.

размещением их на новых местах; вторая группа занималась непосредственно эвакуацией промышленности и третья группа – транспортными средствами.

За практическое осуществление перебазирования на местах отвечали центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных Советов прифронтовых и тыловых областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты, бюро или советы по эвакуации. К выполнению этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи привлекались также Госплан и Наркомат обороны СССР.

Система специальных государственных органов по эвакуации, образованных на территории Удмуртской АССР, складывалась постепенно. Уже в июне согласно постановлению СНК УАССР от 20 июня 1941 г. была создана Комиссия по приему и размещению эвакуированного населения из районов военных действий (возглавили – заместитель председателя СНК УАССР К.П. Ардашев, секретарь ОК ВКП(б) И.В. Николаев, заместитель НКВД УАССР В.П. Попченко), в распоряжение которой, для оперативного решения поставленных перед нею задач, был передан аппарат наркоматов Удмуртской АССР⁹⁹. С июля 1941 г. при СНК УАССР образовались и поочередно сменяли друг друга государственно-управленческие структуры: Переселенческий отдел (июль–октябрь 1941 г.) во главе с заместителем председателя СНК УАССР К.П. Ардашевым, Уполномоченный управления Совета эвакуации (октябрь–декабрь 1941 г.), Уполномоченный управления по эвакуации населения по Удмуртской АССР (декабрь 1941 г. – февраль 1942 г.) и Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения (март 1942 г. – октябрь 1945 г.)¹⁰⁰.

⁹⁹ Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) / Н. А. Родионов // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии : сб. ст. / редкол.: Н. Г. Сандалов, А. И. Суханов, Н. А. Родионов [и др.]. – Устинов, 1986. – С. 151.

¹⁰⁰ Удмуртия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. Г. В. Мерзлякова, Н. А. Родионов. – Ижевск : УИИЯЛ Уро РАН, 1996. – 1996. – С. 49.

В отличие от вышеупомянутой Комиссии по приему и размещению эвакуированного населения, не имевшей собственного аппарата, созданные впоследствии для руководства эвакуационным процессом государственно-управленческие структуры им обладали. Так, штат Переселенческого отдела при СНК УАССР и, впоследствии, аппарата Уполномоченного управления по эвакуации населения по УАССР составлял 11 человек. Аппарат Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения состоял из 9 человек. Одновременно учреждались должности уполномоченных Отдела в городах Ижевске и Сарапуле (с аппаратом по 3 человека), инспекторов по трудоустройству эвакуанов в городах Глазове, Воткинске и Можге (по 3 человека), инспекторов по трудоустройству эвакуированного населения в районах Удмуртской АССР. Впоследствии штат органов государственного управления эвакуационными мероприятиями был сокращен, что, в принципе, соответствовало общей тенденции развития советского государственного аппарата в годы войны. Так, с 1 июня 1942 г. постановлением СНК УАССР от 22 мая того же года «О структуре и штатах Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР» штат Отдела сокращался до 6 человек, инспекторов в городах и районах – до 1 человека¹⁰¹.

Теснейшим образом с проблемами эвакуации гражданского населения была связана деятельность государственных органов СССР по приему и обустройству эвакуированных детей, оставшихся без родителей, и проведению мероприятий по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности. СНК СССР, решая эти важные социальные вопросы, 23 января 1942 г. принял постановление, в котором предписал образовать при Совнаркомах АССР и исполкомах местных Советов специальные структурные подразделения – Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. В Удмуртской АССР постановление об организации Комиссий было принято 6 февраля

¹⁰¹ Репников Д. Великая Отечественная война и новые направления в деятельности органов государственного управления Удмуртской АССР / [Электронный ресурс] / Д. Репников. – Режим доступа : <http://www.udmurt.info/library/repnikov/novnaprav1.htm>. (Дата обращения: 25.10.2010).

текущего года, а с апреля 1942 г. началось их формирование. Функции Комиссий были достаточно широки: от оказания единовременной помощи, оформления патронирования, опеки и усыновления, определения детей в детские интернатные учреждения, либо трудоустройства, до привлечения общественных организаций, предприятий, учреждений к шефству над детскими домами и интернатами, наблюдения за своевременным снабжением этих учреждений продуктами, промтоварами, осуществления общественного контроля, как за работой детдомов, так и за условиями жизни патронированных и трудоустроенных детей.

Председателем Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, при Совнаркоме УАССР был назначен заместитель председателя СНК, членами – народный комиссар просвещения, заместитель народного комиссара здравоохранения, заместитель начальника Управления милиции НКВД, секретарь ОК ВЛКСМ. Комиссия не имела рабочего аппарата и в ходе своей деятельности опиралась на аппараты Совнаркома, Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеса, НКВД УАССР и общественные организации, что способствовало выполнению такой ее функции как объединение и согласование деятельности государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи детям. За время своего существования с апреля 1942 г. по июнь 1945 г. Комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей, провела в Удмуртской АССР 23 заседания, периодически заслушивая отчеты о работе на местах¹⁰².

Эвакуация населения проводилась круглосуточно. Из зоны военных действий граждане эвакуировались, как правило, по указанию военного командования, а из прифронтовых районов – с разрешения Совета по эвакуации при СНК СССР. Для эвакуации пассажирских эшелонов была установлена среднесуточная скорость до 500–600 км. Поскольку ощущалась острая нехватка пассажирских вагонов, вывоз населения осуществлялся также в специально

¹⁰² ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 344. Л. 139; Д. 353. Лл. 78, 79; Д. 398. Л. 14; Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 57. Лл. 96, 63; Д. 58. Лл. 20, 30.

оборудованных для этой цели товарных вагонах (порой без оконных рам, без нар и топлива), иногда даже на товарных платформах, накрытых брезентом или без него. Попытка разработать общий план вывоза из прифронтовой зоны была предпринята еще 27 июня 1941 г. (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»). Эвакуации на восток в первую очередь подлежали сырьевые ресурсы, продовольствие и промышленное оборудование. Квалифицированных рабочих, инженеров, служащих предписывалось эвакуировать вместе с предприятиями, а население, особенно молодежь, годную для военной службы, ответственных советских и партийных работников в пассажирских составах¹⁰³. Специального распоряжения, регулирующего порядок вывоза детей, не было.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. и специальном дополнении к нему от 5 июля того же года «О порядке эвакуации населения в военное время» 2 млн. эвакуированных человек предполагалось размещать в районах ближайшего тыла: в городах, рабочих поселках и населенных пунктах Горьковской, Пензенской, Кировской, Куйбышевской, Саратовской, Ленинградской областей, Мордовской, Чувашской, Удмуртской, Татарской и Башкирской АССР. Из этого числа значительную часть эвакуируемых планировалось вывезти в Поволжье. Что касается более восточных областей, то, например, на Урал должны были переселиться лишь 440000 человек¹⁰⁴. Быстрое развитие событий на фронте приняло угрожающий характер, поэтому речь стала идти о спасении многомиллионных масс советских граждан. В итоге география эвакуации была частично изменена, а просчеты советского руководства стоили нескольким тысячам людей двойной эвакуации.

Перевозки населения были взяты под постоянный и строгий контроль. Начальники дорог ежедневно, не позднее 22 часов, сообщали в НКПС о

¹⁰³ Потемкина М. Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуанаселение на Урале в 1941–1948 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / М. Н. Потемкина. – Екатеринбург, 2004. – 104–105.

¹⁰⁴ Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 гг. / Г. А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 11–12.

следовании людских эшелонов и отдельных вагонов с эвакуанаселением по состоянию на 18 часов дня. В свою очередь, Наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуированными. На станциях были организованы эвакуационные пункты, которые принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали горячее питание и медицинское обслуживание, решали бытовые вопросы (хранение вещей, продажа предметов первой необходимости, расселение людей, ремонтные услуги), занимались политико-массовой и культурно-просветительской работой, регистрацией и учетом прибывающих, выдачей документов и т.д. Эвакопункты поддерживали постоянную связь с районами республики, многими городскими учреждениями, с железнодорожными службами. В целом, эвакопункты являлись центральным звеном эвакуационного механизма. Они просуществовали с первых дней войны и до ее завершения. Характерной их чертой, как и пунктов-распределителей (создавались в случае отсутствия эвакопунктов), была многофункциональность: регистрация, санобработка, прививки и расселение эвакуированных граждан.

С каждым днем процесс перебазирования принимал все больший размах, охватив обширные районы западных и центральных областей Украины, Молдавии, Крыма, Белоруссии, Прибалтики, Карелии, Северо-Западного региона РСФСР. В невероятно тяжелых условиях проводилась эвакуация с территории Белорусской ССР. Уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., бюро ЦК КП(б) Белоруссии, проанализировав военное положение, рассмотрело вопрос о незамедлительной эвакуации населения и материальных ресурсов, подвергшихся обстрелу в полосе военных действий. Сложилась критическая ситуация, когда из западных областей республики (Брестской, Белостокской, Пинской, Барановичской) широкая эвакуация была невозможна. В первые дни войны из Белоруссии в другие районы СССР было эвакуировано 110 детских домов, 28 пионерских лагерей, 3 детских санатория, 25 детских садов, всего

около 14000 детей¹⁰⁵. Наибольшая тяжесть работы по эвакуации пришлась на города Могилев и Гомель, где дольше всего сохранялось железнодорожное сообщение со страной¹⁰⁶.

Передвижение, организованное по железнодорожным путям, было опасным и сложным, немецкая авиация не раз подвергала бомбардировке эшелоны с детьми. Под бомбежку также попадал состав с польскими, литовскими, еврейскими детьми, следовавший из Белостокского и Литовского пионерских лагерей курорта Друскенинкай Литовской ССР. Уже в июле 1941 г. эти дети (400 человек) прибыли через Казань в Удмуртскую АССР¹⁰⁷. Из Могилева примерно в это же время эвакуировалось еще 5 детских домов, слитых на территории республики в один Варзи-Ятчинский детский дом.

Основная нагрузка по эвакуации легла на железнодорожный транспорт в период с июня по декабрь 1941 г. В эти же месяцы успешнее, чем по Белостокской дороге, проходила эвакуация из Мурманской, Ленинградской областей и Карелии. Эвакуация из Ленинграда и области началась, согласно постановлению Военного совета северного фронта от 28 июня 1941 г., уже в конце июня. В первую очередь по указанию местных партийных и советских организаций стали вывозиться старики и женщины с малолетними детьми. За неделю, с 29 июня по 6 июля 1941 г. из Ленинграда в Ленинградскую область удалось вывезти 163811 детей. Массовая эвакуация по решению ГКО от 11 июля 1941 г. развернулась только после того, как противник овладел Псковом и вышел к реке Луге. К концу августа 1941 г. из Ленинграда было эвакуировано 219690 детей. Еще до того, как фашисты блокировали город, из Ленинграда и области удалось вывезти около 812 детских домов и интернатов с 76000 воспитанников¹⁰⁸. Работа Ленинградского узла резко осложнилась, когда возрос поток эшелонов с грузами из Прибалтики (хотя массовой эвакуации населения из Литвы, Латвии и Эстонии не было), со станций Карельского перешейка и

¹⁰⁵ Куманев Г. А. Проблемы военной истории Отечества, 1938–1945 гг. / Г.А. Куманев. – М. : Собрание, 2007. – С. 385.

¹⁰⁶ Он же. Рядом со Сталиным / Г. А. Куманев. – Смоленск : Русич, 2001. – С. 144.

¹⁰⁷ Мерзлякова, Т. Призывной свет доброты / Т. Мерзлякова // Огни Прикамья. – 1991. – № 3. – С. 13.

¹⁰⁸ Сеницын, А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Сеницын. – М. : Воен. изд., 1985. – С. 288.

других районов. С наступлением холодов вопрос о продвижении эвакоэшелонов приобрел дополнительную остроту. С ноября 1941 г. вводился сокращенный график движения эвакопоездов, но поезда с детьми пропускались в первую очередь. Эшелоны с эвакуированными отправляли со станций первыми, вслед за воинскими поездами (согласно постановлению ГКО от 18 ноября 1941 г.)¹⁰⁹.

В Удмуртскую АССР к ноябрю 1941 г. из Ленинграда через г. Галич Ярославской области был эвакуирован первый Ленинградский военно-музыкальный интернат, переименованный на месте в Балезинскую спецшколу. Эвакуация из Мурманской области и Карело-Финской ССР проводилась, главным образом, по Кировской железной дороге, которая на протяжении более чем 1500 км находилась в прифронтовой полосе. Из Мурманской области в республику прибыло 8 детских садов (556 детей), 1 пионерский лагерь, 1 детский санаторий и 3 детских дома. Для этих детей в республике было организовано 4 дошкольных (Большенорьинский, Вавожский, Игринский, Нылгинский) и 2 школьных интерната (Гольянский и Кыйлудский), 1 школьный (Якшур-Бодьинский) и 2 дошкольных (Карсовайский и Новомултанский) детских дома¹¹⁰.

С лета 1941 г. развернулась эвакуация из центральных районов СССР, принявшая в осенние месяцы массовый характер. До войны в Калининской области работало 28 детских домов с 3000 воспитанников, в течение июля–декабря из районов области были отправлены детские дома в Удмуртскую и Татарскую АССР, Алтайский край и Свердловскую область¹¹¹. Удмуртская АССР в октябре приняла 354 ребенка из трех детских домов. Для них были организованы Зуринский, Люмский и Уканский школьные детские дома. Из

¹⁰⁹ Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 гг. / Г. А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 20; Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. – Челябинск : Челябинский агроинженерный университет, 1995. – С. 134; Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / под ред. И. А. Гладкова. – М. : Наука, 1970. – С. 325.

¹¹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Л. 152.

¹¹¹ Рогачева Л. И. Деятельность государственных и общественных организаций по охране детства и юношества страны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Л. И. Рогачева. – М., 2001. – С. 79.

Смоленской области в тот же месяц был эвакуирован Гжатский детский дом, переименованный в Староятчинский детдом.

Вследствие возросшей угрозы советской столице появилась необходимость провести эвакуацию населения Москвы и Московской области. Еще в июне началась подготовка к эвакуации школы-интерната московского мединститута, получившая в республике наименование Увинской школы-интерната. Дети эвакуировались в две партии: первая прибыла – 20 июля, вторая – 4 августа (2 дошкольника и 42 ребенка школьного возраста). Более широкие масштабы эвакуоперевозки приняли в осенние месяцы, когда враг начал операцию «Тайфун» – генеральное наступление на Москву. 15 октября, ввиду неблагоприятного положения оборонительной линии в районе Можайска, ГКО вынес постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Из столицы в ноябре 1941 г. передислоцировали московский детский лагерь ВЦСПС¹¹².

Согласно архивным источникам, по состоянию на 2 декабря 1941 г. в Удмуртскую АССР в порядке эвакуации всего прибыло 26 детских учреждений (2499 детдомовца)¹¹³, а в целом по РСФСР за вторую половину 1941 г. и 1942 г. было эвакуировано 976 детдомов (107223 воспитанника)¹¹⁴.

Эвакуация населения в 1941 г., при всей ее сложности, в целом прошла успешно. В 1942 г. из г. Курска в г. Сарапул УАССР было эвакуировано лишь одно учреждение – авиашкола ВВС № 4. В апреле–мае 1943 г. было принято решение об эвакуации детей-сирот из районов, освобожденных от немецкой оккупации (Смоленской, Курской, Калининской областей и г. Ленинграда), в связи с тем, что открывать детские интернатные учреждения в данных районах не представлялось возможным. Уже в июне 1943 г. в Удмуртскую АССР прибыло около 500 детей из Курской области. Всего за первое полугодие 1943 г. в глубь страны было вывезено из Смоленской области 7000 детей, из

¹¹² ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 5. Л. 25; Д. 7. Л. 255; Д. 80. Т. II. Л. 18.

¹¹³ Там же. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1559. Л. 152.

¹¹⁴ Синецын А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Синецын. – М. : Воен. изд., 1985. – С. 285.

Курской – 4000, из Калининской – 1500, из Ленинградской – 2000 детей¹¹⁵. После июля 1943 г. численность эвакуированных граждан (в том числе детей) в Удмуртской АССР стала сокращаться, прием был прекращен, а через некоторое время началась и реэвакуация. На 1 июля в республике было размещено 78366 человек эвакуированных, из них 2148 детей прибыли вместе с эвакуированными детскими учреждениями¹¹⁶.

В областях, краях и республиках страны на 1 июля 1943 г. числилось 4730 детских домов, воспитанию в которых подлежало 688750 детей, лишившихся родителей или потерявших связь с ними. За первые три года войны количество детских домов возросло в несколько раз. К примеру, в Ярославской области в 1941 г. работало 25 детдомов (2640 воспитанника), а в 1942 г. уже – 239 детских домов (26834 подростка). В Новосибирской, Омской, Свердловской и Челябинской областях на 1 января 1941 г. числилось 165 детдомов, а на 1 января 1943 г. – 447 детских домов¹¹⁷. Эти данные свидетельствуют об огромных масштабах работы по эвакуации и предупреждению детской беспризорности и безнадзорности, проводившейся советским государством в чрезвычайных условиях войны.

Таким образом, следует отметить, что обстоятельства, в которых проходила эвакуация, были сложными и противоречивыми. Эвакуация в каждой области страны имела свои особенности. При перемещении детей, как правило, были организованы коллективные перевозки (детскими домами, садами, санаториями, пионерскими лагерями), иногда индивидуальные (через НКВД и госпитали). Первых старались зачислить полным составом в одно учреждение, вторых, исходя из наличия свободных мест, распределяли как в местные, так и в эвакуированные детские дома и интернаты. В них допускались случаи объединения ребятшек из разных областей страны. Можно утверждать, что первое время работа по эвакуации, приему и размещению эвакуированных

¹¹⁵ Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Сеницын. – М. : Воен. изд., 1985. – С. 296–297.

¹¹⁶ Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) / Н. А. Родионов // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии : сб. ст. / редкол.: Н. Г. Сандалов, А. И. Суханов, Н. А. Родионов [и др.]. – Устинов, 1986. – С. 147.

¹¹⁷ Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Сеницын. – М. : Воен. изд., 1985. – С. 287–288.

проводилась спешно, не были отлажены механизмы деятельности соответствующих исполнительных органов, хотя результаты, безусловно, зависели от быстроты их реакции и материальных возможностей республиканского бюджета. Дети, эвакуированные вместе с родителями, размещались в городах и районах республики, особенно много прибыло в город Воткинск, Глазов, Ижевск и Сарапул. Детей дошкольного возраста принимали в детские сады, а школьного возраста – зачисляли в школы¹¹⁸.

Одновременно с проводившейся эвакуацией в стране уже осенью 1941 г. началась реэвакуация граждан, в общий поток которых были включены дети – воспитанники детских домов и интернатов. Их перемещение, как правило, было связано с поисками родителей, трудоустройством взрослых на новых местах и возможностью воспитания детей в родных семьях. В отличие от эвакуации, когда люди вывозились из-под обстрелов и бомбежек в спешном порядке, реэвакуация проводилась последовательно (по мере освобождения территорий от врага). Степень ее организованности была выше. Реэвакуация детей с территории Удмуртской АССР началась в декабре 1941 г. и завершилась в 1946 г. Реэвакуационный процесс отразил три из четырех этапов, которые были выделены и предложены М.Н. Потемкиной.

Первый этап реэвакуации на Урале (в том числе УАССР) начался с декабря 1941 г. и продолжался по осень 1943 г. (реэвакуация носила персональный характер, порядок ее не был разработан). В 1941–1942 гг. родителям через центральный адресный стол было возвращено 415 воспитанников из республиканских детдомов и интернатов: в конце 1941 г. – 115 подростков¹¹⁹, а в 1942 г. – 300 детей из Большенорьянского, Вавожского, Гольянского, Игринского, Каракулинского, Кыйлудского детских домов и интернатов в Мурманскую и Калининскую области. В 1943 г. реэвакуация совпала с решительными изменениями на фронте. В тот год в Калининскую, Мурманскую и Смоленскую области были возвращены дети из Гольянского

¹¹⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Л. 153.

¹¹⁹ Там же. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

детского дома¹²⁰. Уже осенью 1943 г. руководство освобожденных областей (например, Смоленской и Орловской) установило свободный въезд на свои территории. В то же время при реэвакуации вводились ограничения. Это касалось, в первую очередь, Москвы и Ленинграда, а также, в связи с большими разрушениями жилого фонда, таких городов как Киев и Харьков.

Второй этап проводился с зимы 1943–1944 гг. по май 1945 г. (реэвакуация носила организованный и массовый характер, порядок ее был регламентирован правительственными распоряжениями). На данном этапе, в 1944 г. из Удмуртской АССР отправились на родину в Курск воспитанники Спецшколы ВВС¹²¹. После освобождения от немецких войск городов Литвы (к 1944 г.) советским правительством была организована эвакуация воспитанников Дебесского детского дома. Литовские дети выехали сначала до станции Кез, встретили Новый год в поезде, а в первых числах 1945 г. были уже дома¹²².

Перемещение польских граждан в западном направлении началось в том же 1944 г., оно было в значительной степени обусловлено советско-польскими взаимоотношениями. Реэвакуация 42 польских воспитанников из Каракулинского интерната была организована в апреле–мае 1945 г. Большинство детей первой эвакуированной группы так и не нашли своих родителей на Родине¹²³.

Законодательной основой для гласной и массовой репатриации поляков послужило советско-польское соглашение от 6 июля 1945 г. «Об обмене населения». Согласно ему организация реэвакуационного процесса началась в феврале 1946 г. – на третьем этапе (с мая 1945 г. по лето 1946 г., массовая реэвакуация продолжалась в мирной обстановке, ее организацией занималось Переселенческое управление под управлением Специальной контрольной комиссии при Совете министров СССР). Следующую группу воспитанников

¹²⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Л. 110об; Д. 1740. Л. 106.

¹²¹ Там же. Д. 1087. Л. 7; Д. 1751. Л. 89.

¹²² Боерайте Э. Этого не забыть / Э. Боерайте // Сестры: рассказы о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 51.

¹²³ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 77. Л. 83; Родионов Н. А. Реэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. / Н. А. Родионов // Новые исследования по истории Удмуртии : сб. ст. / А. В. Яковлев (отв. ред.), Н. А. Родионов, Л. Ф. Шкляева. – Ижевск, 1991. – С. 200.

Каракулинского интерната предполагалось отправить 21 марта 1946 г. эшеленом № 47 вместе с другими польскими гражданами, проживавшими во время войны на территории Удмуртской и Башкирской АССР. Но, очевидно, по объективным причинам дети до мая оставались в УАССР. Только 730 поляков (без воспитанников) были доставлены на родину в апреле 1946 г. Вопрос предоставления вагонов для остальных граждан Польши решался в течение месяца, в итоге Уполномоченный удмуртской республиканской контрольной комиссии отчитывался: «70 воспитанников Каракулинского детского интерната и 6 человек обслуживающего персонала, также 7 польских граждан были отправлены 27 мая 1946 г. пароходом, предоставленным Камским речным пароходством»¹²⁴. На нем они проследовали до Горького, оттуда до Москвы, затем на поезде выехали в Белосток (прил. 3, рис. 1). На митинге в Белостоке поляки горячо благодарили советское правительство за проявленную заботу о польских детях. Президент Крайовой Рады Народной вручил директору Каракулинского интерната С.М. Певзнеру польский орден «Серебряный крест Заслуги» (прил. 4)¹²⁵. Из 200 воспитанников интерната лишь 26 добровольно остались жить в Удмуртской АССР, это были взрослые подростки, готовившиеся к поступлению в учебные заведения¹²⁶. Многие из них заняли достойное положение в обществе, около 70% выпускников получили среднее специальное или высшее образование¹²⁷ (прил. 5).

Четвертый этап реэвакуации начался с лета 1946 г. и завершился в 1948 г. Тогда было разрешено свободное передвижение по железным дорогам, в результате чего реэвакуация приняла преимущественно индивидуальный, самостоятельный характер. К этому времени уже все детские коллективы были

¹²⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 255. Лл. 21, 69; Д. 291. Лл. 129, 163, 238.

¹²⁵ Там же. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1790. Лл. 37, 52, 53.

¹²⁶ Черных Н. П. Польский детский дом в Удмуртии, 1941–1946 гг. / Н. П. Черных // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность : тез. докл. и сообщ. регион. науч. конф. / Глазов. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, Комитет по делам нац. при правительстве УР, Глазов. краевед. музей. – Глазов, 1995. – С. 168.

¹²⁷ Ложкина И. А. Польские и литовские дети в детских домах Удмуртии в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2009. – Вып. 2. – С. 160–161.

резвакуированы из Удмуртской АССР. В конечном счете, эвакуанаселение было снято с учета и перестало существовать как особая специфическая категория¹²⁸.

Таким образом, видно, что основной поток резвакуации пришелся на 1944–1945 гг. Основные перемещения происходили в летний период, зимой из-за холодов резвакуация приостанавливалась. Нельзя игнорировать и тот факт, что контингент многих детских домов и интернатов за годы войны в значительной степени обновился (многие дети, попавшие в эвакуацию с детскими учреждениями, вырастали и покидали их), поэтому резвакуация детских учреждений в полном составе оказалась невозможна.

Все военные годы дети разыскивали родителей и родственников, а родители, в свою очередь, детей. Однако, органы народного образования и руководители детских домов и интернатов не всегда уделяли данному вопросу должное внимание. Одновременно сотрудниками эвакуированных детских домов было составлено огромное количество просьб, адресованных в местные исполнительные органы власти, с призывом вернуть детей на Родину, в освобожденные районы по причине психологического дискомфорта, «чемоданного» настроения или неблагоприятных условий проживания. Однако Наркомат просвещения РСФСР категорически запрещал местным властям проводить самовольную высылку. Дети продолжали жить в тыловых районах страны, как правило, до окончания военных действий. Это объяснялось тем, что первоначально на освобожденных территориях требовалось навести порядок, построить здания, создать материально-хозяйственную базу, и только после этого перевозить детские коллективы. По этой причине домой направляли лишь тех детдомовцев, отыскавшие родители которых имели возможность самостоятельно воспитывать.

Столкнувшись в детских домах и интернатах с бытовыми неурядицами, подростки в знак протеста убегали (иногда неоднократно). К примеру, в 1943 г. в Удмуртской АССР совершили побег воспитанники Байвальского, Озно-

¹²⁸ Потемкина М. Н. Эвакуационно-резвакуационные процессы и эвакуанаселение на Урале в 1941–1948 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / М. Н. Потемкина. – Екатеринбург, 2004. – С. 309.

Чепецкого и Шарканского детских домов, а в 1944 г. – дети Байвальского, Больше-Веньинского, Староятчинского и Шарканского детдомов. По данным органов НКВД РСФСР только за январь 1944 г. самовольно покинули детские дома 602 воспитанника Горьковской, Ивановской, Кировской, Куйбышевской, Молотовской, Саратовской, Челябинской, Чкаловской и Ярославской областей, Краснодарского края, Дагестанской и Башкирской АССР¹²⁹. Однако, органы милиции задерживали и возвращали подростков обратно в детдома или размещали в приемники-распределители¹³⁰.

После окончания военных действий на постоянном поселении в Удмуртской АССР осталось жить немало эвакуированных граждан. Один из многих примеров: Л.М. Фрадкова до войны была директором Новоторжского детского дома в Калининской области, после эвакуации в 1941 г. работала с этим же коллективом, но уже в республиканском Уканском детдоме, а с 1945 г. продолжила педагогическую работу с местными детьми-сиротами в Садинском детском доме¹³¹. Были и такие случаи, когда матери искали своих детей, но не найдя их, реэвакуировались, прекратив трудовую деятельность в тылу. Так, в декабре 1943 г. директор Нылгинского детдома В.И. Спичак, уволившись с работы, поехала искать детей в освобожденную Киевскую область¹³².

Таким образом, имеющиеся источники позволили собрать информацию об эвакуации в Удмуртскую АССР более 20 детских учреждений из Мурманской, Калининской, Курской, Смоленской и Ярославской областей, Белорусской и Литовской ССР, городов Москвы и Ленинграда. В их числе были не только детские дома, сады, интернаты, но и летние лагеря, так как нападение было совершено летом во время школьных каникул. Эвакуация детского потока проводилась в соответствии с общим планом эвакуации. Места их будущего пребывания строго определялись правительством, в отличие от

¹²⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1792. Лл. 18, 19, 23; Д. 1794. Л. 141.

¹³⁰ Там же. Д. 1713. Л. 70; Д. 1794. Л. 7.

¹³¹ Там же. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 289. Л. 4.

¹³² Там же. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1713. Л. 75.

рядовых жителей, к примеру, ленинградцев, которые имели свободный выбор мест эвакуации в пределах указанных территорий.

Значительная часть детей, прибывшая в республику, размещалась в сельских районах с учетом трех условий. Во-первых, обеспеченность жилплощадью. Во-вторых, спецификой промышленного развития республики и, как следствие, высоким процентом заселенности городов эвакуированными инженерно-техническими работниками. В сельскую местность, как правило, направлялись престарелые люди и дети, труд которых использовался на полях колхозов и совхозов. В-третьих, экономической составляющей, когда в сельской местности было больше возможности для организации приусадебных участков с целью создания продовольственного фонда, использовавшегося на внутреннее потребление детского учреждения.

Удмуртская АССР приняла детей разных национальностей. В отчете работы детских домов за 1944–1945 гг. из общего числа 5449 эвакуированных и местных воспитанников (среди последних большее количество составляли русские и удмурты) числилось: «2957 детей – русских, 1528 – удмуртов, 88 – украинцев, 77 – белорусов, 75 – поляков, 89 – литовцев, 168 – евреев, 436 – татар, 22 – финнов, 9 – немцев»¹³³. Эти статистические данные опровергают точку зрения, часто встречающуюся в исторической науке, что из угрожаемых районов вывозились преимущественно граждане русской национальности, что в то время имела место национальная дискриминация. Более того, в Удмуртской АССР местное население проявляло одинаковую заботу о детях – гражданах нашей страны и других государств. Основные задачи государственной политики по отношению к эвакуантскому населению были сформулированы в передовой статье газеты «Правда» от 18 декабря 1941 г. «Забота об эвакуированном населении». Перед местным руководством и коренным населением тыловых районов ставилась задача «по-братски встретить и устроить» миллионы «новых жителей». Фактически отношение местных граждан к эвакуированным было противоречивым. Значительная их

¹³³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1882. Л. 10.

часть воспринимала эвакуацию как народное бедствие, встречала детей с сочувствием, добровольно оказывая помощь. Таких людей было большинство. Другая часть жителей лишь послушно исполняла предписания властей, но была недовольна сложившимся экономическим и социальным положением в республике. В целом отношения между эвакуированным и местным населением разных национальностей на бытовом уровне можно охарактеризовать как дружелюбные (впрочем, как и на Урале в целом, по мнению М.Н. Потемкиной).

Максимальное число эвакуированных детей в республику пришлось на июль–октябрь 1941 г. Главные трудности с приемом, размещением выпали на первое полугодие с начала эвакуации. Первые месяцы с мест в г. Москву поступали бодрые сообщения о сложившейся ситуации. Но, со временем, с возросшим потоком эвакуированных детей (и не только), которых требовалось принять, первоначальные схемы и планы эвакуации приходилось пересматривать на высшем уровне руководства. В 1942 г. и 1943 г. эвакуация продолжилась, но в значительно меньших масштабах. В тыл, как правило, прибывали дети, ранее перенесшие немецкую оккупацию. Подростки были истощены и больны. Из воспоминаний директора Сюмсинского детского дома: «В июньский день 1943 г. к школе приехал грузовик. В кузове сидели и, молча, смотрели худые, усталые, оборванные детишки. В первую очередь их нужно было вымыть (они месяц ехали в товарных вагонах, а до этого перенесли месяцы нищенской беспризорной жизни в Курской области), спутавшиеся, свалывшиеся волосы, вши даже в складках платьев, коросты по всему телу» – результат их недавней жизни¹³⁴. Процесс адаптации таких детей на новом месте, как правило, был длительным и сложным. Однако, по мере возможностей партийные и государственные органы власти, комсомольские и общественные организации оказывали эвакуированным детям безвозмездную помощь, проявляли заботу об их здоровье. К примеру, в Удмуртии была

¹³⁴ Ливанова Г. Был в Сюмсах детский дом / Г. Ливанова // Знамя. – 1995. – 30 мая.

открыта Озоно-Чепецкая лесная школа-санаторий, куда в первую очередь отправили лечить больных польских детей.

Советское государство старалось обеспечить максимально комфортные условия проживания всем эвакуированным детям, в том числе, полякам, евреям и литовцам. Хотя у них возникали определенные психологические трудности, вызванные незнанием русского языка, оторванностью от родины и недостаточной информированностью о происходящих событиях в Польше и Литве. Нестабильным было положение поляков. Сначала они перешли в разряд «советских граждан», затем получили статус «спецпереселенцев», а позднее считались польскими подданными. В середине 1942 г. советско-польские отношения обострились в связи с уходом с территории СССР армии Андерса. В итоге закрылись польские представительства в СССР, а 15 января 1943 г. было принято постановление СНК СССР «О советском гражданстве некоторых категорий бывших польских граждан». На основании этого решения все польские благотворительные организации и учреждения, созданные на территории СССР, передавались в ведение республиканских и областных отделов народного образования, социального обеспечения, здравоохранения и торговли; финансирование учреждений стало осуществляться из государственного бюджета СССР. Повсеместно проводилась паспортизация бывших польских граждан, проживавших в СССР и все они попали в разряд эваконаселения¹³⁵.

Несмотря на перипетии в советско-польских отношениях, у советского правительства все же не существовало особой «польской» политики в отношении детей. Всю войну финансирование детских учреждений, открытых для поляков на территории Удмуртской АССР, осуществлялось из государственного бюджета. Более того с 1943 г., с момента образования контролирующего органа – Комитета по делам польских детей в СССР (постановление СНК СССР от 30 июня 1943 г.) – заметен резкий поворот в

¹³⁵ Потемкина М. Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эваконаселение на Урале в 1941–1948 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / М. Н. Потемкина. – Екатеринбург, 2004. – С. 253–254.

жизни польских детей. Если до этого времени польские детдома, школы и интернаты открывались как следствие сострадания советских граждан польским детям, то с 1943 г. началась планомерная работа. Теперь руководящим центром для всех польских детских учреждений стал Комитет по делам польских детей в СССР. Ему предстояло через органы народного образования, здравоохранения и управление трудовых резервов открывать для соотечественников детские дома и интернаты, разработать и публиковать учебники и методические пособия, организовать учет детей и подготовку, переподготовку учителей, воспитателей и руководителей детских учреждений¹³⁶.

В целом бытовые условия, созданные на территории Удмуртской АССР для эвакуированных польских и литовских детей, не отличались от условий проживания местных воспитанников. Хотя при удобном случае принималась помощь от Союза польских патриотов, Уполномоченных и т.д., улучшался быт воспитанников.

§ 2. Сеть местных и эвакуированных детских домов и интернатов в УАССР в 1941–1945 гг.

В годы Великой Отечественной войны государственные, партийные, профсоюзные, общественные организации и учреждения провели огромную работу по оказанию помощи детям, оставшимся без родителей или временно лишившимся родительской опеки. Для этих детей повсеместно открывались интернаты (дошкольного и школьного вида) и детские дома (дошкольного, школьного, смешанного вида, с особым режимом), инициативные (колхозные и межколхозные). В структуре интернатных учреждений не представлены спецшколы для глухонемых и слепых детей (по архивным данным в 1938 г.

¹³⁶ Новиков С. А. Детские учреждения для польских детей в СССР / С. А. Новиков // Советская педагогика. – 1945. – № 8. – С. 9, 11–13.

насчитывалось 7 спецшкол), в военные годы их количество увеличилось за счет эвакуированных учреждений (к примеру, прибывшая из Калининской области Ново-Торжская школа слепых). Несмотря на то, что спецшколы ориентировались на единую воспитательную программу для интернатных учреждений, образовательный процесс в них строился с учетом отклонений в здоровье детей. Изучение этой категории учреждений может быть предметом отдельной исследовательской работы.

Важным направлением в работе республиканских властей по ликвидации и предотвращению детской беспризорности и безнадзорности являлось формирование местных детских домов. К 1941 г. данная сеть уже состояла из 16 школьных и дошкольных домов и 1 детского дома с особым режимом (во всех воспитывалось 2077 детей) (прил. 1, рис. 1; прил. 2, табл. 2)¹³⁷. Вследствие сокращения детской беспризорности и безнадзорности к середине 1930-х гг. количество детских домов в стране, и в республике в частности, уменьшилось, многообразие их типов исчезло, было заменено унифицированной системой детских домов–интернатов. Если в 1932 г. работу с беспризорниками проводили 13 педагогических коллективов детских домов, то к 1937 г. – лишь 8 (Сосновский¹³⁸ и Ижевский № 1¹³⁹ дошкольные детские дома, Кокманский¹⁴⁰ детский дом для трудновоспитуемых подростков¹⁴¹, Глазовский № 3¹⁴², Можгинский¹⁴³, Новозятцинский¹⁴⁴, Озоно-Чепецкий¹⁴⁵ и Шарканский¹⁴⁶ школьные детские дома)¹⁴⁷.

¹³⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1333. Л. 1об.

¹³⁸ Шарканский район, с. Сосновка.

¹³⁹ г. Ижевск, ул. Пионерская, 1.

¹⁴⁰ Красногорский район, д. Кокман.

¹⁴¹ Ложкина И. А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью в Вотской области в первой трети XX века / И.А. Ложкина // Материалы Лихачевских чтений, 3–5 апр. 2008 г., Казань / под ред. Л. Г. Алексеевой. – Казань, 2008. – С. 246.

¹⁴² г. Глазов, ул. Энгельса, 13.

¹⁴³ г. Можга.

¹⁴⁴ Старозятцинский район, с. Новые Зятцы.

¹⁴⁵ Кезский район, ст. Чепца, ж.д. им. Кагановича.

¹⁴⁶ Шарканский район, с. Шаркан.

¹⁴⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 238. Лл. 1–9; Д. 402. Л. 31; Д. 1713. Лл. 99, 100.

К августу 1937 г. сеть детдомов увеличилась до 10 единиц (7 школьных и 3 дошкольных). Были открыты Байвальский¹⁴⁸ и Ягульский¹⁴⁹ детские дома. Байвальский школьный детдом функционировал до августа 1940 г., когда был перепрофилирован в детский дом с особым режимом. Шестьдесят детей перевели из Кокманской трудовой колонии для трудновоспитуемых подростков. На первый взгляд реорганизация учреждения проходила спешно. На должность директора был назначен человек, не имевший педагогического опыта, закончивший лишь 5 классов неполной средней школы. Не смогли полностью набрать штат педагогов: из 6 предусмотренных планом работали только 3 молоденькие воспитательницы. Лишь в июле 1944 г. Байвальский школьный детский дом с особым режимом был вновь реорганизован в дошкольный детский дом, при этом контингент детей увеличился в 2 раза. К его реорганизации было приложено много усилий. В комнатах, где раньше размещались сапожная мастерская, школа и клуб были созданы учебные и игровые кабинеты для детей¹⁵⁰.

С целью ликвидации возросшей в районе беспризорности в летние месяцы 1937 г. был открыт на базе школы Ягульский дошкольный детский дом. С началом нового учебного года детдом закрыли, а воспитанников распределили по другим детдомам республики¹⁵¹.

Детские дома, как и прежде, работали в тяжелых условиях. Жилой фонд с каждым годом приходил в ветхость и, к сожалению, не обновлялся. Это приводило к непредсказуемым последствиям. Так, в Шарканском детском доме еще до войны, в 1939 г., обвалились баня и столовая. Воспитанники Сосновского детдома в военные годы, как и прежде, были размещены в 7 зданиях, но и в них детям было тесно. Практически все детдома были перегружены детьми. Во многих не было свободных комнат для занятий, не было возможности выделить помещения для кружковой работы и красного

¹⁴⁸ Игринский район, д. Байваль.

¹⁴⁹ Ижевский район, с. Ягул.

¹⁵⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1447. Л. 24; Д. 1794. Л. 49.

¹⁵¹ Там же. Д. 343. Л. 124; Д. 346. Лл. 38, 99; Д. 1935. Л. 34.

уголка. В одних спальнях кровати ставили вплотную, отчего нельзя было пройти, в других дети спали по двое на одной кровати.

Согласно санитарным нормам детские дома и интернаты должны были открываться исходя из выделенных на 1 ребенка 11,7 м², фактически в среднем выходило около 6,6 м². Для ликвидации перегруженности детских учреждений местные власти планировали предоставить дополнительные помещения и реорганизовать Кокманскую сельскохозяйственную трудовую колонию в Кокманский детдом. Детский дом мог вместить около 150 воспитанников, а на перевоспитании находилось лишь 50 трудных подростков. В итоге колония, организованная в мае 1927 г., несколько лет (с 1938 г. по 1940 г.) не функционировала, а затем в колонию вновь был проведен набор трудновоспитуемых подростков¹⁵².

Прием в существующие детские дома продолжался, но все они были переполнены воспитанниками. К примеру, в Шарканский детдом было зачислено на 69 детей больше установленного плана. Не оставалось иного пути, как изыскивать средства и открывать новые детские учреждения. В итоге к началу 1940 г. количество детских домов увеличилось до 17 единиц. Между 1938 г. и 1940 г. началась история сразу нескольких местных домов: Камбарского¹⁵³, Каменноключинского¹⁵⁴, Новомултанского¹⁵⁵ и Сарапульского № 6¹⁵⁶ школьных детских домов, Сарапульского дошкольного детского дома № 1¹⁵⁷, которые продолжали работать и в годы Великой Отечественной войны¹⁵⁸.

Позднее других были сформированы Ершовский¹⁵⁹ и Мостовинский¹⁶⁰ детские дома. Ершовский детдом был организован в Сарапульском районе в начале 1940 г. для воспитанников, переведенных из закрывающегося

¹⁵² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 287. Л. 63; Д. 343. Л. 49; Д. 849. Л. 1.

¹⁵³ Камбарский район, п. Камбарка.

¹⁵⁴ Вавожский район, д. Каменный Ключ.

¹⁵⁵ Увинский район, с. Новый Мултан.

¹⁵⁶ г. Сарапул.

¹⁵⁷ г. Сарапул.

¹⁵⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 346. Лл. 56, 99; Д. 1138. Л. 74.

¹⁵⁹ Сарапульский район, с. Ершовка.

¹⁶⁰ Камбарский район, с. Мостовое.

городского детского дома № 4. В селе Ершовка усадьбу лесхоза удалось приспособить под интернатное учреждение, а земельный участок в размере 1 га, выделенный Ершовским лесничеством – под приусадебный участок¹⁶¹.

В ходе Великой Отечественной войны в структуре стационарных детских домов происходили важные изменения. До 1945 г. было организовано еще 6 детских домов: Воткинский школьный № 1¹⁶², Светлянский¹⁶³ и Юкаменский¹⁶⁴ (с февраля 1942 г.). В сентябре 1943 г. начал работать Тыловый смешанный детдом¹⁶⁵, а в 1944 г. Кизнерский школьный¹⁶⁶ и Уканский дошкольный¹⁶⁷ детдома) и закрыто 2 – Камбарский и Кокманский. В итоге к концу войны в республике функционировало уже 19 местных детских домов (прил. 1, рис. 2; прил. 2, табл. 3).

Светлянский детский дом был открыт в сентябре 1941 г., в то же время Воткинский детский дом № 1 был реорганизован на базе трех закрывающихся городских детских домов № 1, № 2 и № 3¹⁶⁸. Несмотря на все трудности в феврале 1942 г. начал работать Юкаменский детский дом. За короткий промежуток времени О.А. Гаврилова (директор детского дома все военные годы) смогла создать хорошую хозяйственную базу учреждения, правильно организовать в детдоме воспитательно-образовательный процесс. В итоге в 1942 г. коллектив воспитателей занял первое место среди республиканских детдомов по учебно-воспитательной работе¹⁶⁹.

Осенью 1942 г. по распоряжению районного исполкома был закрыт Камбарский детский дом, воспитанников которого перевезли в Мостовинский детский дом¹⁷⁰. Из-за отсутствия изолятора на новом месте практически все воспитанники переболели тифом (был зафиксирован один летальный исход).

¹⁶¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1422. Л. 21; Д. 1467. Л. 127; Д. 1794. Л. 81.

¹⁶² г. Воткинск.

¹⁶³ Воткинский район, с. Светлое.

¹⁶⁴ Юкаменский район, д. Большой Полагай.

¹⁶⁵ Тыловый район, с. Тыловый.

¹⁶⁶ Кизнерский район, ст. Кизнер.

¹⁶⁷ Ярский район, с. Укан.

¹⁶⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1422. Лл. 35, 135; Д. 1423. Л. 31.

¹⁶⁹ Там же. Д. 1582. Л. 37; Д. 1794. Лл. 1, 39; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3589. Л. 73; Д. 3823. Л. 54.

¹⁷⁰ Камбарский район, с. Мостовое.

Кроме того в Мостовинском детдоме не была выделена комната для стирки, поэтому все белье воспитанников (как больных, так и здоровых) отдавали стирать колхозникам на дом. Созданию более благоприятных условий для жизни детдомовцев мешало отсутствие необходимого количества площадей и денежных средств. В итоге дети были переведены в феврале 1944 г. обратно в Камбарский детский дом¹⁷¹.

Осенью 1943 г. открылся Тыловый детский дом, куда перевели детей из Кокманского детдома. В Кокмане воспитатели не смогли добиться высоких показателей в учебно-воспитательном процессе школьников. Учащиеся не были обеспечены в должном объеме промышленными товарами и учебными принадлежностями, что непосредственно сказалось на качестве знаний. Во вновь организуемом доме райком ВКП(б) планировал снабдить детей всеми необходимыми вещами для жизни¹⁷².

В республике помимо школьных, дошкольных и смешанных детских домов создавались специальные учреждения для оздоровления детей в возрасте от 7 до 14 лет – лесные школы. Согласно положению они, как интернатные учреждения учебного (проходили общий курс обучения) и оздоровительного типа находились под контролем НКП РСФСР. В них устанавливался специальный режим и особая организация учебно-воспитательной и оздоровительной работы в соответствии с требованиями школьной гигиены: 20 человек в классе, продолжительность урока 40 минут, занятия на свежем воздухе, 4-5-кратное питание, постоянное врачебное наблюдение. Предусматривалась сменность потоков учащихся три раза в год. В 1944 г. были внесены дополнения, согласно которым на летний период было введено физическое закаливание детей, оздоровительная гимнастика, участие в сельскохозяйственном труде и т.д. В связи с выполнением постановления СНК СССР от 5 января 1943 г. «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом» работа

¹⁷¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1794. Л. 61; Д. 1881. Л. 7; Д. 1944. Л. 16.

¹⁷² Там же. Д. 1583. Л. 61.

лесных школ в стране была взята под особый контроль государственных органов.

В итоге за первый год в 36 областях, краях и автономных республиках РСФСР удалось создать лесные школы на 8700 мест, в том числе в освобожденных от оккупации районах – на 2800 мест¹⁷³. В Удмуртской АССР согласно постановлению СНК УАССР от 26 марта 1943 г. предполагалось открыть лесную школу для туберкулезных детей в с. Кыйлуд Нылгинского района. Но из-за отсутствия помещений идея оказалась нереализованной. Вторая, более удачная, попытка была предпринята в сентябре 1943 г., а в начале 1944 г. Озоно-Чепецкая лесная школа была открыта на базе Озоно-Чепецкого детского дома, воспитанников последнего разместили в Балезинском районе специально организованном детдоме на 100 мест¹⁷⁴. В лесной школе находились не только эвакуированные польские воспитанники, те, что до эвакуации проходили курс лечения в санатории, но и местные дети. Местность была выбрана не случайно, сама природа способствовала скорейшему выздоровлению больных. Кругом сосны, березки, от которых воздух чист и прозрачен, недалеко протекала река Чепца.

Проблема заботы о детях, оставшихся без родителей в годы Великой Отечественной войны, в сельской местности республики решалась путем создания особого типа местных детских домов – колхозных. Они открывались для детей-сирот фронтовиков республики. Сюда же зачастую попадали эвакуированные дети (Мушкинский, Сям-Можгинский и другие детские колхозные дома)¹⁷⁵. В постановлении СНК СССР от ноября 1944 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского, бытового обслуживания женщин и детей» подчеркивалась важность развития в стране инициативных детских домов, содержащихся на средства колхозов и колхозников.

¹⁷³ Рогачева Л. И. Деятельность государственных и общественных организаций по охране детства и юношества страны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Л. И. Рогачева. – М., 2001. – С. 56.

¹⁷⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Т. II. Л. 101; Д. 1681. Л. 73; Д. 1713. Л. 121; Д. 1789. Л. 59об.

¹⁷⁵ Красноперова Н. Был детский дом в Сям-Можге / Н. Красноперова // Увинская газета. – 2000. – 1 авг.

Согласно постановлению СНК УАССР они начали открываться в республике с 25 марта 1944 г.¹⁷⁶. Хотя планом работы Управления детскими домами НКП организация учреждений была предусмотрена еще в ноябре–декабре 1943 г. и возложена на районные исполкомы¹⁷⁷. Колхозные детские дома стали формироваться решением СНК УАССР и бюро обкома ВКП(б), во-первых, при условии подтверждения представителями районных отделов народного образования и районных земельных отделов о полной готовности колхоза к созданию детского учреждения, во-вторых, после единогласного решения членов общего собрания колхозников. Райисполком Совета депутатов трудящихся принимал окончательное решение об открытии детдомов (он же контролировал их работу). Заключение направлялось в СНК УАССР¹⁷⁸.

Помимо колхозных, в республике функционировали межколхозные детдома, именовавшиеся так потому, что находились на содержании не одного, а всех или нескольких колхозов данного района. Работа директоров в межколхозных детдомах усложнялась тем, что большую часть рабочего времени руководители зачастую использовали не на организацию образовательно-воспитательного процесса, а на решение хозяйственных вопросов (в частности, занимались сбором продуктов по колхозам района).

Как известно, колхозные и межколхозные детские дома функционировали за счет касс взаимопомощи. В поддержку колхозным домам районные комитеты комсомола организовывали сбор продуктов питания. Зачастую средства на функционирование детдомов отсутствовали в кассах взаимопомощи, в этом случае заботу о детях проявляли районные отделы народного образования, исполкомы райсоветов (Черновской межколхозный дом Каракулинского района) и другие исполнительные органы власти¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Ложкина И. А. Детские дома и интернаты в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Девятая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция : материалы конф. / отв. ред. Н. И. Леонов. – Ижевск, 2008. – С. 21.

¹⁷⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1580. Л. 15.

¹⁷⁸ Там же. Д. 1794. Л. 126; Д. 1903. Лл. 4, 62, 127об.

¹⁷⁹ Там же. Д. 1719. Л. 42; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4242. Лл. 33, 134.

Работа по организации колхозных и межколхозных домов стала проводиться активнее в 1945 г. Об этом говорят статистические данные. Так, народнохозяйственным планом, составленным на 1945 г., в республике было предусмотрено функционирование 51 бюджетного детского дома с общим количеством детей – 5815 человек. Из них 17 детдомов относились к стационарным, 19 – к эвакуированным, остальные 15 – к колхозным и межколхозным. Фактически к началу 1945 г. в республике было открыто 18 колхозных детских домов, число которых к концу года увеличилось до 23. В Граховском, Кулигинском, Старо-Зятцинском и Ярском районах колхозы и райисполкомы провели большую работу и создали необходимые условия для нормальной жизни и воспитания детей. Напротив, в Воткинском, Камбарском и Юкаменском районах был зафиксирован невысокий процент организации подобных домов, что можно объяснить не только отсутствием свободных помещений, слабой экономической базой колхозов, но и недостаточным вниманием со стороны райисполкомов¹⁸⁰.

На рост количества колхозных и межколхозных домов могла повлиять информированность колхозников через радио и газеты. В январе 1945 г. СНК УАССР и бюро обкома ВКП(б) вынесли предложение редакторам республиканских газет осветить успешный опыт работы некоторых колхозных и межколхозных детдомов. Так, в апреле 1945 г. была опубликована статья, посвященная деятельности Халдинского колхозного детского дома, открытого на базе колхоза «Красный Октябрь» и считавшегося лучшим в республике¹⁸¹.

Колхозные и межколхозные детдома в течение 1945 г. переводились на государственное финансирование и прекратили функционировать 20 октября (прил. 2, табл. 3). В итоге на Наркомат просвещения был возложен контроль за медицинским обслуживанием, снабжением продуктами питания, промтоварами и распределением штатных единиц, а за колхозами были закреплены шефские

¹⁸⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1789. Л. 48; Д. 1882. Л. 1; Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. / под ред. Е. П. Никитина. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – С. 190; Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. / сост. И. Н. Зайцева, Е. П. Никонова. – Ижевск : Удмуртия, 1995. – С. 280.

¹⁸¹ Кочнев А. Колхозные детские дома / А. Кочнев // Удмуртская правда. – 1945. – 5 апр.

функции¹⁸². Всего за военные годы в РСФСР было создано не менее 376 колхозных детских домов¹⁸³.

Помимо стационарных детских домов на территории республики начали работать эвакуированные интернаты и детские дома. Сеть их с каждым месяцем увеличивалась, уже к декабрю 1941 г. было организовано 19 новых детских учреждений (прил. 2, табл. 5). Прибывавшие в республику детские дома переименовывались. По возможности их размещали полным составом в 12 районах республики: Алнашском, Вавожском, Завьяловском, Игринском, Каракулинском, Карсвайском, Нылгинском, Пудемском, Увинском, Якшур-Бодьинском, Ярском и Шарканском (как правило, в тех районах, где работали местные детские дома). Очевидно, такая география определялась многолетней практикой работы детских домов в данной сельской местности. Пространственное расположение учреждений было связано, так или иначе, с благоприятными природно-климатическими условиями, с небольшой удаленностью от райцентров, с хорошим дорожным сообщением (паром по р. Каме, железнодорожные пути, щебневые дороги) и, главное, с наличием свободных помещений для них (прил. 1, рис. 1, 2).

В связи с расширением сети детдомов и интернатов за счет эвакуированных детских учреждений СНК УАССР принял решение выделить дополнительные средства из республиканского бюджета на их организацию и содержание. В августе 1941 г. Наркомфин УАССР направил Наркомпросу ассигнования в размере «2872,6 тыс руб. на содержание дополнительно прибывших 1865 детей»¹⁸⁴. С этого времени забота об эвакуированных детях полностью ложилась на республиканские, городские и районные органы власти. Насколько результативной являлась работа Совнаркома, наркоматов, исполкомов, отделов народного образования, аппарата ВКП(б) и ВЛКСМ по архивным источникам судить достаточно сложно. С одной стороны предпринимались все возможные меры к созданию достойных условий жизни

¹⁸² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1903. Лл. 3, 127; Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 77. Лл. 5, 113, 115.

¹⁸³ Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Сеницын. – М. : Воен. изд., 1985. – С. 299–300.

¹⁸⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1422. Л. 85.

воспитанников не в родных семьях, а в государственных учреждениях. С другой стороны было зафиксировано немало нарушений при организации и во время работы детских учреждений. К примеру, не хватило финансовых средств, выделенных в августе 1941 г. для эвакуированных воспитанников; зачастую местные власти не были готовы к приему новой партии эвакуированных, как правило, детей размещали в школах, домах отдыха, клубах и других общественных учреждениях. Так, детей из г. Кировска Мурманской области временно направили в дом отдыха Медведево, на базе которого с июля до октября 1941 г. работал Медведевский детский дом¹⁸⁵. В октябре воспитанников перевели в специально созданный Большенорьинский¹⁸⁶ дошкольный интернат¹⁸⁷ (прил. 2, табл. 5). Также известно, что Игринский дошкольный интернат (организованный в июне 1941 г.) ходатайством исполкома райсовета был переведен в феврале 1942 г. из с. Игры в с. Чутырь, и получил название Чутырский дошкольный интернат (прил. 2, табл. 6).

Нередко с целью создания оптимальных условий проживания детей проводился перевод детских учреждений из одного здания в другое. Например, Гольянский школьный детский дом до декабря 1941 г. был размещен в местном доме отдыха, позднее переведен в помещение конторы. Встречались случаи объединения нескольких эвакуированных учреждений в одно. Например, три детских дома из Могилева были слиты в Варзи-Ятчинский школьный детский дом. На курорте дети лечились до осени, затем постановлением СНК УАССР детский дом был переведен из с. Варзи-Ятчи в с. Алнаши хорошее, светлое помещение бывшего Дома Культуры (прил. 2, табл. 6), а курорт был приспособлен под военный госпиталь¹⁸⁸.

Перечисленные случаи размещения учреждений можно объяснить отсутствием в республике необходимого жилого фонда. В последний раз капитальное строительство в Удмуртской АССР планировалось Совнаркомом

¹⁸⁵ Ижевский район.

¹⁸⁶ Нылгинский район, с. Большая Норья.

¹⁸⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1423. Лл. 30, 36; Д. 1449. Лл. 1, 4; Д. 1947. Лл. 37, 38.

¹⁸⁸ Там же. Д. 57. Л. 16; Д. 1422. Л. 85; Д. 1450. Л. 130; Д. 1468. Лл. 21, 33, 37; Д. 1549. Л. 5; Д. 1559. Лл. 152, 210.

РСФСР в 1939 г. Тогда предполагалось обновить постройки 17 детских учреждений (в том числе детских домов)¹⁸⁹. В военных условиях на строительство новых зданий или капитальный ремонт старых из-за отсутствия финансовых средств, рабочей силы и строительных материалов рассчитывать не приходилось. Несмотря на использование различных вариантов для организации жизни детей в республике – это было лучшее, что могли предложить местные органы власти. В худших условиях жили эвакуированные семьи, особенно в первый год войны, когда для них преобладающим видом жилья являлись бараки и землянки, а позднее – жилые и коммунально-бытовые помещения упрощенного типа.

Для детей, эвакуированных из Мурманской области, в Удмуртской АССР в июле 1941 г. были открыты детские дома на 860 мест в селах Игра (120 детей), Вавож (160 детей), Нылга (120 детей), Кыйлуд (100 детей), Якшур-Бодья (150 детей), Гольяны (210 детей). С огромными затруднениями проводилось обустройство Кировского дошкольного детского дома в Новом Мултане на базе общежития педагогического училища. Заведующий Увинского отдела народного образования и директор педучилища не приняли необходимых мер для размещения детей. Последовали выговор и увольнения, но воспитанникам первое время пришлось ночевать на полу¹⁹⁰. Перед управлением Удмпромкассами был поднят вопрос о передаче детдому подсобного хозяйства (6 га земельного участка, 2 лошадей, 8 коров, поросят и гусей). Несмотря на категорические отказы со стороны управления, Совнарком Удмуртской АССР в феврале 1942 г. решил вопрос передачи подсобного хозяйства и его продуктов в пользу детей¹⁹¹. Кировский дом в скором времени был слит с Острицким детским домом, эвакуированным из Белорусской ССР. В октябре 1943 г. Новомултанский детдом вновь подвергся реорганизации – был объединен с местным Новомултанским школьным детским домом, так как в

¹⁸⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 534. Л. 10.

¹⁹⁰ Там же. Д. 1422. Л. 49.

¹⁹¹ Там же. Д. 1096. Л. 21; Д. 1447. Л. 97; Д. 1579. Л. 15а.

одном населенном пункте содержать два школьных детских дома было нецелесообразно¹⁹².

Немало вопросов возникло перед местными властями в связи с прибытием в октябре–ноябре 1941 г. эвакуированных детей из Калининской области. Для них создали Карсовайский дошкольный¹⁹³, Зуринский¹⁹⁴, Люмский¹⁹⁵ и Уканский¹⁹⁶ школьные детские дома¹⁹⁷ (прил. 2, табл. 5). С момента открытия Зуринского детдома на базе трех помещений работа местной средней школы была нарушена: не хватало классных кабинетов. В итоге обучение школьников было организовано в две и три смены. Вопрос о переводе детей в с. Устье-Люк (11 км от райцентра) был поднят исполкомом райсовета перед СНК УАССР лишь в 1944 г. В селе имелись свободные помещения и земельный участок. Однако, Совнарком не передал в ведение НКП указанные сооружения, поэтому детский дом продолжал работать в с. Зура до реэвакуации.

Другой детский дом – Люмский – был сформирован в селе. За два года смогли создать большое подсобное хозяйство (посевы зерновых составили около 7 га, картофеля – 5 га, овощей – 2 га. Воспитанники ухаживали за 9 коровами, 2 свиньями, 10 овцами, 100 цыплятами). Все это было лишь видимостью благополучия, а какими усилиями пришлось добиваться результата! Даже к 1943 г. так и не было построено достаточно помещений для скота, угодья (сенокос, пашня, пастбище) выделили далеко от дома, а заготовленные дрова ежегодно приходилось подвозить на расстояние 25–30 км. Для детей это была непосильная работа. Именно поэтому исполком райсовета и бюро РК ВКП(б) пришли к выводу о необходимости перевода детского дома из с. Люм в с. Елово. Так, в августе 1943 г. началась история Еловского школьного детского дома¹⁹⁸.

¹⁹² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1713. Л. 115.

¹⁹³ Карсовайский район, с. Карсовай.

¹⁹⁴ Зуринский район, с. Зура.

¹⁹⁵ Пудемский район, с. Люм.

¹⁹⁶ Ярский район, с. Укан.

¹⁹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Л. 100; Д. 1468. Лл. 1, 5, 7, 9; Д. 1582. Л. 2.

¹⁹⁸ Там же. Д. 1713. Лл. 94, 97.

Уканский детский дом, организованный с 3 октября 1941 г. из воспитанников эвакуированного Новоторжского дома, функционировал до весны 1942 г., после чего дети были переведены во вновь созданный Садинский школьный детский дом. В с. Укан они ютились в трех дымных, холодных и грязных домах, расположенных на расстоянии 200–250 м., что создавало неудобства для самих детей, но, в первую очередь для воспитателей¹⁹⁹. На новом месте им было отведено трехэтажное здание начальной школы, а педагогам – отдельное двухэтажное помещение. Позднее в детский дом стали зачислять детей, прибывших из Татарской АССР, Свердловской и Кировской областей, затем и из районов УАССР (прил. 2, табл. 6)²⁰⁰. Детский дом был расформирован после войны – в 1954 г.²⁰¹.

Интересна история организации детских учреждений для эвакуированных литовских, польских и еврейских детей из детских пионерских лагерей курорта Друскининкай²⁰². Первоначально ребятишек предполагалось разместить в Смоленске, затем в Пензе, но с продвижением немецких войск детей направили на Урал. В Удмуртскую АССР дети прибыли без потерь. Жители г. Сарапула встретили сирот, как родных, многих детей до размещения в доме отдыха «Учитель», приняли в свои семьи. Общими усилиями на летнее время был организован Сарапульский школьный детский дом № 5²⁰³. С наступлением холодов пионерские лагеря реорганизовали по типу детских домов: 200 детей бывшего Литовского пионерского лагеря направили в Шаркан, другую часть детей Белостокского пионерского лагеря – в Гольяны, затем в Каракулино²⁰⁴

¹⁹⁹ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. / сост. И. Н. Зайцева, Е. П. Никонова. – Ижевск : Удмуртия, 1995. – С. 72.

²⁰⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1467. Л. 18.

²⁰¹ Кутявина Г. Из истории Уканского детдома / Г. Кутявина // Сельская правда. – 1996. – 21 мая.

²⁰² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Т. II. Лл. 41, 179.

²⁰³ Ложкина И. А. Эвакуация и реэвакуация детских учреждений в Удмуртскую АССР в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Удмуртии в состав Рос. гос., 20–22 мая 2008 г., Ижевск / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск, 2008. – С. 666.

²⁰⁴ Певзнер С. М. Из Друскининкай в Удмуртию : письмо С. М. Певзнеру / С. М. Певзнер // Сестры: рассказы о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 8–3; Сентякова С. Каракулино – это судьба / С. Сентякова // Отчий край : кн. для чтения по удмурт. краеведению, 10–11 кл. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – С. 194; Черных Н. П. Польский детский дом в Удмуртии, 1941–1946 гг. / Н. П. Черных // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность : тез. докл. и сообщ. регион. науч.

(прил. 2, табл. 5). Переезд был вызван неподготовленностью здания дома отдыха к длительному пребыванию 400 детей (в помещении можно было разместить не более 200 человек). Второго сентября 1941 г. вышел приказ НКП УАССР о переводе польских и еврейских детей из Сарапульского детского дома № 5 в с. Каракулино, директором был назначен С.М. Певзнер – человек эрудированный, деятельный, щепетильный, добрый до самопожертвования и любящий детей (прил. 3, рис. 2)²⁰⁵.

Литовский пионерский лагерь приказом НКП УАССР от 7 сентября 1941 г. был перевезен из Сарапула в Шаркан, где открыл свои двери для 200 воспитанников Шарканский детдом № 2. Самостоятельно детдом просуществовал всего несколько месяцев, уже с 1 января 1942 г. он был объединен с местным Шарканским детским домом № 1. Таким способом пытались решить проблему нехватки помещений под учебно-производственные мастерские и комнаты для детей²⁰⁶. Уже 18 февраля 1942 г. вышел приказ НКП УАССР «О выделении из Шарканского детского дома – Литовского пионерского лагеря», в котором отмечалось, что лагерь необходимо переименовать в Шарканский детский интернат. При объединении двух детских домов в один (361 воспитанник) ухудшилось питание детей²⁰⁷. Ситуацию постарались улучшить, временно переведя интернат на льготное питание.

Удобные помещения для детского дома нашли в с. Дебесы. Детей разместили в общежитии и учебных корпусах педагогического училища. Так, 31 марта 1942 г. закончилась история Литовского школьного интерната и началась история Дебесского интерната № 1, а с 1 июня 1942 г. Дебесского детского дома № 2 (прил. 2, табл. 6)²⁰⁸.

конф. / Глазов. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, Комитет по делам нац. при правительстве УР, Глазов. краевед. музей. – Глазов, 1995. – С. 166.

²⁰⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1423. Л. 23; Д. 1454. Т. II. Л. 179; Д. 1468. Л. 3.

²⁰⁶ Ложкина И. А. Эвакуация и реэвакуация детских учреждений в Удмуртскую АССР в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Удмуртии в состав Рос. гос., 20–22 мая 2008 г., Ижевск / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск, 2008. – С. 667.

²⁰⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3589. Лл. 53–56об.

²⁰⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1096. Л. 10; Д. 1549. Лл. 3, 4; Д. 1579. Л. 15.

Постановлением СНК Литовской ССР и распоряжением НКП УАССР в январе 1943 г. оба учреждения были объединены в один, с общим количеством 189 воспитанников. Помимо этого Совнарком Литовской ССР предполагал перебросить в объединенный детский дом дополнительно около 100 детей из других областей и республик страны. По объективным причинам это решение не было реализовано²⁰⁹. Литовские воспитанники получили в государственном учреждении хорошее образование, местные жители относились к ним доброжелательно, оказывая посильную помощь. За время существования детского учреждения не было случаев побега воспитанников, в отличие от других литовских детских домов, расположенных на территории СССР²¹⁰.

До конца 1941 г. в республику было эвакуировано еще 5 детских учреждений: из Москвы – школа-интернат 2-го московского медицинского института²¹¹ и московский детский лагерь ВЦСПС²¹², из Калининской области – Удомельский детский дом²¹³, из Смоленской области – Гжатский детский дом²¹⁴, из Ленинграда – 1-й ленинградский военно-музыкальный интернат²¹⁵ (прил. 2, табл. 5)²¹⁶.

1-й ленинградский военно-музыкальный интернат первоначально был эвакуирован в г. Галич Ярославской области. Детей разместили в школьном здании. Все было устроено для их жизни и обучения: наведен порядок, установлено печное отопление, частично отремонтирована и расставлена мебель в помещении. Был обеспечен запас топлива и продуктов питания. Всех детей школьного возраста зачислили в среднюю школу № 2, в которой с 15 сентября началось обучение. Постановлением СНК РСФСР от 28 октября

²⁰⁹ Ложкина И. А. Эвакуация и реэвакуация детских учреждений в Удмуртскую АССР в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Удмуртии в состав Рос. гос., 20–22 мая 2008 г., Ижевск / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск, 2008. – С. 667.

²¹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1792. Л. 23.

²¹¹ Увинский район, пос. Ува.

²¹² Воткинский район, д. Костоваты.

²¹³ Зуринский район, с. Зура.

²¹⁴ Бемыжский район, д. Старые Ятчи.

²¹⁵ Балезинский район, пос. Балезино.

²¹⁶ Ложкина И. А. Эвакуация и реэвакуация детских учреждений в Удмуртскую АССР в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Удмуртии в состав Рос. гос., 20–22 мая 2008 г., Ижевск / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск, 2008. – С. 667–668.

школа была вывезена глубже в тыл. В результате с 18 ноября 1941 г. в Удмуртской АССР начала работать Балезинская спецшкола, укомплектованная учащимися военно-музыкального интерната. Несмотря на то, что на территории Удмуртской АССР были созданы неудовлетворительные бытовые условия, воспитанники жили здесь до возвращения на родину. Из архивных источников можно узнать, что для детей было выделено неудобное, неприспособленное, неудачное по размерам и загрязненное, не утепленное и полуразрушенное помещение. За первое полугодие 1941/1942 учебного года из-за отсутствия средств, материалов и рабочих, в условиях морозов приспособить помещение для нормальной жизни так и не удалось. Спешно была оборудована кухня и построена баня²¹⁷.

Из Москвы на Уву в июне 1941 г. приехал Деткомбинат 2-го московского медицинского института во главе с директором П.А. Пономаревой. Период до августа был организационным. Воспитатели и дети занимались обустройством помещения, а также работали на полях колхоза, собирали ягоды и грибы. Рабочие в дневное время, пользуясь отсутствием в детдоме воспитанников, достраивали здание. В итоге школу-интернат разместили на верхнем этаже двухэтажного дома. Несмотря на то, что этаж, занимаемый детьми, был светлым и теплым, в целом состояние дома не соответствовало санитарным нормам. «На нижнем этаже квартир работников железнодорожного строительства было грязно, через щели пола на верхний этаж проникала пыль, угар, копоть от печей. Клопы и тараканы свободно ползали по этажам»²¹⁸. В таких условиях дети были вынуждены жить несколько лет.

Московский детский лагерь ВЦСПС туристическо-экскурсионного управления претерпел тройную эвакуацию: в июле 1941 г. он был направлен в г. Кирсанов Тамбовской области, затем в Еловский дом отдыха Молотовской области. Последний оказался занят воинской частью, поэтому сотня эвакуированных граждан (из них 42 ребенка) нашли приют в Костоватовском

²¹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Т. II. Лл. 10, 13.

²¹⁸ Там же. Д. 1580. Лл. 2, 5.

доме отдыха Воткинского района УАССР. Большинство детей прибыло с родителями, остальные 5 – дети-сироты. Дом отдыха принадлежал ЦК профсоюзов рабочих промышленности вооружения, в последующем здесь проживали семьи сотрудников ЦК Союза электростанций, призванных в армию. Из архивных документов видно, что Воткинский райисполком не занимался вопросами приема и размещения людей в дом отдыха, зато начальник отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК УАССР организовал работу по устройству детей-сирот в детские дома. В феврале 1942 г. лагерь был передан в ведение управления Госпиталями ВЦСПС по Свердловской и Молотовской области, поэтому обязанность следить за жизнью эвакуированных граждан была автоматически снята с местных исполнительных органов²¹⁹.

В 1942 г. в Сарапул прибыла Спецшкола ВВС № 4 (авиашкола) (прил. 2, табл. 6), эвакуированная из Курска. Школа была размещена в небольшом, холодном, грязном и темном здании. Местные организации не обеспечили детей необходимым количеством белья и мебели. В малоприспособленных условиях воспитанники жили до января 1943 г. Республиканские органы власти так и не выполнили указания НКП РСФСР по улучшению условий проживания детей²²⁰. После реэвакуации авиашколы, ранее занимаемые помещения были переданы под детскую колонию НКВД и авиашколе²²¹.

Несмотря на то, что к 23 декабря 1942 г. в Удмуртской АССР было организовано 19 эвакуированных детских домов и интернатов, план расселения детей в функционирующие учреждения не удалось выполнить, соответственно в декабре этого СНК СССР запланировал направить в республику еще 200 детей. Наркомат просвещения УАССР, анализируя ситуацию, вышел с просьбой к Совнаркому УАССР открыть для этих детей новый дошкольный детский дом в Кизнерском районе. В полукаменном доме Ягульской дачи

²¹⁹ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 5. Л. 25; Д. 7. Лл. 255, 256; Д. 57. Лл. 62, 63, 69; Д. 58. Лл. 63, 70; Д. 80. Т. II. Л. 18.

²²⁰ Там же. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Л. 141; Д. 1681. Л. 4.

²²¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 935. Л. 23.

(принадлежал Управлению лесоохраны и лесонасаждений) можно было бы разместить около 80 человек. Результат прошения не ясен, но анализ архивных источников позволяет обнаружить, что детский дом начал работать в Кизнере лишь с 1944 г.²²².

В 1943 г. продолжала совершенствоваться законодательная база, проводились организационные мероприятия, направленные на устранение беспризорности. Согласно приказу НКП РСФСР от 21 июня 1943 г. «Об улучшении состояния интернатов для эвакуированных детей» с одной стороны предусматривалось по всей стране к 1 октября расширить сеть и контингент детских домов-интернатов для детей-сирот, с другой стороны к 1 сентября предполагалось вернуть детей в родные семьи. Первая часть приказа была сосредоточена, в том числе на устройство беспризорных подростков, находившихся до этого времени на оккупированных немецкими войсками советских территориях. Так, в июне 1943 г. в республику было эвакуировано 500 детей из Курской области. Разместить их в уже существующие детские учреждения не представлялось возможным, поэтому дополнительно были открыты Ст-Сальинский²²³, Сюмсинский²²⁴ и Перевозинский детские дома²²⁵, на организацию которых НКП УАССР выделил промтовары²²⁶.

В июле 1943 г. на базе школы был образован Перевозинский школьный детдом, директором которого временно назначалась Е.П. Богатырева, занимавшаяся обустройством детдома и приемом 82 детей из Курской области²²⁷. Благодаря работе сотрудников НКП УАССР, помощи, оказанной общественностью и другими детскими домами, в учреждении смогли создать удовлетворительные условия для жизни воспитанников.

В том же месяце был открыт Сюмсинский школьный детский дом. Приезда детей ждали. Детский дом временно разместили в школьном корпусе,

²²² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1143. Л. 11; Д. 1579. Л. 90.

²²³ Киясовский район, д. Старая Салья.

²²⁴ Сюмсинский район, д. Сюмси.

²²⁵ Воткинский район, с. Перевозное.

²²⁶ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1713. Лл. 62, 119; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Лл. 56, 69.

²²⁷ АОАР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 68. Л. 54; ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1143. Л. 25; Д. 1718. Л. 61.

чуть позднее для него освободили двухэтажное деревянное здание, в котором работали районная библиотека и отдел народного образования. Дети были разновозрастные, от 3 до 16 лет, позднее провели перераспределение: воспитанников старше 14 лет направили в ремесленное училище г. Ижевска, а дошкольников – в Вавожский детдом. Осиротевшие, беспризорные дети, перенесшие оккупацию, нуждались в немедленной помощи. Последствия голодной и тяжелой жизни еще долго сказывались. «Многие из них во сне плакали, просыпались в испуге от приснившегося, некоторые старшеклассники отбирали хлеб у младших или слабых ровесников. Воспитатели целыми сутками дежурили у их кроватей. Сколько времени понадобилось, чтобы вылечить их детские души, искалеченные войной!»²²⁸ Детский дом был расформирован в 1961 г., небольшую группу оставшихся ребят перевели в с. Зура²²⁹.

Следующий шаг, предпринятый с целью ликвидации беспризорности на территории Удмуртской АССР, был связан с обнародованием в декабре 1943 г. приказа наркома просвещения УАССР Е.А. Никифоровой. Согласно ему изменялся порядок набора воспитанников в государственные детдома и интернаты. Директора и заведующие, не дожидаясь распоряжений Наркомпроса и Управления детскими домами НКП Удмуртской АССР и СССР, могли осуществлять прием детей по факту без учета плановых показателей. Как следствие на гособеспечение без документов стали зачисляться дети, внезапно оставшиеся без родителей (не принимались только больные)²³⁰.

Итак, согласно архивным данным, сеть детских домов и интернатов за годы войны в Удмуртской АССР разрослась с 33 единиц (в 1941 г.) до 62 (в 1945 г.) (прил. 2, табл. 4). В первые годы войны количество детских домов и интернатов увеличивалось, как правило, за счет создания учреждений для эвакуированных детей, а с 1944 г. за счет организации колхозных и

²²⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 122; Ливанова, Г. Был в Сюмсах детский дом / Г. Ливанова // Знамя. – 1995. – 30 мая.

²²⁹ Рябов И. М. Сюмси. Век за веком, за годом год / И. М. Рябов. – Ижевск : Удмуртия, 1999. – С. 162–166.

²³⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1713. Л. 84.

межколхозных домов. При сравнении статистических данных количества детских учреждений в УАССР и на других территориях страны, наша республика в некоторых случаях по объективным причинам им уступала. Например, в соседние республики и область – Татарскую АССР за годы войны было эвакуировано 99 домов и интернатов с общим количеством детей 10883 человека²³¹, в Башкирскую АССР прибыло 43 детских учреждения с 4950 детьми²³², а в Пермской области было размещено 243 детских учреждения с 20776 воспитанниками²³³ (в Удмуртскую АССР – 26 учреждений с 2499 детей*). В отдаленных территориях от республики, например, Омской области в военные годы функционировало 195 детдомов и интернатов с общим количеством 21639 детей²³⁴ (в УАССР – 62 детских учреждения с 6200 человек), а в Чкаловской области к 1944 г. насчитывалось 64 детдома с общим количеством детей 8188 человек²³⁵. Во-первых, эти данные можно объяснить неравнозначностью территорий представленных республик и областей. Во-вторых, создание и увеличение количества детских домов и интернатов необходимо связывать с финансовыми возможностями республиканского или краевого бюджета. Несмотря на эти показатели, народнохозяйственный план Удмуртской АССР на 1945 г. в действительности оказался перевыполнен: было создано на 11 детдомов и принято на 385 воспитанников больше запланированного. Напрашивается вывод, что республиканские власти не только стремились выполнить, но и перевыполняли нормы и цифры, спускаемые сверху.

²³¹ Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / авт.-сост.: А. А. Иванов, Ф. С. Хабибуллина. – Казань : Книга памяти, 2000. – С. 174.

²³² Султангузина Г. Ю. Об оказании социальной помощи сельскому населению БАССР в годы Великой Отечественной войны / Г. Ю. Султангузина // Археография Южного Урала. Подвиг народов России в Великой Отечественной войне : материалы V Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, 29 апр. 2005 г., Уфа / отв. ред. А. Б. Юносова. – Уфа, 2005. – С. 159.

²³³ Рогачева Л. И. Деятельность государственных и общественных организаций по охране детства и юношества страны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Л. И. Рогачева. – М., 2001. – С. 82.

* Данные на 2 декабря 1941 г.

²³⁴ Азаров А. И. Из истории народного образования Омской области [Электронный ресурс] / А. И. Азаров. – Режим доступа : <http://www.omskedu.ru/id=12>. (Дата обращения: 23.06.2009).

²³⁵ Расулева В. М. Детские дома в Чкаловской области в послевоенный период / В. М. Расулева // Емельяновские чтения : материалы I Межрегион. научно-практ. конф. / Курган. гос. ун-т, Курган. обл. о-во краеведов – Курган, 2006. – С. 136.

Целый ряд экономических, географических и других факторов способствовали приему и размещению в Удмуртской АССР эвакуированного населения, в том числе детей. Республика располагалась в глубоком тылу, удаленность территории которой не позволяла совершать воздушные налеты, а также наличием здесь трех основных транспортных магистралей (железнодорожных, водных и шоссейных путей). Железные дороги были основными путями поступления эвакуированного населения.

Республиканские власти с вниманием относились к размещению эвакуированного населения, старались оперативно решить многие текущие вопросы. Выше уже отмечалось, что детей распределяли в районы с учетом наличия свободных помещений. Детей, прибывавших и выбывавших из республики, учитывали. Отчетность была важным инструментом для решения многих задач, связанных с выработкой планов по продовольственному снабжению, с исполнением запросов поиска детей, поступивших от родителей и родственников, распределением бывших воспитанников в учебные заведения и на работу в промышленный и сельскохозяйственный сектор экономики. Учетную работу, повседневное руководство делами по приему и устройству детей осуществляли отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР, Комиссия по приему и размещению эвакуированного населения, Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, райисполкомы, горисполкомы, обком комсомола, районные и городские комитеты партии, хозяйственные и профсоюзные организации.

В целом следует отметить положительные стороны командно-административного способа управления в экстремальных условиях войны. Центральные власти справились с трудностями эвакуации, используя преимущества централизованной системы распределения и опираясь на государственные карательные органы. Кроме того, благодаря инициативе педагогов, и чрезвычайным мерам, принятым органами государственного управления, удалось эвакуировать в тыл огромное количество детей.

В детдомах и интернатах воспитатели проводили непрерывную работу по устройству большинства беспризорных и безнадзорных детей, их возвращением к нормальной трудовой, учебной и общественной жизни. Сложнее всего приходилось работать в первый год войны, когда не был отрегулирован механизм поиска, устройства и вовлечения детей-сирот и беспризорников к полноценной жизни. К этому добавлялась проблема финансового характера: не хватало средств, выделяемых из республиканского бюджета, на приобретение одежды, продуктов питания, мебели. Отсутствие нормального жилья и имущества порождало множество экономических и психологических трудностей. Значительную поддержку, как эвакуированным, так и местным сиротам оказывали комсомольские, профсоюзные организации и общественность. Активное стремление бескорыстно помочь государству получило весьма широкое распространение среди самых различных слоев населения. Так, колхозники начали создавать инициативные детские дома. Правда, в республике они открывались позднее – лишь в начале 1944 г., а по стране в целом в 1942 г. и 1943 г. Эвакуированные воспитатели и дети любую заботу населения республики об их судьбе принимали с благодарностью.

В целом проблема ликвидации беспризорности и ее последствий в республике не была окончательно решена. На учете регулярно состояли беспризорники, нуждавшиеся в немедленном устройстве в государственные детские учреждения. Однако, средств на организацию новых домов или мест в уже существующих не хватало, поэтому одновременно проводилась работа в других направлениях.

Глава III. Проблемы воспитания и обучения детей в детских домах и интернатах в 1941–1945 гг.

В условиях военного времени учебно-воспитательным учреждениям были продиктованы задачи иного характера. Во-первых, требовалось обеспечить охрану жизни и здоровья детей, исполняя приказ НКП РСФСР от 30 июля 1941 г. «О работе внешкольных учреждений» и постановление НКП УАССР от 11 июля 1941 г. «О наилучшем обслуживании детей в детдомах и обеспечении надлежащей охраны жизни детей». Во-вторых, выполнять закон «О всеобуче». В-третьих, усилить идейно-политическое, патриотическое воспитание, укрепить дисциплину воспитанников. В-четвертых, улучшить военно-физическую подготовку. В-пятых, развернуть массовую оборонную и политико-просветительскую работу среди учащихся и населения. В-шестых, оказать активную посильную помощь фронту, промышленному производству, совхозам и колхозам республики, семьям фронтовиков, перестроив трудовую деятельность воспитанников. Из этого общего круга основных задач вытекали более конкретные, меняющиеся и уточняемые в зависимости от местных условий и обстановки. Таким образом, школы, детские дома, интернаты готовили смену для фронта и восполняли убыль специалистов для огромной хозяйственно-трудовой деятельности в тылу.

§ 1. Перестройка учебной работы в интернатах и детских домах Удмуртской АССР

В условиях тяжелого военного времени советское руководство изменило подход к вопросам народного образования: требовалось незамедлительно перестроить учебно-воспитательный процесс и преподавание всех учебных дисциплин, подчинив обстоятельствам военного времени, придавая им большую идейно-политическую направленность. Также необходимо было

организовать бесперебойную работу школ и обеспечить обязательный охват всеобучем всех детей школьного возраста. Газета «Правда» в первый год войны призывала сотрудников народного образования не делать никаких ссылок на трудности военного времени, занятия в школах продолжать и бороться с отсевом учащихся. Для реализации установленных задач нужно было создать соответствующие условия для обучения детей и повышения качества учебно-воспитательной работы педагогов в школах, детских домах и интернатах.

Центральной задачей перестройки советской школы на военный лад было обеспечение школьного всеобщего обязательного обучения, проводившегося под лозунгом «Ни одного ребенка вне школы». Составной его частью была эвакуация многих школ из прифронтовых районов. В июле–августе 1941 г. в стране для эвакуированных в тыл детей стали открываться за счет государства пришкольные интернаты с соответствующими условиями проживания и обучения на родном языке. В Удмуртской АССР начали функционировать детские школьные интернаты, специально созданные для отдельных групп эвакуированных учащихся, и детские дома. Школа работала при интернате. Учащиеся, проживавшие в детских домах, были закреплены за городскими или районными школами. Связующим звеном между государственными органами и педагогическими коллективами были отдел школ, управление детскими домами для местных домов и интернатов и управление начальных и средних школ НКП УАССР (до июня 1943 г.) для эвакуированных интернатов и детдомов. Перед ними была поставлена задача: усилить контроль и оказывать необходимую помощь отделам народного образования и местным партийным организациям при всеобуче детей школьного возраста (от 8 до 15 лет).

Важно было предотвратить отсев учащихся из школ и развернуть внешкольную работу среди подрастающего поколения. Более того, к началу 1941/42 учебного года требовалось урегулировать прием и распределение эвакуированных воспитанников в школы. Часто встречались случаи, когда у прибывающих детей не было при себе документов об обучении в школе по прежнему месту жительства. Это усложняло их прием. В этом случае детей

зачисляли в классы на основании косвенных документов (дневника, тетрадей, контрольных работ и т.д.) с месячным испытательным сроком обучения, после чего определяли в соответствующий класс.²³⁶ Лишь позднее с 1943/44 учебного года был введен ученический билет в неполных средних и средних школах для учащихся среднего и старшего звена (постановление СНК РСФСР от 2 августа 1943 г. «О введении ученического билета»)²³⁷.

Важнейшим показателем качества учебно-воспитательной работы была школьная успеваемость детей, напрямую зависящая от посещаемости учащихся. С первого военного года было введено социалистическое соревнование по успеваемости и посещаемости. Воспитанникам объясняли, что отличная учеба и примерное поведение, как в школе, так и в детском доме или интернате, для них – это такой же долг перед родиной, как и защита страны советскими солдатами. Дети брали обязательства неуклонно выполнять условия соцдоговора: «добиваться 100% успеваемости в школе, иметь отличную дисциплину в детских учреждениях, участвовать в общественной работе, быть примерными пионерами и выполнять поручения отряда, заниматься в военно-оборонных кружках на «отлично»; иметь аккуратный и культурный вид, быть вежливыми со старшими и сверстниками»²³⁸. Так добровольные обязательства превращались в неперенные и массовые.

Согласно годовым отчетам республиканских детских домов и интернатов, всеобуч в 1941/42 учебном году был организован хорошо: из 1192 воспитанников школьного возраста не обучалось всего 7 детей. Успеваемость учащихся составляла 94,7%, по сравнению с предыдущим годом уменьшилось количество второгодников. Такие детские дома как Алнашский, Вавожский, Зуринский, Нылгинский, Сосновский и Якшур-Бодьинский добились 100% успеваемости, а Каракулинский интернат – 97%. Педагогам и воспитанникам Алнашского детдома за высокую успеваемость было вручено переходящее

²³⁶ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1099. Л. 145.

²³⁷ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. : сб. док. Вып. 2. / сост. Н. И. Болдырев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – С. 275–276.

²³⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1682. Л. 165.

Красное знамя СНК УАССР, а директору С.М. Найдович – благодарность. Знамя первенства коллектив учреждения держал и в следующем учебном году. Целеустремленность детей и педагогов, взаимная поддержка и помощь районных организаций помогли детдому выйти в число передовых.

В тот же год проводилась проверка договоров, обязательств и учет их выполнения в Каракулинском интернате, Глазовском, Зуринском, Новозятцинском и Якшур-Бодьинском детдомах. Каждый ученик еженедельно мог увидеть в настенных таблицах успеваемость классов и отдельных учащихся. Но встречались детдома (в них числилось 373 отстающих школьника), как Ершовский, Кокманский, Сарапульские № 1 и № 4, в которых успеваемость составляла менее 80%. Воспитанники этих учреждений были недисциплинированы, опаздывали и пропускали уроки, грубо общались с учителями и воспитателями²³⁹. На успеваемость и поведение детдомовцев могли повлиять такие факторы, как уход учителей на фронт, сокращение школьных площадей, некачественная работа педагогов или недостаточный контроль управлений детскими домами, начальных и средних школ НКП УАССР за работой воспитателей и учителей.

В школах республики действительно активно проводились социалистические соревнования. Так, в качестве иллюстрации можно привести сведения о выполнении постановления Совнаркома УАССР от 1942 г. «Об установлении денежной премии за лучшую работу школ». Для этой цели Совнарком РСФСР утвердил премиальную сумму на 1942/43 учебный год в размере 40000 рублей. За лучшую постановку учебной работы награждались школы района первой премией в размере 5000 рублей, второй – четвертой премиями в размере 3000 рублей. Награждение проводилось дважды в год. Уже в ноябре 1942 г. первой премией удостоились школы Вавожского района за 92,7% успеваемость учащихся. В районе всеобуч осуществлялся в 24 из 33 школ. Помимо этого была оказана материальная помощь 2300 школьникам,

²³⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Лл. 46, 110об, 120; Д. 1454. Л. 120; Д. 1564. Л. 152; Д. 1684. Л. 121; Д. 1713. Лл. 82, 133; Д. 1947. Л. 108–109.

1606 учеников пользовались бесплатными горячими завтраками (из централизованных фондов на ребенка в день отпускалось 50 гр хлеба и 10 гр сахара к чаю). Району было передано переходящее Красное знамя, кандидатами на его получение во втором полугодии 1943 г. считались Глазовский (успеваемость учащихся составляла 93,1%) и Понинский (успеваемость учеников – 92,5%) районы. По итогам года за отличную постановку трудового обучения, организацию мастерских, высокую школьную успеваемость и существенное развитие подсобного хозяйства переходящее Красное знамя было вручено школам Глазовского района²⁴⁰.

Положительной тенденцией со стороны учителей в осуществлении всеобуча было обращение внимания на классы, в которых обучались детдомовцы. До войны педагоги не стремились брать в свои классы воспитанников, теперь наоборот зачисляли. В военные годы успеваемость некоторых детдомовцев превышала показатели учащихся, проживавших с родителями, по причине занятости последних на промышленном производстве и в сельском хозяйстве. К 1942/43 учебному году успеваемость в детдомах возросла до 95,6%, возможно, во многом благодаря исполнению постановления СНК СССР от 30 июля 1942 г. «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста».

В октябре 1942 г. Наркомпрос РСФСР обязал краевые и областные отделы народного образования и Наркомпросы автономных республик провести учет и регистрацию всех детей, подлежащих всеобучу. В результате вновь отличились почти образцовые Алнашский, Сосновский и Якшур-Бодьинский детдома, Нылгинский интернат, в которых успеваемость составила 100%. В работе других детдомов, как и прежде, были обнаружены недочеты. К примеру, из Шарканского детдома в школу ходило лишь 12 воспитанников школьного возраста (на 75% дети не были обеспечены канцелярскими товарами), из Байвальского детского дома – лишь 10 учеников, а из

²⁴⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1096. Лл. 6, 8; Д. 1564. Л. 254; Д. 1684. Л. 83.

Кокманского детдома всего 7 учащихся²⁴¹. По данным годовых отчетов педагогическая работа плохо проводилась в Ершовском детдоме, но уже к 1942/43 учебному году успеваемость воспитанников повысилась до 90%. В 1943/44 учебном году возросла успеваемость в ранее отстающих Большенорьинском, Новомултанском и Нылгинском детдомах и интернатах. За счет творческого подхода к работе воспитатели смогли улучшить показатели. Они стали обращать внимание на индивидуальные особенности каждого воспитанника, прививали им трудовые навыки и дисциплину, повышали знания²⁴².

В 1944/45 учебном году в детдомах и интернатах республики успеваемость составила 98%, из 3672 воспитанника числилось 74 второгодника²⁴³.

Анализ источников позволяет выявить причины непосещаемости (и соответственно неуспеваемости) воспитанников республиканских детдомов и интернатов. Первая причина связана с текучестью детей: многие из них, не успев привыкнуть к новым условиям обучения, уезжали к родителям, другие прибывали из прифронтовых и фронтовых территорий. Во-вторых, можно объяснить отсутствием (или недостатком) теплой одежды и обуви. Для того чтобы решить эту проблему, уже в 1942/43 учебном году по требованию контрольно-ревизионного управления Наркомфина Удмуртской АССР в городах стали открываться мастерские для починки и пошива детской одежды и обуви, а в сельской местности работа, по-прежнему, проводилась на предприятиях местной промышленности и непосредственно в школах. Во многих домах и интернатах руководители находили иные способы решения проблемы. К примеру, смена учащихся, пришедшая из школы, передавала теплую одежду следующей группе школьников.

Третья причина обусловлена отсутствием необходимого количества школьных площадей, так как школы получили дополнительную нагрузку при

²⁴¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1564. Л. 219.

²⁴² Там же. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.

²⁴³ Там же. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1789. Л. 54 об.

эвакуации и размещении на их базе детских учреждений или госпиталей. В первый военный год советские школы были вынуждены приспособливаться к работе в данных условиях. Постановлением СНК РСФСР от 20 августа 1941 г. учебные занятия во всех школах страны, по-прежнему, начинались с 1 сентября, но в тех школах, часть помещений которых была передана под военные нужды, вводилось трехсменное обучение (с 7 часов утра и до 8 вечера). Согласно этому постановлению в городских школах Удмуртской АССР обучение детей было организовано в 4 смены, а в сельской местности в 2 смены. Продолжительность уроков не изменилась и составляла 35–40 минут, сокращены были лишь перемены (до 5 минут). В итоге занятия заканчивались поздно вечером, а это, как правило, снижало работоспособность, вредило качеству обучения и здоровью детей. Проанализировав ситуацию, правительство пришло к выводу, что 4–6-ти сменное обучение детей в школах не приносит пользы, поэтому необходимо немедленно прекращать практику его использования. В результате с 1943/44 учебного года были отменены многосменные занятия²⁴⁴.

Другим направлением в улучшении условий учебного процесса было рассмотрение Совнаркомом СССР вопроса о возвращении школьных зданий под непосредственное использование. Согласно вышедшему постановлению СНК СССР от 30 июля 1942 г. «Об упорядочении практики использования школьных зданий по назначению» Наркомпрос РСФСР требовал на местах немедленно рассмотреть каждый случай незаконного использования школьных зданий (исключение составляли помещения, занятые под госпитали и эвакуированные предприятия). Из доклада В.П. Потемкина «О работе школы за истекший военный период и задачах школы на 1943/44 учебный год» становится ясно, что органы народного образования не проводили работу по возвращению школьных зданий, занятых не по назначению. Кроме того, план школьного строительства и ремонта школ «выполнялся

²⁴⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1099. Лл. 117, 147; 1419. Л. 144; Д. 1453. Т. I. Л. 110об; Д. 1721. Лл. 91об, 211об; Д. 1796. Л. 44об.

неудовлетворительно»²⁴⁵. В Удмуртской АССР ситуация несколько изменилась в 1944/45 учебном году, когда лишь 39 школьных зданий использовались под военные нужды.

Четвертая причина неуспеваемости объясняется недостаточной обеспеченностью воспитанников школьными принадлежностями. Сведения отдельно взятого детского дома позволяют воссоздать типовую картину во всех детских учреждениях автономной республики. Из отчета Ершовского детского дома видно, что старшеклассники были снабжены учебниками на 100%, а учащиеся начальных классов лишь на 30% (не хватало букварей, книг для чтения, учебников по русскому языку, задачников и др.)²⁴⁶. Еще хуже обстояли дела с комплектованием учебниками и художественной литературой на иностранных языках. Проблема обострилась в связи с тем, что в первый учебный год местным домам и школам зачастую приходилось делиться учебниками с эвакуированными детьми.

Учебниками и художественной литературой хорошо был обеспечен эвакуированный 1-й Ленинградский военно-музыкальный интернат (фонды пополнились за время пребывания в г. Галич). В его библиотеке находилось не менее 400 книг (всего в библиотеках детских домов и интернатов в наличии насчитывалось 4624 экземпляра книг). Кроме того в 1942 г. была осуществлена подписка на 15 экземпляров газет и журналов.

В стране к началу 1941/42 учебного года было закуплено 50 млн. подержанных учебников и отпечатано более 11 млн. новых. В постановлении ЦК ВКП(б) от 13 июня 1942 г. «О школьных учебниках» были определены конкретные меры по улучшению снабжения школ учебниками²⁴⁷. Соответственно Наркомат просвещения УАССР ежегодно стал организовывать закупку максимального количества учебников при каждой школе, реализуя их только среди учащихся данной школы. Скупкой подержанных учебников на

²⁴⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1681. Л. 70.

²⁴⁶ Там же. Д. 1721. Лл. 129, 211-212, 214об; Д. 1796. Л. 44об.

²⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945 гг. / зав. ред-ей Л.Ф. Декань. – М. : Политиздат, 1985. – С. 310.

местах занимались книготорговые организации, они же с разрешения директоров школ могли вывезти учебники, не пользовавшиеся спросом, в другие школы. Одновременно Наркомат просвещения организовал на местах закупку новых школьных учебников. Анализ источников позволяет выявить, что план закупки подержанных учебников для школ республики в 1943 г. был перевыполнен в Шарканском (на 118%) и Базинском (на 154%) районах, а в Ижевском и Малопургинском районах план оказался не выполнен²⁴⁸.

Несмотря на ежегодные заявки, высылаемые в Москву, были замечены перебои в поставке канцелярских товаров. Вопреки всем обстоятельствам в 1942/43 учебном году руководители Алнашского, Нылгинского и Якшур-Бодьинского детдомов и интернатов смогли обеспечить своих воспитанников письменными принадлежностями и учебниками. В других учреждениях почти полное отсутствие бумаги, учебников, а также недостаток в материальных средствах для их приобретения, вынуждали школьников писать на газетных листах между строк, на оборотных сторонах, самодельными карандашами и ручками. Дефицит школьных принадлежностей был связан с прекращением их выпуска большинством предприятий местной промышленности и промкооперацией в связи с переходом на производство продукции для нужд фронта. В военные годы дети научились самостоятельно изготавливать в своих мастерских канцелярские товары. Так, с 1944 г. воспитанники Новозятцинского, Новомултанского и Можгинского детских домов производили ручки, линейки и другие письменные принадлежности. Советское правительство пыталось устранить возникшую проблему не только через самообеспечение, но и через привитие детям бережного отношения к государственной собственности. Удачно этот вопрос, к примеру, был поставлен в 1944 г. среди воспитанников Алнашского и Вавожского детдомов, Каракулинского интерната. Дети были аккуратны, они старались содержать в порядке собственные вещи, передавая их младшим²⁴⁹.

²⁴⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Лл. 165, 165а; Д. 1684. Л. 86; Д. 1721. Л. 121а.

²⁴⁹ Там же. Д. 1419. Л. 165; Д. 1454. Т. II. Л. 13; Д. 1947. Лл. 104а, 108; Д. 1681. Л. 52.

В-пятых, занятия проводились в некомфортных условиях и непригодных помещениях. Из-за плохого снабжения топливом в классах не всегда поддерживалась постоянная температура. Во многих школах вообще не были отремонтированы печи, в лучшем случае прогревалась только часть здания. Дети во время занятий не раздевались, а неподвижное сиденье на одном месте, ослабленный иммунитет и плохое питание – приводили к простудным и другим заболеваниям. Кроме того, устанавливалось не электрическое, а тусклое керосиновое освещение. Нередко керосин, фитили и ламповые стекла поставляли (из-за их отсутствия в местных торговых организациях) в учебные классы и комнаты воспитанников с опозданием. Хотя, нужно признать, что все выше перечисленные факты не препятствовали выполнению закона о всеобуче.

Третий военный год отличался более высоким, чем два предыдущих, уровнем организации учебно-воспитательного процесса. В этом сказывались и укрепление материально-технической базы школы, и положительные результаты борьбы за всеобуч, и приобретение опыта работы учителями в условиях войны, и, конечно, гласность итогов работы школ, обеспечивающихся Наркомпросом РСФСР проведением Всероссийских или кустовых совещаний по народному образованию. Результатом всего этого явилось обязательное выполнение правительственных постановлений и проведение нижеперечисленных мероприятий.

Особое внимание было обращено на укрепление дисциплины. С этой целью были выработаны правила для учащихся. Опыт всех школ в стране был обобщен, в августе 1943 г. СНК РСФСР утвердил «Правила для учащихся», в 20 пунктах которых определялись обязанности школьника по отношению к школе, учителям и родителям, старшим товарищам; устанавливались правила культурного поведения учащихся, как в школе, так и за ее пределами. В них просто и доходчиво были сформулированы идеи советской педагогики, патриотизма, социалистического гуманизма, коллективизма и коммунистического отношения к труду. На основе «Правил» строилась работа педагогических коллективов по организации образцового порядка, укреплению

дисциплины и культуры поведения учащихся, упрочнению и углублению их знаний. «Правила» изучались школьниками. Однако в ряде мест к их изучению подходили формально. Ученики бойко отвечали правила, но не всегда руководствовались ими в жизни. «Правила для учащихся», а также приказ НКП РСФСР «О введении ученического билета» внесли много нового в содержание и методику формирования дисциплинированного поведения школьников. Эти документы выражали государственные требования к учащемуся и его поведению, являлись своеобразным кодексом норм жизни, труда и поведения советских школьников.

Важную роль в укреплении дисциплины в школе играло постановление НКП РСФСР от 21 марта 1944 г., направленное против нарушений принципов советского воспитания. С одной стороны многие учителя и директора школ не предъявляли к учащимся необходимых требований, не применяли к ним соответствующих мер взыскания за нарушение порядка и дисциплины в школе. С другой стороны, нередко воспитательная работа подменялась голым администрированием, механическим перенесением в школу дисциплинарной практики армии, а также применение наказаний, которые оскорбляли учащихся. Это были крайности, не соответствующие принципам советской школы. Тогда в интересах единства обеспечения требований к учащимся и впервые в практике советской школы были установлены средства стимулирования и строгие меры наказания школьников. К числу первых, например, относились награды и похвальные грамоты, выдаваемые директором. К числу вторых – замечания учителя, выговор перед классом, удаление из класса и т.д.

В 1940-е гг. стали больше, чем в довоенные годы, уделять внимание всеобщему обязательному начальному обучению (постановление ЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1930 г.). К апрелю 1941 г. всеобщее начальное и семилетнее обучение проводилось не только в городских, но и сельских школах республики. В результате охват семилетним обучением в школах составил 95,1%, а десятилетним обучением – 47,2%. Теперь срок постановления СНК УАССР от 2 марта 1940 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении в

сельской местности и семилетнем обучении в городах и рабочих поселках Удмуртской АССР» продлевался и распространялся на 1943/44 учебный год. С 1 сентября 1944 г. все первоклассники пошли учиться в начальные, неполные средние и средние школы с 7 лет, отчего количество учащихся возросло в несколько раз, а годичный разрыв детского сада и 1 класса школы был устранен. Наконец, организация обучения детей с 7 лет имела для государства огромное общественное, экономическое и культурное значение. Выпускники семилетней школы могли получить аттестат не к 15 годам, как ранее, а к 14 годам и сразу же поступить в ремесленные училища, школы ФЗО или начать работать на предприятиях и в колхозно-совхозном производстве.

Необходимо признать, что на протяжении всей войны, даже в самый трудный первый учебный год работа школ продолжалась, борьба за всеобуч не прекращалась. Хотя, план по всеобучу в конце войны было выполнять сложнее прежнего потому, что он был завышен, а условия выполнения не учитывались. К обычным причинам (отсутствие обуви и одежды, отсев учащихся за счет подростков, устроившихся работать на промышленные предприятия и в аграрный сектор, болезнь детей и т.д.) добавлялась причина уменьшения количества учащихся из-за реэвакуации воспитанников (уже со второй половины 1944 г. началось их массовое возвращение на родину в освобожденные районы). Поэтому нельзя исключать, что желание иметь высокие показатели по всеобучу приводило к завышению отметок, к искажению действительного положения вещей. Лишь с годами стало ясно, что выбранный правительством метод повышения качества образования был определен не верно. Социалистическое соревнование, механически перенесенное из производства в учебный процесс, вредно отражалось на качестве обучения и дисциплине в школе. Стараясь выполнить успеваемость на 100%, учителя нередко завышали отметки и не всегда объективно подходили к

оценке знаний учащихся. В результате приказом НКП РСФСР от 25 января 1944 г. была прекращена практика социалистического соревнования в школе²⁵⁰.

Известное место в организационно-педагогических мероприятиях 1943/44 учебного года заняло введение отдельного обучения мальчиков и девочек в школах областных, краевых городов, столичных центров автономных республик и крупных промышленных городов. Согласно постановлению СНК СССР от 16 июля 1943 г. мальчики и девочки неполных средних школ городов Ижевска и Глазова, позднее Воткинска и Сарапула обучались отдельно с 1 по 7 классы, а в средних школах с 1 по 10 классы²⁵¹. Во многих школах обучение осталось совместным (отдельное обучение мальчиков и девочек охватило лишь 1/5 всех школ страны)²⁵². Одним из аргументов в пользу отдельного обучения в общеобразовательной школе была озвучена необходимость совершенствования военно-физической и особенно допризывной подготовки, осуществлявшихся в старших классах. Среди других оснований назывались необходимость учета особенностей физиологического развития юношей и девушек, якобы требующих обеспечения различных условий организации их обучения и воспитания, а также целесообразность придания специфики в подготовке к практической деятельности как тех, так и других.

Сейчас по прошествии значительного времени, сложно оценить эффективность проводимого мероприятия, однако сам процесс реорганизации существовавшей системы школ вызвал немало трудностей: перестройка школьной сети, перераспределение контингентов учащихся, организация внутренней жизни школ и укомплектование их педагогическими кадрами. В мужских школах почти не оказалось мужчин среди учителей, что являлось не то что немаловажным, а недопустимым в воспитании мальчиков. В них падала дисциплина, возросло число детских правонарушений. В подобных школах

²⁵⁰ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. : сб. док. Вып. 2. / сост. Н. И. Болдырев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – С. 278.

²⁵¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1087. Л. 63; Д. 1560. Л. 125; Д. 1679. Лл. 13, 16; Д. 1684. Л. 88; Д. 1760. Л. 76.

²⁵² Писаренко И. С. Советское школьное право во Время Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / И. С. Писаренко. – Режим доступа : // <http://www.edacation.rekom.ru>. (Дата обращения: 08.10.2009).

приходилось работать с удвоенным напряжением. Свои проблемы, но в меньших масштабах, возникли и в школах, где обучались одни девочки. Существование таких школ, к великому сожалению, длилось до 1950-х гг.

В июне 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе». Для определения уровня успеваемости школьников, заканчивающих начальную и семилетнюю школы, вводилась обязательная сдача выпускных экзаменов. Именно эти мероприятия определяли качество преподавания предметов, правильный подход к составлению методических планов, усвоение знаний школьниками. Учителя прилагали максимум усилий, чтобы подтянуть в учебе отстающих детей. С этой целью были организованы дополнительные занятия по повторению пройденного материала²⁵³. После весенних выпускных экзаменов десятиклассникам вручались аттестаты, их также получили польские и литовские воспитанники. Аттестат зрелости давал им право поступить в техникумы и ВУЗы на равных условиях с другими абитуриентами. Учащиеся средней школы, показавшие при сдаче экзаменов на аттестат зрелости выдающиеся успехи и имевшие отличное поведение в течение учебного года, награждались золотыми и серебряными медалями. В этом же году была введена цифровая пятибалльная система оценки знаний школьников.

Постановлением НКП РСФСР от 10 июля 1944 г. «О переводе воспитанников дошкольных детдомов, достигших школьного возраста, в школьные дома» устанавливался перевод детей в июле месяце текущего года, а не в течение трех летних месяцев, как было ранее. Это проводилось с целью, чтобы дети смогли за летние месяцы адаптироваться и привыкнуть к новой обстановке, школьному режиму дня. В крайнем случае (когда не было возможности перевести из дошкольного в школьные детдома) разрешалось оставлять детей в некоторых дошкольных домах, реорганизуя их в смешанные детские дома.

²⁵³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1716. Л. 16; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945 гг. / зав. ред-ей Л.Ф. Декань. – М. : Политиздат, 1985. – С. 504.

Вышеперечисленные мероприятия оказали мобилизирующее влияние на школу и показали существующие недостатки в ее работе. К отрицательным причинам были отнесены: несовершенство учебных планов, программ и учебников; неудовлетворительное состояние учебно-материальной базы школ; недостаточный уровень квалификации и методической подготовки учителей; нерешенность ряда практических вопросов по укреплению дисциплины учащихся и повышению их ответственности в отношении к обучению. Все это, конечно же, не противоречило тому, что школа продолжала искать пути решения улучшения работы²⁵⁴.

Для организации педагогической и воспитательной деятельности воспитатели и учителя использовали особые направления работы с воспитанниками литовцами, поляками, евреями и удмуртами. Немаловажное значение при обучении иностранных ребятишек играло преподавание географии и истории своей страны и народов СССР, которому придавалось политическое значение. Особое внимание уделялось практике изучения русского языка. Так, Комитетом по делам польских детей в СССР было предусмотрено обучение русскому языку польских воспитанников со второго класса. Однако не все национальные школы страны этот план беспрекословно выполняли. Для иноязычных подростков в республике открывались национальные детские дома и интернаты.

Польские дети, знавшие польский и немецкий языки, в Каракулинском интернате обучались на русском языке. Отчасти потому, что первое время не было специалистов-предметников и учебников на родном языке, а позднее связано с выполнением плана Комитета по делам польских детей. Учителя разучивали с воспитанниками русский язык как иностранный, начиная с алфавита, занимаясь ежедневно до 12 часов ночи. Бесспорно, педагогам приходилось много работать (дополнительно, индивидуально и коллективно)

²⁵⁴ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. : сб. док. Вып. 2. / сост. Н. И. Болдырев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – С. 278, 279; Обухов А. П. Народное образование в Удмуртской АССР, 1917–1970 гг. / А. П. Обухов. – Ижевск : Удмуртия, 1972. – С. 74.

над фонетикой и орфографией, приучать детей правильно разговаривать, строить предложения. Дети общались на русском языке даже в интернате. Сам директор обращал на это пристальное внимание²⁵⁵. К весне 1942 г. интернатовцы научились говорить по-русски, стали лучше понимать речь учителей. Несмотря на то, что учащиеся первое время не понимали педагогов, не могли самостоятельно разобраться в учебном материале, успеваемость в классах оставалась высокой. Уже за первую четверть 1941/42 учебного года было выведено 15 отличников. Им были вручены благодарности и книги.

За успехи в учебе в первом полугодии 1941/42 учебного года 7 класс занял в школе первое место и получил переходящее Красное знамя. Второе место занял 6 класс, получив переходящее знамя пионерской организации. Классный руководитель 7 «в» класса в своей статье отмечала, «что за многолетнюю педагогическую практику впервые встретила такую настойчивость и упорство в учебе, проявленным всем классом, а не только отдельными учениками. Несмотря на лишения военных лет, дети с интересом изучали предметы и старались учиться только хорошо и отлично. Их не останавливали такие проблемы, как отсутствие тепла в помещениях, недостаточное количество учебников (по некоторым дисциплинам весь класс пользовался одним или двумя учебниками), частая смена преподавательского состава»²⁵⁶.

Из-за отсутствия школьных учебников, воспитанникам приходилось записывать урок со слов воспитателя, а педагогам готовиться к занятиям в библиотеке. Учителя сами изготавливали маленькие букварики для каждого первоклассника. Дети, изучив одни тексты, при чтении обменивались ими²⁵⁷. Фактически учебники на польском языке стали поступать от Комитета по делам польских детей лишь с середины 1943 г., но в Удмуртскую АССР они были

²⁵⁵ Кузнецов П. К. Культурная революция в УАССР, 1917–1958 гг. / П. К. Кузнецов. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – С. 347, 348.

²⁵⁶ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Лл. 40об, 41об–42об.

²⁵⁷ Карасене М. Ничто не забыто / М. Карасене // Сестры: рассказ о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 68.

доставлены к 1944 г. В тот же год в интернате были открыты кружок польского, белорусского и английского языков²⁵⁸.

Заботу о литовских детях проявляло литовское правительство, которое также контролировало образовательно-воспитательный процесс. За работой НКП РСФСР и его уполномоченных на местах следил уполномоченный СНК Литовской ССР. По его требованию из Москвы в другие регионы страны высылались газеты на литовском языке, за хорошую учебу отличники получали денежные премии.

В отличие от поляков, литовские учащиеся изучали школьные предметы на родном языке. Еще в школе при Шарканском детском доме для них были организованы литовские и еврейские классы. С переездом в с. Дебесы первое время (по ошибке директора детдома Л.Г. Павлова) 19 литовских учащихся обучались вместе с местными учениками на русском языке. Лишь, после того, как вопрос был взят под контроль НКП УАССР, в 1941 г. в детдоме было создано 5 национальных классов. Успеваемость детей в них составила 90,8%. Позднее в 1943 г. на базе Дебесского интерната была открыта неполная средняя литовская школа, директором которой был назначен К.М. Винслович. Приглашение на работу в Удмуртскую АССР, высланное К.М. Винсловичу, можно объяснить желанием литовского правительства поднять и укрепить уровень учебы и политического воспитания своих маленьких сограждан²⁵⁹. Под контролем уполномоченного СНК и НКП ЛССР был вопрос подборки национальных кадров: М. Растекайте (заслуженная артистка ЛССР), А. Щукене, С. Адомавичюте и др. В учреждении работало 4 литовца и 1 русский педагог, 3 литовца и 2 русских воспитателя. Учителя проводили в школе внеклассную работу, помогая отстающим учащимся. Дети любили читать не только на литовском, но и на русском языке, петь не только национальные, но и советские песни.

²⁵⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1585. Л. 48; Д. 1792. Л. 22.

²⁵⁹ Там же. Д. 1448. Л. 152; Д. 1453. Т. I. Л. 111; Д. 1454. Т. II. Лл. 8, 179об; Д. 1467. Л. 91.

Национальные удмуртские детдома, как правило, состояли из воспитанников удмуртов, воспитательно-образовательный процесс был организован на родном языке. Национальные педагогические кадры для школ готовили Глазовский пединститут, Ижевский, Глазовский, Новомултанский и Якшур-Бодьинский педагогические училища. Хотя встречались детские дома, в которых насчитывалось больше русских, чем удмуртских воспитанников, поэтому удмурты, как бы им не было тяжело, обучались на русском языке. Дети, попав в иноязычную языковую среду, безусловно, испытывали затруднения в учебе. Для того чтобы ликвидировать эти неудобства, многие учителя на своих уроках систематически повторяли пройденный материал со школьниками, использовали наглядные пособия (в военные годы, к сожалению, почти полностью прекратилось их издание), прививали учащимся навыки правильного письма. Положительным явлением, способствовавшим лучшему усвоению учащимися русского языка, было обязательное введение со второй половины 1943/44 учебного года в школьный курс предмет русского языка с 1 класса. С помощью учителей, воспитателей и русских школьников иноязычные учащиеся довольно быстро осваивали язык²⁶⁰.

Помимо национальных детдомов и интернатов в республике работали специальные военно-подготовительные школы. Здесь кроме обычной общеобразовательной программы, преподавались спецкурсы. Так, в Балезинской спецшколе изучали устав РККА и музыку, строевую подготовку и сдачу норм на оборонные значки. Для продуктивной работы в 1941 г. по линии НКО были приобретены духовые и струнные инструменты, специальная литература. Но плохое оборудование помещений, отсутствие наглядных пособий, недостаток учебников и учебно-письменных принадлежностей, двойная эвакуация, большая нагрузка воспитанников и недостаточное питание, несомненно, сказались на качественных показателях успеваемости детей. В первый военный учебный год для эффективности работы между Балезинской

²⁶⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Лл. 5, 22–23.

спецшколой и Одесской военно-музыкальной школой был заключен социалистический договор.

Воспитанники другой спецшколы ВВС № 4 города Сарапула также изучали специализированные предметы, а после сдачи выпускных экзаменов, могли продолжить обучение в гражданских учреждениях или авиационном училище (по распоряжению Управления ВУЗ ВВС Красной Армии)²⁶¹. Воспитанники обеих школ состояли в Осавиохиме и кружке Красного Креста.

Необходимо подчеркнуть особую роль отделов народного образования в организации учебно-воспитательного процесса детских учреждений. Уже через три дня с момента открытия Каракулинского интерната был установлен контакт в работе с районным отделом народного образования. Совместными усилиями оперативно был согласован вопрос укомплектования детей с 3 по 7 класс в отдельные польские классы, но учащиеся 1, 2, 8 и 9 классов продолжали ходить в общеобразовательную школу²⁶². Воткинский городской, Глазовский и Пычасский районные отделы народного образования активно проводили всеобуч. Благодаря их поддержке в городах и районах были созданы комиссии содействия всеобучу, оказана материальная поддержка малообеспеченным учащимся. В большинстве школах организовано дополнительное питание учеников в буфетах и детских столовых. Кроме того был выполнен план закупки учебников на 100%. За успешную работу вышеперечисленным отделам народного образования вручили премии в размере до 3000 рублей, а заведующим – в размере месячного оклада. Хотя встречались отделы народного образования, к примеру, Дебесский, Камбарский, Красногорский и Ярский, которые не оказывали должной поддержки эвакуированным детдомам, не обеспечили воспитанников в 1942/43 учебном году учебниками²⁶³.

На хорошие результаты детей в учебе влиял комплекс условий. Это не только обеспеченность учебными и письменными принадлежностями и внешние факторы (освещение, тепло), но и качество преподавания предметов,

²⁶¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1087. Л. 91; Д. 1454. Т. II. Лл. 10–11, 13.

²⁶² Дети из Литвы в Удмуртию / под ред. Н. А. Капустина // Архивы Урала. – 1996. – № 1. – С. 190, 191.

²⁶³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1564. Л. 254.

уровень образованности учителей и самих воспитанников. Как известно, война привела к сокращению численности педагогических кадров и как следствие недокомплектованности штатов. К примеру, в Кыйлудском интернате осенью 1941 г. 87 ребятишек находились под присмотром 2 воспитательниц и заведующей (врач по образованию). В Сосновском детдоме бюджетом 1943 г. было заложено 26 педагогических мест, фактически воспитанием 233 детей занималось 23 воспитателя. Возникший дефицит был вызван резким сокращением выпуска специалистов из педагогических учебных заведений, невостребованностью работы и мобилизацией значительной части учителей на фронт (как следствие, доля женщин в составе педагогического персонала возросла). Только за первое полугодие 1941/42 учебного года на смену ушедшим на фронт были назначены в срочном порядке новые директора, завучи и воспитатели Гольянского, Каменноключинского, Кокманского, Можгинского и Новозятцинского детдомов и интернатов. На руководящие посты детских учреждений стали выдвигать директоров школ, научных сотрудников исследовательских институтов и другую интеллигенцию, проживавшую до войны в республике. Так, в начале 1942 г. бывший директор школы № 24 г. Ижевска Е.М. Ульянова стал директором Озоно-Чепецкого детдома, инспектор Глазовского роно А.Н. Максимова – директором Глазовского детдома, директор школы № 38 г. Ижевска Соломенников* был назначен директором Шарканского детдома. Опытных учителей переводили, а коммунистов и беспартийных воинов из числа школьных сотрудников, вернувшихся с фронта по ранению, назначали на должность воспитателей²⁶⁴.

В мае и сентябре 1943 г. были опубликованы постановления СНК РСФСР и СССР («Об улучшении состояния детских домов» и «О повышении квалификации руководящего и воспитательского персонала детских домов»), направленные на улучшение подбора и подготовку руководящего и педагогического состава детских домов и интернатов. Теперь на должность

* Не удалось установить инициалы.

²⁶⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1579. Л. 108.

директоров и завучей назначались только лица, имевшие педагогическое образование и опыт работы с детьми не менее 3-х лет, а на должность воспитателей – выпускники с педагогическим или общесредним образованием. Кроме того, для них проводились пятнадцатидневные курсы повышения квалификации, где давали методику преподавания, знакомили с актуальными вопросами и опытом учебно-воспитательной работы лучших педагогических коллективов республики. Заведующие районными отделами народного образования предлагали кандидатуры воспитателей, после чего согласовывались в НКП УАССР²⁶⁵.

Немногие соглашались на педагогическую работу, так как заработная плата воспитателей была невелика. Были отмечены случаи, когда для привлечения на место инструктора, кандидату в 1941 г. была предложена заработная плата выше, чем у директора детского дома²⁶⁶. Доукомплектовать педагогический штат попробовали также за счет эвакуированных педагогов. Согласно статистическим данным 1942 г. около 20% учителей и воспитателей работали не по специальности. Со временем значительная их часть заняла свободные вакансии, но проблема окончательно не была решена. Отчасти за счет квалифицированных эвакуированных педагогов повысился общий уровень образованности учителей и воспитателей (в сравнении с довоенными годами) (прил. 2, табл. 7, 8).

Особенно сложно было сосредоточить квалифицированные национальные кадры в детских учреждениях для польских и литовских детей, изыскать их и направить на работу, а затем руководить ими и повышать их квалификацию. Это составляло задачу весьма нелегкую, учитывая условия военного времени, распыленность польского и литовского населения и недостаточный учет учительских кадров. К примеру, Комитет по делам польских детей в СССР для повышения квалификации учителей и воспитателей летом 1944 г. организовал в Москве и Самарканде курсы с охватом свыше 100

²⁶⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Лл. 48а, 49; Д. 1454. Т. II. Л. 47; Д. 1716. Лл. 24, 24а; Д. 1754. Л. 134.

²⁶⁶ Детский дом военного времени // Звезда. – 1995. – 9 февраля.

человек, а также ряд семинаров в областных центрах. В 1944/45 учебном году семинарами и курсами было охвачено 93 воспитателя. В помощь педагогам Комитет разослал ряд инструктивно-методических материалов. На республиканском уровне проводились совещания наркомпроса и заведующих отделами народного образования с директорами детских учреждений.

В сложившейся критической обстановке Совнарком РСФСР обязал НКП РСФСР постановлением от 24 марта 1942 г. «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений» ликвидировать и впредь не допускать проблем с педагогическими кадрами²⁶⁷. До конца 1942 г. постановление в автономной республике так и не было выполнено. Только в эвакуированных детдомах и интернатах не хватало 15 воспитателей, 11 человек требовалось заменить квалифицированными специалистами. В отчете одного из детских учреждений подчеркивалось: «Воспитатели со своими обязанностями не справляются, а заменить их нечем. Все эвакуированные педагоги уехали, вскоре на их место пришлось принять неквалифицированных сотрудников»²⁶⁸. Нестабильной ситуация оказалась и в 1944 г. (несмотря на то, что в республике проводились трехмесячные курсы по переподготовке воспитателей): «На работу в детские дома было направлено 26 выпускников педагогического училища, но, по-прежнему, не хватало 29 воспитателей, 13 человек требовалось заменить более квалифицированными»²⁶⁹. Следует признать, что в годы войны значительная часть учителей пришла на школьную работу, имея лишь курсовую подготовку или опыт работы, но с длительным перерывом. Анализ архивных материалов и документов свидетельствует о том, что эти работники зачастую не проходили педагогическую переподготовку, соответственно профессиональный уровень многих из них был ниже требуемого²⁷⁰. Все выше перечисленные факты отразились на некотором ослаблении руководства и качестве учебно-воспитательной работы.

²⁶⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Лл. 140, 141, 147; Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 57. Л. 63

²⁶⁸ Там же. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1579. Л. 107; Д. 1719. Л. 37.

²⁶⁹ Там же. Д. 1947. Л. 111а.

²⁷⁰ Кузнецов П. К. Культурная революция в УАССР, 1917–1958 гг. / П. К. Кузнецов. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – С. 352.

К вышеописанным проблемам прибавлялась высокая текучесть педагогических кадров: кто-то уходил сам, не выдержав напряжения духовных и физических сил, кто-то переходил на руководящую работу в партийные органы, некоторых увольняли за невыполнение должностных обязанностей. Кадровый вопрос попытались решить в 1943 г. за счет введения льгот и создания удовлетворительных жилищно-бытовых условий учителям (воспитателям) и их семьям. Была изменена система начислений заработной платы всем сотрудникам детских домов и школ (постановление СНК СССР от 30 ноября 1943 г.). В зависимости от стажа работы, образования и разряда зарплата учителя, воспитателя и инструктора по труду колебалась от 350 до 650 рублей в месяц. Зарботная плата была увеличена более чем на 50%. Изменилась и система начисления стажа, в частности, каждый год работы считался за два. Также был установлен порядок снабжения продуктами питания и промышленными товарами. По нормам снабжения хлебом учителя приравнивались к категории рабочих промышленности, транспорта и связи. Приказом НКТ СССР и Центросоюза СССР и РСФСР от 24 января 1943 г. для сельских и эвакуированных учителей, воспитателей были выделены товары широкого потребления. Внимание к работе педагогов также было привлечено решением союзного и республиканского правительства об изыскании наркомпросами возможности предоставить трудовые отпуска педагогам и другим работникам школ в период каникулярного времени (если они не были заняты на работе в учебном заведении или в сельском хозяйстве с учащимися)²⁷¹.

В годы войны как никогда ранее уделялось внимание вопросу повышения квалификации кадров народного образования. Хотя еще в 1941/42 учебном году наркомпрос УАССР не организовал курсы повышения квалификации и заочное обучение воспитателей, директоров. В то время как многие из них, не имея педагогического образования, пришли на смену ушедшим на фронт учителям и

²⁷¹ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны : ист.-пед. исслед. / С. А. Черник. – М. : Педагогика, 1984. – С. 50–51.

воспитателям. Лишь с 1943 г. было проведено ряд мероприятий. Вводились заочное педагогическое обучение и одномесячные или трехмесячные курсы воспитателей по программе НКП РСФСР, финансируемые за счет сэкономленных бюджетных средств (выделенные на просвещение) (постановление СНК СССР от 18 декабря 1943 г. «О мероприятиях по укреплению системы заочного педагогического образования»). Для директоров и завучей на базе лучших детских домов стали проводиться семинары.

Довольно широко наркомпрос РСФСР рекомендовал проведение кустовых, зональных и республиканских совещаний, как по общим, так и по конкретным вопросам. В автономной республике создание кустовых методических объединений было запланировано еще в 1941 г., но фактически удалось реализовать лишь в 1944 г. Тогда было организовано 8 кустовых методических объединений. На них воспитатели получали не только теоретическую консультацию, но и практическую помощь для проведения воспитательно-образовательного процесса детей на уроках в школе и стенах детдомов, интернатов. В итоге занятия с учащимися стали проходить живее и интереснее. Обучение продолжалось, несмотря на нехватку или полное отсутствие литературы, настольных игр и прочих методических разработок²⁷².

В начале 1944 г. Совнарком РСФСР утвердил типовое положение об институтах, наркомпросы республик в свою очередь в нормативно-правовых документах определяли порядок их деятельности. Так в Удмуртской АССР начал работать Республиканский институт усовершенствования учителей. В это же время были восстановлены районные педагогические кабинеты.

С помощью предпринятых мер, партия и правительство попытались приостановить частую смену кадрового состава, вернуть на педагогическую работу всех работающих не по специальности воспитателей и создать новые кадры. Однако, практика показала, что курсовая подготовка школьных учителей, получившая в военные годы довольно широкое распространение, не

²⁷² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1099. Л. 31; Д. 1419. Л. 147; Д. 1453. Т. I. Лл. 49а, 50; Д. 1580. Лл. 16, 20; Д. 1789. Л. 56; Д. 1792. Л. 47.

решила главного вопроса обеспечения педагогических коллективов квалифицированными специалистами, а наоборот, увеличила приток в школы слабоподготовленных кадров.

Многие директора, завучи, воспитатели и технический персонал детских домов и интернатов показывали образцы лучшей работы. Энергичный коллектив воспитателей Каракулинского интерната, среди которых были С.М. Певзнер, Б.П. Француз, А.Л. Рахленко, Ф.П. Златина, Я.С. Тобияш, З.А. Иванова, В.Н. Кузнецова отличались высоким уровнем образования и культуры. К работе подходили добросовестно, к порученному делу относились с полной ответственностью, по собственной инициативе работали без выходных дней и дополнительной оплаты. Они приложили немало усилий к созданию нормальных условий для развития, воспитания и обучения детей на неродном русском языке. С поставленной задачей педагоги справились блестяще²⁷³.

Другой эвакуированный Дебесский детдом возглавил опытный руководитель С. Свидерскис, а после его ухода на фронт – академик И. Крищунас. Коллектив воспитателей был организован из эвакуированных вместе с детьми литовцев. Это – учитель литовской литературы поэтесса В. Вальсунене, учитель конституции И. Лаукайтите, завуч Л. Карпавичене. Они отличались большой эрудицией, культурой и деликатностью. Как и в Каракулинском интернате здесь чувствовалась постоянная забота педагогов о состоянии здоровья и благополучии каждого ребенка.

Заведующая Сосновским (местным) детдомом З.А. Попова в первый военный учебный год сумела организовать хорошие условия для работы и жизни, как детского, так и педагогического коллектива. За умелое руководство ей была вручена благодарность Наркомпроса Удмуртской АССР. Завуч того же детдома К.В. Смелина вела за собой весь коллектив воспитателей, показывая пример в политической и методической работе. Ее успех был очевиден в общественно-политической жизни района (являлась депутатом Сосновского

²⁷³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Л. 43об; ЦДНИ УР. Ф. 92. Оп. 9. Д. 2. Л. 1.

сельского исполкома, членом ВЛКСМ), но для нее было почетнее признание коллег.

В 1941/42 учебном году смогли добиться лучшей успеваемости и дисциплины учащихся воспитатели и директора Ершовского (А.С. Дудорова имела 17-летний стаж работы), Ижевского (В.И. Инькова), Кокманского (Завалова*), Новозятцинского (Гостена*, Лошаков*), Новомултанского (А.Н. Потальцева), Нылгинского (В.И. Спичак) и Якшур-Бодьинского (М.М. Ерохина) детских домов.

Совершенно закономерно то, что успевающие в работе учителя и воспитатели являлись неплохими общественниками. Они регулярно организовывали помощь колхозам в уборке урожая, сена и хлебов, проводили занятия с колхозниками по противовоздушной и химической обороне, работали по сбору теплых вещей для Красной Армии, сами сдавали одежду и деньги, привлекая к этому, в том числе, своих воспитанников. К примеру, в Сосновском детдоме прошла организованно подписка на второй военный государственный заем, большинство воспитателей подписались на двухмесячную зарплату, меньшее количество – на трехмесячную зарплату²⁷⁴.

Родители в письмах выражали признательность добросовестным, инициативным директорам, завучам и воспитателям за внимательное отношение к детям, изредка высылая в знак благодарности посылки. В 1942 г. заведующая Нылгинского детского интерната (В.И. Спичак) получила благодарность от родителей через районную печать. Воспитатели и дети Каракулинского интерната, приняв однажды деньги от земляков- фронтовиков из Белорусской ССР, сдали их на строительство танков. За проявленную инициативу интернату была вручена от Верховного Главнокомандующего вооруженными силами И.В. Сталина благодарственная телеграмма. Другие детские дома, эвакуированные из городов Мурманска и Кировска, получили

* Не удалось установить инициалы.

²⁷⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. 1. Лл. 49, 49а; Д. 1585. Л. 107а.

продуктовые подарки (рыбу, кондитерские изделия), а Нылгинский детский интернат принял полный комплект электрооборудования.

Бесспорно и то, что в педагогической работе встречались безответственные руководители, которые не стремились улучшить жизнь и обучение детей в детских учреждениях. Например, директор эвакуированного Шарканского детдома Л.Г. Павлов в 1942 г. не смог организовать педагогическую работу, отчего снизилась успеваемость и ухудшилась дисциплина литовских школьников. В детдоме были зафиксированы случаи воровства и хулиганства: мальчики избивали девочек, воспитанники воровали продукты из кладовой, выхватывали хлеб из рук воспитателей, когда те несли его на ужин всем детям. Как правило, среди дезорганизаторов были воспитанники, переведенные из других местных детских домов республики²⁷⁵. За невыполнение обязанностей директор был уволен, как и завуч Кокманского детского дома. В 1941/42 учебном году завуч Ворошилова*, по мнению отдела народного образования, не смогла организовать методическую и учебно-воспитательную работу в Кокманском детдоме. Это привело к тому, что двое воспитателей общались с детьми в грубой форме, выходили на работу неподготовленными, без плана.

В этом же году низкие показатели успеваемости учащихся были отмечены в Глазовском (47% – у Соковицкой*, 50% – у Сычевой*), Люмском (64% – у Кукушкиной*) и Мостовинском (68% – у Юшковой*) детских домах. Воспитатели этих детдомов получили выговор, их взяли под особый контроль, в противном случае могли уволить. Некорректность в общении с детьми, применение грубой физической силы директором А.П. Прудниковым и завучем Потемкиной* Староятчинского детского дома было обнаружено сотрудниками управления детскими домами НКП УАССР. Было возбуждено уголовное дело и передано в суд. В итоге они получили по три года условных²⁷⁶.

²⁷⁵ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3589. Лл. 53–56об.

* Не удалось установить инициалы.

²⁷⁶ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Лл. 48, 49, 49а.

Чтобы не допускать подобных случаев правительством был выработан нормативно-правовой акт «Об укреплении дисциплины в школе», который распространялся на все детские воспитательно-образовательные учреждения. Согласно ему педагоги должны были проводить систематическую работу по внедрению в жизнь «Правил для учащихся», умело сочетать методы убеждения с непременным требованием выполнения ими установленных правил и порядка в школе и вне ее, установив меры поощрения и наказания, не превышая своих полномочий²⁷⁷.

В показательно-образцовых детских учреждениях учебный процесс проходил под пристальным контролем директоров, как следствие в них работали ответственные воспитатели. К таким руководителям следует отнести В.И. Инькову (местного детдома), Л.М. Фрадкову, А.Н. Потальцеву, М.М. Соколову, М.Ф. Чириманову, С.М. Певзнера, З.Н. Жданову, В.И. Спичак (эвакуированных детдомов и интернатов). В апреле 1945 г. постановлением СНК УАССР эти директора были награждены премиями (до 300 рублей на человека из промтоварных фондов Наркомата просвещения УАССР). Хотя большим признанием для них была любовь детей и возможность продолжить трудовую деятельность в своих учреждениях²⁷⁸. Показателями неуспевающих детских домов и интернатов являлись побегі воспитанников, непосещение школы, самоубийства и убийства, изнасилования, грабежи и прочие нарушения. Более того, подростки, выпускавшиеся из подобных детских учреждений, были неприспособлены к самостоятельной жизни. Такие воспитанники легко уходили с работы, часто ее меняя.

В условиях войны школа должна была стать трудовой, поэтому физической работе воспитанников придавалось огромное значение. В рамках производственных мастерских они приобретали профессиональные навыки и создавали реальную продукцию, нужную фронту и тылу (это же помогало им осознать свою значимость и повысить самооценку). Мастерские являлись

²⁷⁷ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. : сб. док. Вып. 2. / сост. Н. И. Болдырев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – С. 280, 281.

²⁷⁸ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1446. Л. 1; Д. 1903. Л. 36.

одним из средств осуществления всеобуча, они же обеспечивали работой воспитанников без отрыва от учебы. Каждый подросток к моменту выпуска из детдома должен был приобрести квалификацию в мастерских, с тем расчетом, чтобы смог на любом промышленном предприятии заменить мастера. Нужно признать, что трудовое обучение в нашей республике проводилось неудовлетворительно. Так, в 1941/42 учебном году в мастерских обучалось 294 детдомовца, в то время как детей, подлежащих охвату трудовым обучением старше 12 лет, насчитывались не менее 1752 человек (почти в 8 раз больше).

Все мастерские не отвечали техническим требованиям, напоминая скорее тип кустарных мастерских. Они располагались (за исключением Шарканского детдома) в непригодных помещениях: низких и тесных комнатах, плохо освещенных. Материалы и сырье (столярные ключи, наждачные шкурки, железо и т.д.) приобретались редко. В помощь мастерским наркомпрос рекомендовал предусмотреть в госплане Удмуртской АССР и выделить для работы детей отходы местной и союзной промышленности: пиломатериалы, лоскуты мануфактуры и кожи, бумажные обрезки, железные и жестяные обрезки, отходы от стежки (вата, кудель). В мастерских также не хватало инструкторов, а уровень подготовки работающих был невысок (многие из них не владели методикой преподавания и не знали технологию использования некоторых материалов). К недостаткам в работе мастерских, в том числе, можно отнести отсутствие единой системы обучения, твердых программ и норм выработки. При подобных обстоятельствах требовалось включать в план работы райместпромов шефство над мастерскими детдомов и интернатов: предоставлять мастеров, планировать работу, обеспечивать сырьем²⁷⁹.

Некоторые мастерские детских домов и интернатов были прикреплены к артелям, ремесленным училищам и школам ФЗО, расположенных в одном районе. Отсюда вытекала взаимная поддержка в работе между дирекцией двух учебных заведений, уточнение содержания трудового обучения в соответствии с профилем, выбранных училищ и школ. Более того, по возможности

²⁷⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Л. 48; Д. 1947. Л. 107.

ремесленные училища и школы ФЗО оказывали помощь учебными и наглядными пособиями, а также помогали проводить ремонт оборудования мастерских детдомов и интернатов. По договоренности директоров детдомовцы могли устроиться на практическое обучение в местные артели. Так, воспитанники Сосновского детдома были определены в сапожную мастерскую артели «Комсомолец», где они научились подшивать валенки²⁸⁰. Важнейшим элементом системы трудового воспитания и политехнического обучения в советской школе были экскурсии школьников на промышленное и сельскохозяйственное производство, в ремесленные и железнодорожные училища, школы ФЗО.

После выпускных экзаменов перед администрацией детдомов и интернатов поднимался вопрос трудоустройства подростков. В первый выпускной 1941/42 учебный год в республике было трудоустроено лишь 438 выпускников, но уже летом 1943 г. планировалось трудоустроить 1000 бывших воспитанников. План трудоустройства зачастую не выполнялся и встречались случаи, когда выпускники оставались жить в детских домах и интернатах до шестнадцатилетия²⁸¹.

Согласно приказу Народного комиссара просвещения РСФСР от 23 июня 1941 г. детским домам отводилась особая роль в системе подготовки трудовых резервов. Всем заведующим отделами народного образования предписывалось направлять воспитанников детских домов, достигших 14-летнего возраста, и воспитанниц, достигших 15-летнего возраста, при наличии у них образования в объеме начальной школы и выше, в ремесленные и железнодорожные училища, а воспитанников, достигших 16-летнего возраста, в школы ФЗО. Некоторых из них трудоустраивали на предприятия, в мастерские, артели или колхозы, уже с 1944 г. трудоустройству подлежали подростки старше 14 лет. Наркомат просвещения Удмуртской АССР и директора детских учреждений следили за исполнением трудового режима и дисциплины подростков на работе,

²⁸⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1796. Л. 53.

²⁸¹ Там же. Д. 1454. Т. I. Л. 25; Д. 1716. Л. 17; Д. 1794, Л. 59; Д. 1947. Л. 107а.

наблюдали за их жилищно-бытовыми условиями, обеспечивая жилплощадью и единовременной выдачей верхнего и нижнего белья, обуви, пальто, теплых головных уборов. При трудоустройстве подростков на производство учитывалась их профессиональная подготовка.

Профессионально-технические учреждения обеспечивали в значительной мере потребности предприятий в обученных рабочих, в замене специалистов, ушедших на фронт, в быстром развитии отраслевого производства. Несмотря на тяжелые условия, вызванные военным временем, в работу училищ и школ вносились изменения. В 1942 г. им стали давать специализированное направление: были созданы ремесленные училища и школы ФЗО энергетиков, металлургов, строителей металлургических заводов и т.д.²⁸² Несмотря на изменения и усовершенствования в сфере средне-специального образования, самовольный уход учащихся принял массовый характер. К примеру, в 1941 г. школы ФЗО и ремесленные училища в четырех районах республики перестали посещать 717 студентов. Это было связано с тем, что представители сельсоветов и председатели колхозов, не исполняя советское законодательство, намеренно обращались в учебные заведения с просьбой направить в совхозы и колхозы рабочую силу. За нарушение закона от 28 декабря 1941 г. уголовную ответственность в первую очередь несли непослушные студенты, так как они, будучи учащимися школ ФЗО и ремесленных училищ, являлись мобилизованными и находились на полном государственном обеспечении²⁸³.

Позднее были внесены формальные изменения – постановлением ЦК ВКП(б) от 26 февраля 1942 г. «О сохранении контингента учащихся старших классов средней школы» учащиеся 8–10 классов средних школ освобождались от призыва в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. С 1 сентября постановлением СНК СССР от 15 июля 1943 г. была сформирована и начала работать сеть школ рабочей молодежи – новый тип общеобразовательной школы, предназначавшейся для продолжения

²⁸² Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941– 1945 гг. / под ред. И. А. Гладкова. – М. : Наука, 1970. – С. 450–451.

²⁸³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1422. Л. 187

образования подростками, занятыми трудом в промышленном производстве. С 1 ноября 1944 г. начали работать школы сельской молодежи, созданные согласно постановлению СНК СССР от 6 июля 1944 г. Обучение в вечерних школах проходило без отрыва от производства. Учебно-методическое руководство средне-специальным образованием с июля 1943 г. осуществлял Комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Отчасти все по той же причине – нехватка рабочих рук в аграрном и промышленном секторах – меньший процент выпускников решал продолжать обучение в высших учебных заведениях. Хотя большая часть выпускников эвакуированного Каракулинского интерната и Дебесского детского дома получила высшее или среднее специальное образование (прил. 5, 6).

Таким образом, можно условно говорить о двух этапах в работе школ, которые различаются направленностью и существом самих мероприятий (здесь можно согласиться с периодизацией, предложенной С.А. Черником)²⁸⁴. На первом этапе (1941–1943 гг.) принимались меры, направленные на борьбу против возникавших трудностей и недостатков, за сохранение существовавшей школы и прежней системы народного образования. Особенностью второго этапа (1943–1945 гг.) явились меры по организационно-педагогическому укреплению школы, повышению качества всей учебно-воспитательной работы, укреплению дисциплины и порядка среди учащихся. Выделение названных периодов может быть принято лишь как условное, но оно позволяет лучше видеть отличительные черты (характер и направленность) как первого, так и второго периода. Оба периода взаимосвязаны, а комплекс организационно-практических мероприятий, осуществляемых в 1941–1943 гг., самым непосредственным образом подготовил уровень учебно-воспитательной работы в 1943–1945 гг.

Кроме того, стоит подчеркнуть, что отличительной чертой деятельности партийных и советских директивных органов по руководству народным

²⁸⁴ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны : ист.-пед. исслед. / С. А. Черник. – М. : Педагогика, 1984. – С. 153.

образованием была устремлена не только на настоящее, но и будущее школы. Это положение, к примеру, подтверждается тем, что советское руководство сразу же после изгнания немецких войск создавало новую сеть школьных учреждений на освобожденных территориях. Нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин неоднократно подчеркивал, что с каждым годом работа школ улучшалась, во многом благодаря верно найденным подходам и неуклонным выполнением постановлений на местах.

В то время осуществлялись важные правительственные мероприятия, направленные на упорядочение школьной системы, ее дальнейшее улучшение и развитие. Уже к 1943/44 учебному году перед учителями и органами народного образования были поставлены задачи на достижение результатов по улучшению качества обучения и воспитания. Тогда и были введены «Правила для учащихся», ученический билет, отдельное обучение мальчиков и девочек в школах и выпускные экзамены. Установлена цифровая пятибалльная система, улучшен контроль за работой школ и учителей и поставлен учет знаний учащихся, упорядочено поведение учеников вне школы (в частности урегулировано посещение школьниками кино, театров и других культурных мероприятий), отменено социалистическое соревнование в школе и организована работа по повышению квалификации педагогов.

Проведение школьных реформ именно на втором этапе было обусловлено возросшими государственными расходами на просвещение. Так, в 1941 г. бюджет составил всего 15,5 млрд. руб., в 1942 г. – 10,4 млрд. руб., но с 1943 г. увеличился до 13,2 млрд. руб., в 1944 г. до 20,7 млрд. руб., а в 1945 г. до 26,4 млрд. руб.²⁸⁵ Особенно тяжелым был первый военный учебный год. Перевод многих школ и учащихся из угрожавших в тыловые районы требовал больших усилий органов народного образования, воспитателей и учителей. Особенность состояла в том, что при подготовке к новому учебному году, контингент детей,

²⁸⁵ Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] : стат. сб. – Режим доступа : <http://www.tashv.nm.ru/StatSbornikVOV/StSbVOV25.html>. (Дата обращения: 16.04.2010).

подлежащих обучению, с трудом поддавался учету в связи с их большой подвижностью. Поэтому полностью перестроить учебный процесс удалось не сразу. Приоритетом оставалось выполнение закона о всеобуче, совершенствование школьного дела, установление сменных занятий, организация систематических консультаций учащимся и т.д. Не секрет, что в непосредственной зависимости от выполнения всеобуча находилась подготовка кадров для народного хозяйства и бесперебойное пополнение рядов Красной Армии учащимися.

В проблему гигантской сложности превратилось материально-техническое обеспечение школы. Требовалось не только организовать систематическое снабжение школ топливом и различными хозяйственными материалами, но и обеспечить, хотя бы минимальную их потребность в бумаге, письменных принадлежностях, наглядных пособиях, учебниках и т.д. Особенно остро ощущалась нехватка ручек, карандашей, бумаги, учебников на первом этапе войны, когда все производство страны работало на оборону (даже предприятия Главучтехпрома). Хотя школы, по-прежнему, получали целевые ассигнования и фонды. Ситуация изменилась в 1943 г., когда Наркомпросу РСФСР стали оказывать помощь военные наркоматы и ведомства, было увеличено производство школьной продукции, в том числе и предприятиями Главучтехпрома (в результате напечатаны учебные пособия на сумму 11172 тыс. руб. и военно-учебные пособия на 3727,9 тыс. руб.). Кроме того, все военные годы педагоги и сотрудники отделов народного образования руководствовались постановлением Наркомпроса РСФСР от 1942 г. В нем прописывалось наркомам автономных республик, краевым, областным отделам народного образования принять меры к максимальному использованию имеющихся учебно-наглядных пособий, организации их производства на местах и к созданию пособий воспитанниками.

В условиях войны были пересмотрены и скорректированы учебные планы и программы с учетом сложившихся контингентов учащихся и конкретных условий работы. Временно прекращалось преподавание пения, рисования,

черчения, основ дарвинизма, вводилась военная подготовка по 110-часовой программе всеобуча для юношей и санитарная подготовка для девочек. В содержании воспитательной работы были смещены акценты с классовых идей на патриотические. Например, в преподавании истории обращалось внимание на героическое прошлое нашей страны, их борьбу за независимость против иноземных захватчиков. На уроках русского языка и литературы широко использовались тексты о войне, о подвигах советского народа на фронте и в тылу. В сознание детей вводились понятия «ненависть к врагу» и «готовность к самопожертвованию».

Таким образом, следует подчеркнуть, что НКП УАССР не только определял школам учебную программу, но и систематически контролировал и направлял эту работу. Учебные программы в детдомах и интернатах ежегодно выполнялись по всем дисциплинам (за исключением арифметики и русского языка). Успеваемость школьников была не ниже, чем в довоенные годы, а иногда даже выше (нередко за счет завышенных оценок в борьбе за лучшее выполнение социалистических соревнований между отдельными школами и районами). Независимо оттого, что война принесла большие разрушения учебно-материальной базе школы, многочисленные трудности и лишения, развитие школы продолжалось.

§ 2. Основные принципы воспитания в интернатах и детских домах в годы Великой Отечественной войны

Воспитательный процесс в детских интернатных учреждениях в годы войны был основан на социалистических принципах, заложенных в советскую педагогику с двадцатых годов XX в. Они, как и прежде, были направлены на формирование советского гражданина – строителя коммунистического общества. Правда, акцент был смещен на убеждение подрастающего поколения в победе советского народа над фашистами. Проводниками воспитания были

все те же пионерские и комсомольские организации. Воспитательная работа проводилась согласно режиму дня, который приучал воспитанников к организованности и развивал у них стремление к общественной работе (прил. 3, рис. 3, 4).

Советский патриотизм, интернационализм и коммунистическая идейность формировали у детей представления в правильности идеалов социалистического общества, противостоящего грозному противнику. В годы войны перед педагогами была поставлена задача: усилить воспитание патриотизма и интернационального единства среди подрастающего поколения. Учителя и воспитатели проводили политико-массовую работу, закладывая в сознание учащихся уверенность в победе советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и беззаветную преданность родине. Эти идеи были квинтэссенцией воспитательных бесед с детьми, посвященных таким темам как «Героическое прошлое нашей Родины», «Сила советского патриотизма», «Великие предки нашей страны» и др.

Формами политического воспитания детей являлись беседы, доклады, диспуты, чтение газет, журналов и художественной литературы. Ежедневно зачитывались сведения ТАСС о международном положении, заслушивались сводки советского Информбюро. Из газет (центральных – «Комсомольская правда» и «Пионерская правда», республиканских – «Удмуртская правда», «Известия», т.д. и районных), журналов («Крокодил», «Огонек» и др.) и книг дети узнавали о подвигах исторических героев и солдат Красной Армии. Политическое воспитание и военная действительность откладывали отпечаток на восприятие детей, что также проявлялось в творческих работах. Подростки писали рассказы, оформляли стенгазеты, ставили сценки, слагали частушки. К примеру, одна из частушек, написанная учеником 3 класса Алнашского детского дома:

«Едет, едет командир с красными войсками,
Всех мы немцев перебьем

В Белоруссию жить поедем»²⁸⁶.

Часто проводились вечера, посвященные героическим победам Советской армии на фронтах, политинформации, материал которых закреплялся разгадыванием кроссвордов и участием детей в викторинах. Широко практиковались переписка воспитанников с воинскими частями и встречи с солдатами Красной Армии. В результате целенаправленной пропаганды и идеологической работы органов советской власти уже в первый учебный военный год было видно, как улучшилась политико-воспитательная работа в детских домах и интернатах, возросла политическая сознательность и ответственность детей. Более того, детдомовцы-пионеры начали самостоятельно проводить политическую работу среди населения²⁸⁷.

Любовь к Родине была тесно связана с укреплением дружбы между народами СССР и одновременно с развитием у советских людей уважения к другим нациям. Этот тезис не голословен, он хорошо документирован. В детдомах местные дети жили дружно вместе с эвакуированными литовцами, евреями и поляками. Архивные источники не зафиксировали ни одного конфликта между ними. Сложнее приходилось воспитателям работать с группой эвакуированных воспитанников. Первое время в Шарканском детдоме между литовцами и евреями были замечены частые драки и недружелюбное отношение литовцев к русскому ученику. Это можно объяснить тем, что дети воспитывались на родине в условиях большой национальной розни и неприязни. Для того чтобы помирить и сплотить детей, воспитатели использовали разные методы работы: вечера дружбы, лекции историков на тему «Дружба народов СССР», индивидуальные беседы. И это помогло. Через некоторое время воспитанники данного детдома стали жить дружнее²⁸⁸.

Молодым людям прививалось бережное отношение к вещам. Для содержания детей в государственных учреждениях была создана огромная материальная база (обувь, белье, оборудование, мебель и т.д.), в расходовании

²⁸⁶ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1582. Л. 167.

²⁸⁷ Там же. Д. 1564. Л. 152.

²⁸⁸ Там же. Д. 1716. Лл. 44, 44а, 45а.

которой требовались, как никогда, экономия и бережливость. Встречались случаи бесхозяйственности, небрежного хранения имущества, отсутствия учета и повседневного контроля за его состоянием в детских домах и интернатах, что в свою очередь приводило к быстрому изнашиванию вещей, потерям и хищениям. Для устранения причин утраты вещей воспитатели проводили с детьми инструктаж о сохранности собственных вещей, а подростки должны были осознать, что вопрос экономичного расходования и бережного хранения материальных ценностей в условиях военного времени приобрел государственное значение. Аккуратность требовалась во всем²⁸⁹.

Воспитание детей в коллективе – основа всей советской воспитательной системы, так как коллективный принцип вытекал из самой природы социалистического общества. Ведущие советские педагоги Н.К. Крупская и А.С. Макаренко считали, что успешно решить задачи коммунистического воспитания невозможно без организации дружных детских коллективов, включенных в окружающую жизнь. В коллективе личность раскрывает свои способности и таланты, привнося в жизнь новое и интересное. Именно поэтому детям предоставлялись огромные возможности проявлять инициативу через детские организации, отвечающие их запросам, интересам и наклонностям. Немаловажную роль в этом играли пионерские и комсомольские отряды, которые занимали ведущие позиции в жизни детских домов, под их контролем находилась вся внешкольная работа.

В военные годы содержание, формы и методы воспитательной работы в детских домах, школах и пионерских организациях были схожи. В них применялись такие формы и методы, как упражнения и игры, беседы и диспуты, экскурсии и вечера, кружки и клубы, выставки и олимпиады, соревнования и т.д. Исключение, может быть, представляют лишь отдельные традиционные формы вроде пионерских сборов, посвященных, например, датам Красного календаря, автобиографиям вождей, успеваемости пионеров. К примеру, в 1941 г. в Люмском детдоме пионерской организацией был удачно

²⁸⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1447. Л. 111.

проведен сбор «Дружба народов всех национальностей», посвященный Конституции 1936 г. На нем школьники-удмурты выступили на родном языке. Другой запоминающийся сбор, проведенный в 1944 г., был посвящен смотру технического творчества юных пионеров, целью которого было привлечение подростков к общественно-полезному труду и расширению знаний, практических умений и навыков в той или иной области науки и техники. Перед воспитанниками были поставлены задачи: изготовить военно-спортивный инвентарь, наглядные пособия и другие необходимые вещи. Пионеры своими руками смастерили игрушки для детских садов, подарки для детей из освобожденных районов.

Интерес, игра, романтика, опора на положительное и проявление индивидуальности через коллектив – вот главные составляющие успеха пионерской организации. Она вовлекала в свои ряды абсолютное большинство учащихся. Так, в качестве иллюстрации данного положения можно привести 100% охват воспитанников Ершовского детского дома пионерской организацией: в 1943 г. из 88 детдомовцев 40 детей были пионерами и 48 октябрятами²⁹⁰. Основа пионерской организации – пионерская дружина, состоящая из отрядов. Отряды делились на звенья. Все пионерские коллективы возглавлялись выборными советами, председателями советов, звеньевыми. Таким образом, видно, что пионерская организация являлась организацией самих детей, а не для детей, она носила самостоятельный характер. Каждый из пионеров старался строго придерживаться закона пионеров – своеобразных моральных норм, так как сами по себе законы привлекательнее и романтичнее строгих правил. Законы юных пионеров состояли из следующих положений:

1. Пионер прилежно учится, дисциплинирован и вежлив.
2. Пионер любит трудиться и бережет народное добро.
3. Пионер – хороший товарищ, заботиться о младших, помогает старшим.
4. Пионер растет смелым и не боится трудностей.

²⁹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1721. Л. 93.

5. Пионер говорит правду, он дорожит честью своего отряда.

6. Пионер – всем ребятам пример.

С пионеров и комсомольцев брали пример другие воспитанники. Как правило, успеваемость и дисциплина была выше в тех детских учреждениях, где большинство детей состояли в пионерской и комсомольской организациях. В 1941/42 учебном году в республиканских детдомах и интернатах числилось 1670 пионеров и 85 комсомольцев, что составляло около 53% от общего количества воспитанников школьного возраста. Они помогали сверстникам, отстающим в учебе. Лучшие комсомольцы работали вожатыми в пионерских отрядах. Хотя в некоторых детских домах, например, Светлянском, Тыловайском и Шарканском, пионерская работа так и не была организована. Для детдомов не хватало вожатых, а со стороны райкома комсомола не контролировалась должным образом работа на местах²⁹¹. К концу войны ситуация практически не изменилась: количество учащихся, вовлеченных в детские организации, по-прежнему, оставалось низким, не все директора домов и интернатов уделяли должное внимание вопросам формирования пионерского и комсомольского движения.

В детских домах, до создания пионерской и комсомольской организаций, была установлена система детского самоуправления. В работе домов и интернатов активное участие принимали сами воспитанники. При этом огромную помощь воспитателям оказывал детский совет (5–11 воспитанников), избиравшийся на общем собрании из детей не младше 10 лет. Его членами могли стать активисты, лучшие в учебе и поведении учащиеся. Директор детского дома или интерната, его заместитель по воспитательной работе и пионервожатый входили в состав детского совета с правом решающего голоса. На собраниях, которые, как правило, проводились два раза в месяц, обсуждались жизненно важные вопросы. При совете было создано несколько комиссий: санитарно-бытовая, культурно-просветительская, учебно-трудовая и

²⁹¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1444. Л. 141; Д. 1453. Т. I. Л. 47об; Д. 1583. Л. 61; Д. 1716. Л. 4; Д. 1947. Л. 109.

редколлегия стенной газеты. Исполнительным органом самоуправления являлся комитет детского совета, избиравшийся на один месяц.

Члены детского комитета следили за хозяйственной работой учреждения, его санитарным состоянием, организовывали трудовую деятельность воспитанников. Режим и быт детского дома выдерживались типовым положением – распорядком дня (к примеру, воспитанникам школьного возраста на полноценный отдых отводилось 3–4 часа в день и не менее 9 часов сна), в который, тем не менее, вносились изменения.

Известно, что дисциплина особенно крепнет в организованном и вежливом коллективе. Воспитатели личным примером показывали этикет и культуру общения. Они же организовывали общественную жизнь детей, полную содержания и творческой деятельности. Воздействие на ребенка осуществлялось с помощью самих членов детского коллектива и его актива. Дисциплина детей контролировалась (хотя не во всех учреждениях) через вовлечение подростков с 11 лет в отряды пионеров, а с 14 лет – в ячейки РКСМ, также мерами наказания (выговор перед строем, лишение сладких блюд, запрет прогулок и т.д.) и поощрения (вручение благодарности, поручение ответственной работы, разрешение разных видов отдыха – прогулки, поход в кино и т.д.).

Детские советы и комиссии, создававшиеся при каждом интернате и детдоме, оказывали помощь воспитателям в проведении массовых политических мероприятий, следили за дисциплиной детей и учебно-трудовым процессом, помогали прививать бережное отношение к социалистической собственности и улучшать санитарное состояние учреждений. Воспитанники-отличники, опираясь на пример образцовых учреждений (Алнашского, Глазовского, Зуринского, Каракулинского) по итогам работы в 1941 г., во многих школах стали оказывать помощь отстающим учащимся.

Выросло значение домашнего хозяйственного труда детей. Гораздо больше, чем раньше, детдомовцы осознанно помогали готовить пищу, убирать помещение, двор, носить воду, стирать, колоть дрова, заниматься мелким

ремонт помещений и хозяйственных вещей, ухаживать за скотиной, работать на подсобном хозяйстве. Но, несмотря на это, работа все еще полностью не отвечала задачам, продиктованным военным временем. В некоторых детских коллективах отмечалось пренебрежительное отношение к государственному имуществу, грубость в общении и отсутствие духа соревнования в учебе и труде. Имели место воровство, табакокурение, нецензурная брань и вредительство. В сентябре–декабре 1941 г. в таких детских домах как Байвальский, Кокманский и Шарканский прекратили свою работу детские советы, соответственно общественно-трудовая деятельность воспитанников перестала ими контролироваться²⁹².

Особенное внимание в советской школе, детских домах и интернатах в годы войны уделялось вопросам трудового воспитания и профессионально-трудового обучения. Главной осью педагогической работы в детдоме стал детский физический труд. Через труд воспитанникам прививался определенный круг знаний, умений и навыков естествоведческого и технического характера. Дети участвовали в самообслуживании, ремесленном и производственном обучении в мастерских (шили, плели, занимались столярным, слесарным, кузнечным и сапожным делом), работали на подсобном хозяйстве, в аграрном и промышленном секторах республики. Труд в детдоме имел не только разностороннее воспитательное и образовательное значение, но и сплачивал детский коллектив, давал возможность воспитателям лучше узнать каждого ребенка, что в целом способствовало улучшению работы детского учреждения.

В труде у подростков, прежде всего, выработывалась привычка систематически и слаженно работать в коллективе и организованно оказывать взаимную помощь. Вместе с тем в детях через трудовой процесс прививалось бережное и хозяйственное отношение к вещам и предметам быта. В труде также воспитывались и развивались определенные нравственные качества и умственные способности каждого ребенка: дисциплинированность, активность и инициативность, познавательные интересы, воображение, техническое

²⁹² ЦГА УР. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 155. Л. 6; Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Л. 48; Д. 1721. Лл. 92об, 212об–213об.

мышление и творчество, формировался характер, выявлялась воля и умение подчиняться порядку, диктуемому трудовой обстановкой, а также стремление закончить начатое дело. Кроме того, труд являлся одним из средств эмоционального воспитания и развития художественного вкуса.

Воспитательное значение труда особенно проявлялось, когда дети видели серьезное отношение к своей работе со стороны взрослых, выражавшееся в точном определении выработки и в систематическом учете выполнения установленных норм. Ведущие идеи системы трудового воспитания были различными: для детей 7–11 лет были предусмотрены разносторонние работы, а для подростков 12–14 лет в основу труда закладывалось изучение будущей профессии. Выпускники получили соответствующие знания и квалификацию не ниже 3-го разряда тарифной сетки. Поэтому между обеими возрастными группами соотношения умений и навыков существенно различались. В годы Великой Отечественной войны труд младших воспитанников исключался в сельском хозяйстве, они занимались санитарно-гигиеническим обслуживанием детского учреждения, учились шить и вязать, конструировать из бумаги, дерева и металла. Старшеклассники участвовали в общественно-полезном труде и самообслуживании, получали знания в области сельского хозяйства на полях колхозов и собственном приусадебном хозяйстве, в мастерских.

В связи с резким уменьшением числа занятых в аграрном секторе в годы войны советских граждан возникла необходимость привлекать к сельскохозяйственному труду учащихся старших классов средних школ, техникумов и студентов высших учебных заведений в наиболее напряженные периоды работ. Соответственно на республиканском уровне было принято постановление СНК УАССР от 8 августа 1941 г. «О привлечении учащихся 7–10 классов неполных средних и средних школ к сельскохозяйственным работам» с 8 по 25 августа в количестве 3000 человек. Позднее было обнародовано постановление Совнаркома СССР от 13 апреля 1942 г. и приказ НКП РСФСР от 28 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного

населения городов и сельской местности». Между школьными отрядами и правлениями колхозов и совхозов заключались трудовые договоры. Мобилизация касалась учащихся 6–10 классов, ответственность за выполнение постановлений возлагалась на исполкомы местных советов, заведующих отделами народного образования и директоров школ, детдомов. Группы школьников (отдельно мальчиков и девочек), направляемых на сельскохозяйственные работы (не больше 6–8 часов в сутки), объединялись в отряды по 15–20 человек во главе с учителем-руководителем.

Оплата труда в колхозах каждому воспитаннику начислялась по действующим нормам выработки наравне с колхозниками и расценкам в трудоднях деньгами и продуктами. Дополнительно на отряд за дневную норму, выработанную всей школьной группой, начислялось 1,5 трудодня²⁹³. Летом 1942 г. в Удмуртской АССР эвакуированные воспитанники заработали 190000 трудодней (на одного ребенка приходилось 50 трудодней).

Заработанные трудодни или продукты дети расходовали на нужды детского учреждения или перечисляли в фонд обороны страны. Так, воспитанники Ершовского детдома, заработав в колхозе летом 1942 г. 1864 кг ржи, 800 кг картофеля, 320 кг гороха, 160 кг гороховой муки сдали продукцию на свою кухню. Директор Каракулинского интерната посчитал необходимым деньги, заработанные детьми летом того же года, использовать на приобретение шапок для воспитанников. Часть средств (1500 рублей) была передана в Фонд обороны родины. Помимо этого воспитанники интерната отправили подарки бойцам и командирам РККА, начали копить деньги на восстановление городов, откладывая средства с каждого платного концерта и спектакля. В экстремальных обстоятельствах дети совершали настоящие подвиги, так как в пионерских организациях, школах, детских домах и интернатах им прививали патриотизм и любовь к своей стране, а также благодаря тому, что они, как и взрослые (порой под давлением воспитателей) брали соцобязательства и заключали соцдоговора.

²⁹³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Лл. 99, 101, 125; Д. 1422. Л. 95.

Руководители совхозов и колхозов со своей стороны должны были обеспечить все условия для работы детей, но не всегда справлялись с возложенными обязанностями. Встречались и грубые нарушения. Например, в правлении деревни Мушковой Увинского района трудодни, заработанные учащимися, не вносились в трудовые книжки. Запись трудодней была произведена в книжки родителей (у детей-полусирот)²⁹⁴.

Результаты работы школьников на полях колхозов и совхозов уже летом 1942 г. показали важность соответствующей предварительной подготовки воспитанников. Как показала практика, продуктивнее работали те подростки, которые ранее получили соответствующие знания на уроках. До каждого детского учреждения была доведена задача – ускорить подготовку кадров молодых специалистов. Поэтому еще в приказе от 29 ноября 1941 г. была обозначена необходимость обучения детей в школах основам агротехники. Учащиеся 7 и 8 классов средних школ получали практические знания по управлению сельскохозяйственными машинами, а учащиеся 9 и 10 классов, педагогических учебных заведений – навыки по управлению тракторами и автомобилями.

Программа профессионально-трудового обучения состояла из двух курсов для детей старше 12 лет: первый «Основы сельского хозяйства» (разделы растениеводства и животноводства), второй – «Специальный курс», в котором подростки могли выбрать одну из отраслей (овощеводство, плодоводство и пчеловодство, птицеводство и слесарное дело по ремонту тракторного парка, сельскохозяйственного оборудования). Учебные программы были рассчитаны на 3 года. Первый год преподавалось растениеводство, второй год – животноводство, третий – специальный курс. Для воспитанников 12–14 лет в учебное время отводилось по 2 часа для занятий сельским хозяйством, а в каникулярное время – по 4 часа. Учащиеся старше 14 лет в день занимались по 6 часов.

²⁹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1417. Л. 29; Д. 1579. Л. 106.

Приказом НКП РСФСР от 13 февраля 1942 г. «Об улучшении подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов» сельскохозяйственное производство провозглашалось основным видом профессионально-трудовой подготовки воспитанников старше 11 лет (особенно в тех детских домах, где не было организовано обучение в мастерских). Безусловно, подсобное хозяйство в военное время приобрело особое значение, являясь дополнительным источником питания. В феврале 1942 г. вышел приказ НКП УАССР, в котором предписывалось создать подсобные хозяйства при всех детских домах республики. Овощной участок отводился из расчета 3,5–4 га на 100 воспитанников. Оформление земельных участков и приобретение семенного материала необходимо было завершить к марту текущего года. Вся организационная работа, бесспорно, ложилась на плечи директоров и заведующих детскими домами и интернатами.

Большую помощь для эвакуированных интернатов оказывали районные комитеты партии. Для воспитателей специально были организованы республиканские семинары и консультации по возделыванию сельскохозяйственных культур, к проведению которых привлекались агрономы, учителя биологии и передовики производства.

Уже к концу 1941 г. – началу 1942 г. 26 детским домам было выделено 594 га земли. Вопрос о выделении земельных участков остальным детским домам находился на рассмотрении республиканских властей, а детским интернатам предоставили 365 га. В 1942 г. детским учреждениям дополнительно выделили 196 га (из них было засеяно 131,4 га, а остальные использованы под пастбища и сенокос). В следующем 1943 г. Наркомат просвещения республики стал уделять большее внимание вопросу организации подсобных хозяйств при детских учреждениях (в которых они по каким-то причинам еще не были созданы). С этой целью была произведена дополнительная нарезка земли (в том числе сенокосных угодий). Летом 1943 г. из запланированных 464,4 га (из них зерновых – 250,3 га) было обработано 452,25 га земли. По сравнению с прошлым годом посевная площадь земель,

выделенных детским домам в Удмуртской АССР, увеличилась в 2,5 раза. Так реализовывалось решение СНК УАССР о предоставлении дополнительно 238,1 га земли детским учреждениям. Увеличилась и нарезка земельных угодий (из расчета 10 га земли овощного участка на 120–130 воспитанников), предусмотренная планом²⁹⁵.

На развитие подсобного хозяйства в летнем сезоне 1942 г. были выделены дополнительные ассигнования в размере 100000 рублей и профинансировано 9 из 19 эвакуированных интернатов и детских домов (Алнашский, Староятчинский, Зуринский, Карсовайский, Люмский, Новомултанский, Нылгинский, Уканский, Якшур-Бодьинский). Сельскохозяйственным инвентарем и посевным материалом детские учреждения были обеспечены недостаточно, зато была достигнута договоренность на использование инвентаря МТС и колхозов. Семенами полностью был снабжен только Сосновский детский дом, частично – Кокманский, Можгинский, Новозятцинский и Шарканский детские дома.

Несмотря на все трудности, летом 1942 г. был собран хороший урожай: 244 т картофеля и 131,4 т овощей. Летом 1943 г. особо отличился детский коллектив Алнашского детдома, в подсобном хозяйстве которого было получено в 5 раз больше овощей и картофеля (40 т картофеля, 4 т капусты, 5,7 т свеклы, 0,8 т моркови, 2,7 т огурцов, 510 кг лука), чем детдому отпускалось по нарядам. Таких же высоких результатов учреждения республики добились в 1944 г. (за исключением Гольянского, Зуринского, Сюмсинского, Тимеевского, Лудорвайского, Сарапульского № 6, Тыловайского детских домов и интернатов). Только с 15 га подсобного хозяйства Сосновского детского дома было снято 25 т овощей и 6 т картофеля, а с 30 га хозяйства Садинского детдома было убрано 27 т овощей, 22 т картофеля, 10 т овса²⁹⁶. Это, безусловно, был результат самоотверженного труда детей. Партия требовала, а дети беспрекословно выполняли, так как при сложившихся обстоятельствах

²⁹⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. 1. Л. 110; Д. 1564. Л. 143; Д. 1713. Лл. 12, 30.

²⁹⁶ Там же. Д. 1419. Л. 12; Д. 1448. Л. 113; Д. 1453. Т. 1. Л. 48; Д. 1561. Л. 37; 1579. Лл. 7, 17, 73; Д. 1581. Л. 3; Д. 1587. Лл. 2, 3, 15, 24, 30, 35, 39; Д. 1947. Лл. 106, 106а; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 77.

государство не могло полностью обеспечить воспитанников продуктами питания.

Вопросы животноводства, птицеводства, овощеводства, плодоводства, растениеводства изучались в детских домах применительно к местным условиям. Воспитанники ухаживали за крупным рогатым скотом, свиньями, овцами и курами. Расширение и развитие поголовья скота было возможно благодаря поддержке местных властей. Они в свою очередь старались сделать все возможное. В 1942 г. план оказался невыполненным, несмотря на то, что деньги на его реализацию были выделены вовремя. Вместо 49 было приобретено 24 лошади, вместо 83 – 41 корова, вместо 75 – 24 свиньи, вместо 155 – 18 овец²⁹⁷. Это означало, что детские дома не были обеспечены тягловой силой, необходимой для сельскохозяйственных работ, и соответствующим стадом для обеспечения жизнедеятельности детского коллектива. В разработанном плане предусматривалось иметь в каждом детдоме и интернате одну голову крупного рогатого скота на 10–12 воспитанников, одного откормленного поросенка на 4–5 детей, одну рабочую лошадь на 6–7 га земли.

В 1943 г. положение немного изменилось, когда в хозяйствах детских домов и интернатов уже насчитывалось более 130 коров, 115 лошадей, 73 свиней и 96 овец (хотя и это количество не соответствовало плановым показателям). В этом же году начали разводить кроликов в Вавожском, Дебесском и Юкаменском детских домах²⁹⁸. Воспитанники Каракулинского школьного интерната с момента приезда в село уделяли особое внимание организации животноводческого комплекса. Уже в 1942 г. был налажен регулярный уход за животными (прил. 3, рис. 5), что в перспективе отразилось на реальном приросте поголовья стада (прил. 2, табл. 9). В 1944 г. смогли добиться ежедневного надоя по 25–30 литров с коровы во многом благодаря хорошему уходу за скотом и неплохой кормовой базе²⁹⁹.

²⁹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Л. 111об.

²⁹⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 36.

²⁹⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1713. Л. 12; Д. 1585. Л. 55; Д. 1740. Лл. 31об, 34.

Трудовое воспитание детей проходило также в мастерских, организованных при школьных и смешанных детских домах, интернатах. Примером в деле организации работы в этом направлении служил опыт Фрунзенского отдела народного образования г. Москвы. В нашей республике мастерские открывались неорганизованно. В большинстве случаев это объяснялось отсутствием финансовых средств, иногда определяющим фактором являлось отсутствие опытных инструкторов, как правило, специалистов для столярных и слесарных мастерских. В результате, к 1942 г. в республике при детских домах и интернатах открылось лишь 13 учебно-производственных мастерских (в апреле в них трудилось 294 воспитанника).

Работа мастерских регламентировалась соответствующими нормативно-правовыми актами. Первый был опубликован еще до войны – 31 мая 1935 г., следующий – 1 сентября 1943 г. Согласно постановлению СНК СССР от 1 сентября 1943 г., директора школьных и смешанных детдомов были обязаны позаботиться о создании мастерских уже при каждом учреждении. Для этого при выборе профиля мастерской требовалось учитывать характер производственного окружения и возможности дальнейшего трудоустройства по полученной профессии. К примеру, для детских домов и интернатов сельской местности рекомендовалось создавать мастерские по ремонту и изготовлению сельскохозяйственного инвентаря.

С 1941 г. обучение в мастерских проводилось с 12 лет, а с 1944 г. уже с 8 лет (согласно программам НКП РСФСР). Опубликованное в 1943 г. «Положение о мастерских» определяло основные организационные стороны их работы, но многие педагогические и хозяйственные вопросы оставались, как и прежде, нерешенными. Согласно тексту документа, на местах предлагалось устанавливать нормы выработки применительно к производительности труда детей и подростков. Также начислять зарплату по установленным расценкам за работу во внеурочное время. Работа мастерских была организована на началах хозрасчета. Хозяйственное значение результатов деятельности мастерских

повышалось в связи с тем, что изделия часто вырабатывались из отходов и бросового материала.

В условиях военной обстановки стране, как никогда, требовались обученные молодые кадры рабочих. В связи с этим в постановлении СНК СССР от 21 мая 1942 г. «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» было заявлено о том, что подростки по собственному желанию могли проходить практику индивидуального и бригадного обучения без отрыва от учебного процесса с последующим трудоустройством на эти же предприятия после выпускных экзаменов³⁰⁰. Другим постановлением СНК РСФСР от 6 июля 1944 г. четко регламентировался возраст трудоустраиваемых воспитанников на промышленные предприятия, в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища – с 14 лет. На практике, однако, возрастной ценз не соблюдался. Руководители предприятий устраивали детдомовцев на работу и в более юном возрасте (12–14 лет). В том же 1944 г. СНК СССР обязал руководителей предприятий и учреждений предоставлять подросткам младше 16 лет гарантированный день отдыха один раз в неделю и очередной отпуск продолжительностью 12 рабочих дней³⁰¹. Несмотря на наличие Трудового Кодекса, в действительности руководители предприятий на местах не всегда им руководствовались. Перед ними в первую очередь были поставлены задачи выполнения государственных заказов и планов, которые зачастую были несоизмеримы с оговоренными в законах необходимыми условиями труда и отдыха.

В мастерских детдомов подростки изготавливали предметы, необходимые для собственного потребления, на продажу местному населению и в фонд обороны Родины. В 1941 г. в 6 столярных мастерских производили и ремонтировали мебель, а в мастерской Кокманского детдома воспитанники мастерили для себя лыжи, сани, деревянные коньки. В 6 швейных мастерских шили и чинили белье, верхнюю одежду, а в сапожной мастерской

³⁰⁰ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов, 1917–1959 гг. / гл. ред. С. Г. Струмилин. – М. : Сов. энцикл., 1961. – С. 398.

³⁰¹ Там же. – С. 420.

Новозытцинского детдома дети ремонтировали обувь. Во многих детских домах было организовано лаптеплетение. Лапти нужны были воспитанникам не только для полевых работ, но и для повседневной носки, так как практически все военные годы поставка кожаной обуви в детские учреждения была затруднена.

К 1944 г. в детских домах и интернатах количество мастерских (столярных, швейных и сапожных) увеличилось до 28 с охватом 702 человека, а к 1945 г. после открытия мастерских по плетению из лозы, по обработке шерсти, изготовлению мягкой игрушки и художественной вышивки до 35, хотя планом была предусмотрена работа 41 мастерской. В Кыйлудском детдоме планировалось наладить пимокатное производство, а в Воткинском детском доме открыть мастерскую по производству кроватей. Во всех мастерских трудовой процесс был организован таким образом, чтобы каждый воспитанник смог освоить операции производства изделия от первого до последнего этапа. Молодежь регулярно работала в мастерских, так как понимала необходимость производства вещей на местах³⁰².

Данная система трудового воспитания в условиях военного времени позволила детским домам и интернатам самостоятельно обеспечивать детей дополнительным продовольствием. Хотя нередко, в случаях перебоя централизованных поставок, продукты со своего хозяйства являлись основным источником питания. Также благодаря выполнению программы общественно-полезного труда был обеспечен приток на производство хорошо подготовленных специалистов в аграрную и промышленную сферы республики.

Составной частью воспитательной работы в детских домах и интернатах была внеклассная и внешкольная работа. В сентябре 1941 г. в НКП РСФСР поступили сведения о том, что в некоторых областях, краях и республиках при сокращении бюджетных ассигнований отделы народного образования начали

³⁰² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1419. Л. 147; Д. 1447. Л. 128; Д. 1448. Л. 70; Д. 1453. Т. I. Лл. 47а, 122; Д. 1585. Л. 55; Д. 1789. Лл. 73, 74; Д. 1947. Л. 107.

закрывать внешкольные учреждения. Допустить этого было нельзя, так как в условиях 3-х и даже 4-х сменных занятий в школьных зданиях была затруднена внеклассная работа. В этом случае все большее значение приобретали внешкольные учреждения, в которые переводилась работа кружковцев³⁰³. Для детдомовцев и интернатовцев кружки, по-прежнему, продолжили работать в стенах своих учреждений (прил. 3, рис. 6).

В Удмуртской АССР была хорошо организована работа кружков самодеятельности, хуже – технических (впрочем, как и в довоенные годы). Зачастую отсутствовали юннатские кружки, а это указывает на слабую связь труда с познавательным процессом детей. Исключением являлся Сосновский детдом, в котором члены юннатского кружка на своем участке проводили систематическую работу по выведению лучших сортов растений. В результате год от года детский коллектив получал хороший урожай, и все военное время снабжал семенами близлежащие детские учреждения.

Услугами агитбригады Алнашского детского дома активно пользовались колхозники во время торжественных случаев. Коллектив художественной самодеятельности Каракулинского интерната в 1941/42 учебном году выступал на сессии Верховного совета Удмуртской АССР. Выступая с азартом, дети занимали первые места не только в районных смотрах художественной самодеятельности, но и республиканских. Так, на республиканской олимпиаде детской художественной самодеятельности в 1944 г. этот же коллектив занял 2-ое место. Ему была вручена премия в размере 1000 рублей. В следующем учебном году на ступени пьедестала оказались воспитанники Шарканского детдома. Смотры демонстрировали определенные достижения в художественном воспитании детей.

Детским художественным коллективом Каракулинского интерната было проведено огромное количество вечеров и утренников для колхозников своего села и соседних хозяйств. Воспитанники устраивали платные выступления. Выручка с продажи билетов поступала в Фонд обороны страны, для детей

³⁰³ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1421. Л. 1.

фронтовиков, на восстановление городов Варшавы и Сталинграда. С детьми работали специалисты в своем деле: «Л.М. Пончак (преподаватель по классу фортепиано), Фаина Абзаловна (руководитель хорового кружка), супруга директора интерната Башева (учитель танцев)».³⁰⁴ Несомненный успех коллектива детской художественной самодеятельности интерната можно объяснить не только правильно организованной работой педагогов с детьми, но и наличием хорошей базы музыкальных инструментов. Уже в 1941/42 учебном году интернатом был приобретен рояль и оркестр народных инструментов. Участники художественного коллектива другого учреждения – Балезинской спецшколы – на своих концертах за полгода смогли заработать около 6000 рублей, переведя все средства в Фонд обороны родины³⁰⁵. Воспитанники городских детских домов, посещавшие кружки художественной самодеятельности, поддерживали тесную связь с госпиталями, лучшие их номера транслировались по радио.

В 1941/42 учебном году в республике работало 35 кружков (вышивания, вязания, шахматный, конный, изобразительного искусства, краеведческий, хоровой, драматический и т.д.), которые посещало 1537 детей (данные по 17 школьным детским домам). Воспитанники по интересам могли выбрать и ходить в любой кружок. Все внешкольное время детей было занято. Результаты работы каждого кружка демонстрировались на отчетных концертах, вечерах самодеятельности как внутри детского учреждения, так и перед общественностью.

Большую роль в 1941–1945 гг. играло военно-патриотическое воспитание детей, основы которого были заложены в предвоенное десятилетие: с 1939 г. была введена всеобщая воинская повинность, начальная военная подготовка в 5–7 классах и допризывная в 8–10 классах. В июле 1941 г. СНК СССР принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Нарком просвещения РСФСР на специальном

³⁰⁴ Мерзлякова Т. Призывной свет доброты / Т. Мерзлякова // Огни Прикамья. – 1991. – № 3. – С. 18.

³⁰⁵ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1453. Т. I. Л. 47; Д. 1454. Т. II. Лл. 10, 11, 13; Д. 1585. Л. 48–51; Д. 1789. Лл. 55, 175; Д. 1796. Л. 41об.

заседании коллегии рассмотрел вопрос об участии органов народного образования и руководителей школ в реализации этого постановления. В результате в сентябре 1941 г. было опубликовано постановление о военном обучении школьников. Учителя старались выполнять постановления Совнаркома СССР от 24 октября 1942 г. «О начальной и допризывной военной подготовке учащихся 5–10 классов неполных средних и средних школ» и «О военной физической подготовке учащихся начальных неполных средних и средних школ». С мая 1943 г. вводились основы военной подготовки учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО. Тем самым к военной подготовке в обязательном порядке привлекались все подростки.

Интерес у молодежи вызывали соответствующие кружки (стрелковый, по изучению топографии, разведки и т.д.) и общественные организации. Специально для их развития по возможности при каждой школе и детдоме республики создавали детские спортивные площадки, на которых проводились военно-физкультурные игры с детьми, соревнования лучшего гранатометчика, разведчика, связиста и т.д. При каждом детском доме создавались санитарные дружины, было организовано изучение военно-санитарного дела. Организовывались военно-туристические походы. С оборонной работой была тесно связана физкультура. Увеличилось количество часов в учебной сетке по преподаванию начальной и допризывной подготовки старшего и среднего звена. Среди молодежи проводилось практическое изучение противовоздушной обороны, военного дела в объеме норм группы самозащиты МПВО (Министерства противовоздушной обороны), ПВХО (противовоздушной химической обороны) и ГСО («готов к санитарной обороне»). В 1941 г. сдали нормы и были отмечены соответствующими знаками: 897 учеников – значком ПВХО, 71 воспитанник – значком ПВС.

Выполнение учащимися требований военно-физкультурной подготовки обеспечивало дисциплину среди подростков и в целом улучшило образовательно-воспитательный процесс в условиях военного времени. Исполняя постановления, горкомы и райкомы партии республики за короткий

промежуток времени помогли отделам народного образования подобрать военных руководителей для школ, утвердить передовые формы военной подготовки школьников, использовать в работе опыт Великой Отечественной войны³⁰⁶.

В зимний период при проведении военно-физкультурной работы особое внимание стали уделять лыжным сборам. С этой целью детей распределяли в учебно-стрелковые подразделения лыжной секции, в рамках работы которой тренировались, участвовали в эстафетах, кроссах, проходили военную подготовку (прил. 3, рис. 7). С возросшим интересом к военным кружкам увеличивалось количество их участников. Однако, при низкой материальной базе детских учреждений возникала острая необходимость своими силами закупать или производить в мастерских военно-учебные пособия и спортивное оборудование (в первую очередь лыжи)³⁰⁷.

Правильная организация отдыха и досуга детей – было делом нелегким. Здесь воспитатель должен был проявить, как и во многом другом, чувство меры, одинаково распределив время на реализацию личных планов и общественные работы. В каникулярное время с воспитанниками проводились комсомольские собрания, пионерские сборы, дети выпускали стенгазеты, читали книги, посещали кинозалы и ходили в туристические походы. Учащиеся проявляли большой интерес к художественной литературе, но не всегда могли взять в библиотеке интересующую их книгу. Библиотечный фонд детдомов и интернатов был крайне беден (4624 экземпляра книг, хотя и в довоенные годы ситуация была аналогичной – всего 2500 экземпляров, учитывая меньшее количество детдомов³⁰⁸). С детьми младшего возраста летом проводилась оздоровительная работа через систему пионерских лагерей, а с детьми старшего возраста – общественно-полезная работа и работа во внешкольных учреждениях (станциях юных техников и натуралистов, домах

³⁰⁶ Кузнецов, П. К. Культурная революция в УАССР, 1917–1958 гг. / П. К. Кузнецов. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – С. 349.

³⁰⁷ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1565. Лл. 3, 15, 36; Д. 1681. Л. 7.

³⁰⁸ Там же. Д. 849. Л. 5.

художественного воспитания, экскурсионно-туристических станциях, дворцах и домах пионеров и т.д.).

Организация работы во внешкольных учреждениях Удмуртской АССР затруднялась из-за отсутствия площадей (или использования этих зданий для военных нужд), свободного времени у воспитанников, а также из-за резкого сокращения бюджетных ассигнований. Уже с 1941 г. внешкольные учреждения сохранялись при минимальном штате за счет неиспользованных средств с предыдущего года и за счет внебюджетных фондов. Изменилось и содержание преподавания. К примеру, республиканская станция юных натуралистов и опытников сельского хозяйства помимо того, что являлась методическим центром по натуралистической и опытнической работе в сельском хозяйстве, направляла усилия на преподавание вопросов противовоздушной, санитарной и химической обороны. Детские технические сельскохозяйственные станции ориентировались в своей работе на пропаганду научно-технических знаний среди молодежи. В процессе этой деятельности учащиеся получали конкретные знания и навыки, необходимые в общественно-полезном труде и оборонной работе. В 1942 г. в республике с молодыми людьми занимались педагоги и общественники 5 домов пионеров, Ижевской центральной детской технической сельскохозяйственной станции и республиканского дома художественного воспитания детей. Таким образом, общественно-полезный труд учащихся во внешкольных учреждениях, по существу не отличался от труда, организуемого школой или детдомом; они тесно переплетались друг с другом.

Для старшеклассников организовывали общественно-полезную работу, направленную на оказание помощи колхозам и совхозам. Только за лето 1942 г. учащиеся республики совместно с учителями выработали 1510125 трудодней. Нужно подчеркнуть, что во многих колхозах судьба урожая зависела от работы школьников. Другим видом трудовой деятельности пионерских звеньев был сбор лекарственных трав, ягод и грибов. Летом 1943 г. воспитанниками детдомов и интернатов было засолено 8555 кг и засушено 502 кг грибов, 633 кг

ягод, замочено 3770 кг брусники³⁰⁹. Еще одним видом работы являлся сбор металлолома и удобрений для сельского хозяйства (золы, птичьего помета, навоза). Молодежь активно участвовала в общественной программе по сбору срезанных верхушек клубней картофеля для посадки. Многие старшеклассники во время летних каникул устраивались работать подсобными рабочими на промышленные предприятия, реже – на квалифицированную работу.

Детей младшего и среднего возраста отправляли отдыхать и поправлять здоровье в лагеря. В 1942 г. была специально организована республиканская комиссия при СНК УАССР, в состав которой входили представители всех наркоматов, для решения организационных вопросов. Ею планировалось создать лагеря в Ижевске (на 2870 мест), Воткинске (на 900 мест), Сарапуле, Можге и Глазове (по 200 мест). Фактически удалось организовать 11 детских оздоровительных лагерей, в которых летом 1942 г. успело отдохнуть 4240 детей (вместо принятых на финансирование 3870 человек). На их работу были использованы, в первую очередь, бюджетные средства, а также деньги из фонда помощи детям, который был открыт в стране по инициативе комсомола. Лучшее питание, умелое распределение времени детей, чистота и порядок на территории всего лагеря. На следующий год предполагалось принять в лагеря республики 10000 детей.

Летом 1944 г. в пионерских лагерях отдохнуло около 9000 детей. В летнем сезоне 1945 г. контингент детей (не только детдомовцев, но и детей, которые воспитывались в семьях) увеличили до 29000, что было в 2 раза больше, чем в предыдущие военные и довоенные годы. Тогда же, в 1945 г., были открыты отдельные лагеря для мальчиков и девочек. Большие затруднения возникли при обеспечении детских лагерей мебелью, постельным бельем, посудой. Следует отметить, что не только в Удмуртской АССР, но и в стране в целом были увеличены расходы на организацию детского отдыха.

³⁰⁹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1421. Лл. 1, 7, 22, 61; Д. 1791. Л. 5; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 35об.

В лагерях дети не только отдыхали, но собирали грибы, лекарственные травы и ягоды для аптек, госпиталей и детских учреждений. Работа в них была построена на пионерской инициативе и самообслуживании. С детьми проводились военные игры, ребяташки посещали кружки. Польские воспитанники в летних лагерях отдыхали вместе с советскими детьми, никаких специальных мероприятий для них Комитет по делам польских детей в СССР не организовывал и специальных фондов не выделял.

Дети, нуждающиеся в укреплении здоровья, направлялись в детские санаторные лагеря. Здесь кроме прохождения оздоровительных процедур, воспитанники участвовали в общественной работе, ходили на экскурсии, собирали коллекции насекомых и трав, создавали гербарии и т.д.³¹⁰.

Следует отметить, что воспитательный процесс в детских домах и интернатах развивался, изменялся и трансформировался, откликаясь на требования общества, ориентируясь на уровень развития учащихся. В военные годы воспитание подрастающего поколения было построено на социалистической идеологии и тех же принципах, что и в предвоенный период, но корректировалось согласно специфике военного времени. В основу были заложены принципы советского патриотизма, пролетарского интернационализма, коллективизма, трудолюбия и бережного отношения к вещам.

В целом коммунистическое воспитание советских детей и молодежи осуществлялось в школах, различных воспитательных и культурно-просветительских учреждениях, комсомольских и пионерских организациях. Основное требование, которое партия и правительство предъявляло к детским учреждениям, состояло в том, чтобы еще больше уделять внимание качеству обучения и воспитания подрастающего поколения. Использование самых разных форм и методов военно-патриотического воспитания в условиях войны способствовало привитию у молодежи любви и уважения к армии, твердой уверенностью в победе советского народа. Считалось, что педагоги

³¹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Т. II. Л. 30; Д. 1562. Л. 97; Д. 1947. Л. 106.

повседневным воспитанием молодежи в духе коммунистической морали и активным вовлечением их в школы и на общественно-полезные работы устраняли детскую беспризорность и безнадзорность. В целом учебно-воспитательный процесс отличался четкой организацией и результативностью.

Детские дома, интернаты и школы также играли огромную роль при решении задачи всестороннего развития и подготовки воспитанников к самостоятельной жизни. Трудолюбие и напористость развивали в детях самостоятельность и инициативность, приучали их к необходимости достижения поставленных целей, вырабатывали ответственность за свои поступки не только перед учителями и сверстниками, но и перед советскими законами.

Несмотря на все сложности, связанные с войной, в большинстве республиканских детских интернатах и домах удалось создать дружные коллективы, наладить детское самоуправление, приучить воспитанников к физическому труду, привлечь их к творческой и хозяйственной деятельности. Для эффективности работы и активизации процесса воспитания были разработаны и внедрены в жизнь принципы социалистического соревнования (не всегда положительно влияющие на сам ход событий). Они включали в себя, во-первых, одновременное выполнение всеобщего обязательного обучения и привлечения детей во внеурочное время к культурно-просветительской и хозяйственной работе. Во-вторых, в детском учреждении требовалось установить строгую дисциплину, где каждый бы соблюдал распорядок дня. В-третьих, обеспечить 100% охват детей в пионерскую и комсомольскую организации, в рамках которых воспитанники проводили культурно-массовую работу. В-четвертых, участвуя в таком соревновании, детский дом должен был иметь свое подсобное хозяйство и кружки юннатов. По итогам года определялись лучшие учреждения.

Однако, в погоне за абсолютными цифрами, показатели завышались, а воспитанники все больше нуждались в вещах первой необходимости. Не голословен тот факт, что подростки отдавали последние деньги на

производство танков или колонны, собирали и отправляли фронтовикам теплые вещи и посылки с продуктами. Это можно объяснить не только самоотверженностью детей, но и коммунистической моралью, которая не исключала использование мер принуждения. Так как все усилия власти были направлены на достижение победы над фашизмом, соответственно детский труд (как и женский) использовался на общественных работах. В целом, воспитательная работа носила идейно-политический характер, имела культурно-познавательную и общественно-гражданскую направленность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны был разработан комплекс мер общегосударственного характера, направленный на ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности. Проводилось усыновление, патронирование и опекунов над детьми. Совершенствовалась нормативно-правовая база, регулирующая систему государственной защиты детей-сирот и детей, временно оставшихся без родителей, и система охраны детства. Особая роль в ней отводилась детским домам-интернатам, удельный вес которых в системе воспитательных учреждений неизмеримо вырос. Теперь, помимо детских домов (дошкольных, школьных и смешанных), открывались интернаты (новый вид детских учреждений, который занял важное место в образовании и воспитании молодежи) и колхозные детские дома. Перед этими учреждениями были поставлены первоочередные задачи: создать для детей благоприятные материально-бытовые условия жизни, воспитать подрастающее поколение в духе патриотизма и коммунизма, предоставить образование в школах, училищах и ВУЗах, трудоустроить воспитанников после выпуска из детских домов и интернатов.

На обслуживание детей в стране (в детских учреждениях, пионерских лагерях, а также на просвещение) выделялись государственные фонды в целом меньшие по сравнению с довоенными годами (например, в 1940 г. бюджет расходов составил 380 млрд. руб.). Однако, бюджетные ассигнования на финансирование детских программ постепенно стали увеличиваться с 1943 г. Как следствие возросло количество детских учреждений, к концу войны на территории Советского Союза функционировало около 6000 детдомов, то есть в 4 раза больше, чем в 1940 г. Только в детдомах РСФСР находилось 400000 воспитанников. За годы войны около 300000 детей воспитывалось в семьях трудящихся, более 100000 подростков были трудоустроены.

Сеть учреждений защиты детства в Удмуртской АССР также изменялась. Если в начале 1941 г. она состояла из 18 стационарных детдомов, то к концу

года увеличилась за счет эвакуированных детдомов до 33, а к 1945 г. выросла, в основном за счет колхозных и межколхозных детдомов, до 62. Количественный рост детей-сирот и детей, временно оставшихся без родителей, повлек за собой пропорциональное увеличение сети интернатных учреждений. К примеру, до войны (на 1 января 1941 г.) в республиканских домах насчитывалось 2107 детдомовцев, а через год (на 1 марта 1942 г.) уже – 4176 воспитанников (но дело не только в количестве). Изменился и состав детей: преобладали сироты. Многие дети до войны воспитывались в семьях, теперь они лишились родителей и близких им людей. Детский дом таким ребяташкам заменил семью, стал для них подлинной школой жизни. Со временем количество эвакуированных воспитанников уменьшалось, что было связано с их реэвакуацией на родину или возвращением к родителям и родственникам. В детских учреждениях Удмуртской АССР наравне с русскими и удмуртскими детьми жили воспитанники еще 8 национальностей: украинцы, белорусы, поляки, литовцы, евреи, татары, финны, немцы.

Функционирование детских учреждений можно разделить на два периода.

Первый период (1941–1943 гг.) связан с увеличением количества эвакуированных детей. Их массовая эвакуация в республику до начала 1942 г. продолжалась, небольшими группами они прибывали до конца 1943 г. Эвакуировались с западных и северо-западных территорий страны: из Калининской, Курской, Мурманской, Смоленской и Ярославской областей, городов Москвы и Ленинграда, а также из Белорусской и Литовской ССР. Подростков перевозили коллективно (детдомами, санаториями, детскими лагерями и другими учреждениями), или индивидуально, в сопровождении педагогического и медицинского персонала. Движение эшелонов с эвакуированными детьми регулировалось, они направлялись по разным железнодорожным веткам. Первоначально в республике открывались детдома и интернаты для эвакуированных детей, позднее на освободившиеся места распределяли местных детей-сирот или полусирот. Детский дом или интернат

после полной эвакуации воспитанников, как правило, прекращал функционировать в послевоенное время.

Открытие и работа государственных интернатных учреждений в 1941–1943 гг. были осложнены тем, что в это время остро ощущался недостаток в товарах первой необходимости: одежде, обуви, мыле, также посуде и мебели. Не всегда вовремя или в меньших объемах от рекомендуемых норм потребления поступали продукты питания. Причины этих явлений носили, в основном, объективный характер, когда сама военная обстановка обусловила необходимость большой концентрации бюджетных ресурсов для обороны государства. Страна приспособлялась выживать в тяжелые годы войны.

Особое внимание уделялось вопросу трудового воспитания детей. В 1942 г. были опубликованы правительственные постановления, направленные на организацию трудовой деятельности воспитанников в области сельского хозяйства и промышленного производства. На этой основе совершенствовалась нормативно-правовая база.

Второй этап (конец 1943 г. – май 1945 г.) связан с коренным переломом в ходе войны. Изменения общей ситуации на фронте напрямую повлияли на экономическую ситуацию в стране. Как следствие, объем государственного бюджета, сильно сократившийся на первом этапе, главным образом в связи с оккупацией ряда областей страны, в дальнейшем возрастал и в 1945 г. уже превысил довоенный уровень. Увеличение расходов на финансирование народного хозяйства и социокультурных мероприятий в 1944 г. было в основном связано с дальнейшим развертыванием производства оборонной продукции, с восстановлением хозяйства и культуры в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, с расширением государственной помощи населению в порядке социального обеспечения. В эти годы интернатные учреждения стали лучше снабжаться продуктами питания, одеждой, обувью и другими вещами. Появилась возможность увеличить продовольственные нормы для воспитанников.

В это же время открывались колхозные и межколхозные детские дома. Еще в конце 1943 г. колхозникам республики было предложено создавать инициативные дома, в связи с тем, что государство самостоятельно не справлялось с организацией необходимого количества детских учреждений такого профиля. Фактически колхозные и межколхозные дома начали работать в УАССР лишь с марта 1944 г. (немного позднее, чем по стране в целом) за счет средств колхозов и совхозов. Вскоре стояло ясно, что источники для их содержания нестабильны и недостаточны. В связи с этим с конца 1945 г. колхозные и межколхозные детские дома стали передаваться в ведение НКП УАССР, то есть на государственное финансирование.

Ключевым вопросом являлось выполнение закона о всеобуче и привлечение детей в учебные заведения для получения семилетнего образования. Более того, в эти годы проводились преобразования, направленные на упорядочение школьной системы и ее дальнейшее развитие. Среди них – отмена практики оценки работы школ и учителя на основе средних процентов успеваемости учащихся; установление пятибалльной системы отметок; введение экзаменов на аттестат зрелости и учреждение золотой и серебряной медалей «За отличные успехи и примерное поведение». Больше внимания стало уделяться вопросу повышения квалификации педагогических кадров и возвращению на педагогическую работу учителей, работавших не по специальности. В целом удалось сформировать дееспособные педагогические коллективы, однако перевод воспитателей и учителей в школы и детдома был сопряжен с рядом трудностей, вызванных экономическими и социальными причинами, а курсовая подготовка не смогла решить главного вопроса обеспечения педагогических коллективов специалистами.

Необходимо признать, что советское правительство одинаково проявляло заботу, как о местных, так и об эвакуированных детях. Безусловно, на организацию вновь прибывших детских учреждений требовалось больше усилий и материальных средств. В экстренных военных обстоятельствах республика не была готова принять огромное количество эвакуированных

воспитанников, мгновенно выделить для них хорошие помещения, отвечающие санитарно-гигиеническим требованиям. Как следует из практики, первоначально требовалось предоставить детскому дому подходящее место, затем подготовить помещения к приему, отремонтировать их. На это уходило немало времени, хотя по призыву партии и советского правительства местные органы власти старались ускорить процесс подготовки, а население оказывало безвозмездную помощь.

Некоторую часть детей временно размещали в сельских школах и других непригодных для жизни зданиях, иногда и в семьях колхозников. Временное пребывание в малоприспособленных и мрачных помещениях в действительности зачастую оказывалось постоянным местом их обитания. Других эвакуированных воспитанников сразу же расселяли в помещения, предназначенные для детдома или интерната, где одновременно проводился капитальный или текущий ремонт. Но из-за отсутствия порой самых необходимых материалов и средств он затягивался на месяцы, а иногда и годы.

Отсутствие свободных площадей для детских домов в республике объяснялось тем, что жилищный фонд не пополнялся и не обновлялся еще с 1930-х гг., был ветхим. Некоторые местные детские дома размещались, как и в 1920-е гг., в зданиях бывших церквей, частновладельческих домах. Нехватка площадей для детдомов привела к необходимости объединения нескольких эвакуированных детских учреждений. С увеличением контингента воспитанников в них создавалась скученность. Безусловно, длительное пребывание в непригодных бытовых условиях отражалось не только на здоровье воспитанников, но и на их психологическом состоянии. У детей возникало желание вернуться в родной дом, где раньше ощущалась забота родителей.

Следует отметить, что большинство детских домов и интернатов Удмуртской АССР были открыты в сельской местности. Это можно объяснить, прежде всего, наличием свободных помещений, а также тем, что здесь детским коллективам проще было создать материально-хозяйственную базу,

обеспечивая себя продуктами овощеводства и животноводства. Во-вторых, в городах, как правило, расселялись эвакуированные семьи, здесь взрослые могли устроиться работать на промышленные и иные предприятия.

Бесспорно то, что положение эвакуированных детских учреждений, в отличие от местных, было крайне тяжелым. Первое время со дня прибытия в республику почти все они не имели мебели, посуды, постельных принадлежностей. Остро стояла проблема организации продовольственного снабжения и наличия зимней одежды, обуви на предстоящую зиму 1941–1942 гг. Педагогический персонал ежедневно сталкивался с подобными трудностями. Лишь со временем проблемы были разрешены, но не полностью. Несмотря на то, что Удмуртпотребсоюз ежегодно направлял заявки в Москву, нерешенной оставалась проблема приобретения школьных и канцелярских товаров. Стоит признать, что на общую успеваемость это не повлияло. Во многом благодаря введению соцдоговоров и обязательств, выработанных для детей и воспитателей.

Важная задача, поставленная перед республиканскими властями и директорами детских учреждений, заключалась в обеспечении воспитанников не только необходимым в объеме, но и достаточно калорийным и витаминизированным питанием. Нельзя не учитывать, что значительная группа детей была эвакуирована из санаториев и нуждалась в особом питании. Постановлением правительства были выработаны единые нормы питания для эвакуированных и местных воспитанников. Средства на их приобретение были предусмотрены в федеральном и республиканском бюджетах. В первый годы войны по объективным причинам не удалось разнообразить меню. В рацион питания детей входили малокалорийные продукты, постоянно ощущался недостаток в сахаре, жирах, витаминах и молоке. Лишь со временем ситуация изменилась: в 1943 г. начался некоторый подъем промышленного производства, благодаря чему фонды детских домов и интернатов стали пополняться вовремя и в достаточных объемах. Регулярная поставка продуктов в детские столовые обеспечивалась во многом благодаря организации

подсобных хозяйств при детдомах и интернатах. При этом подсобные хозяйства стали еще и базой трудового воспитания детей.

Особым вниманием в республике, как и в других областях страны, были окружены воспитанники польских и литовских детских домов. Например, с 1943 г. в Москве начал работать контролирующий орган – Комитет по делам польских детей в СССР, а литовским воспитанникам все военные годы помощь оказывало литовское правительство. Оба органа следили за распределением учебников, детских пособий в национальные школы и интернаты (в нашем крае польские дети обучались в отдельных классах, но на русском языке). Кроме того, они контролировали устройство своих маленьких граждан в детские интернатные учреждения, ремесленные училища и школы ФЗО, следили за санитарно-гигиеническими условиями в домах и интернатах. Как следствие, условия жизни в этих учреждениях были на порядок лучше, чем в детдомах и интернатах, организованных для советских детей.

Война, бесспорно, оказала влияние на многие стороны жизни, в том числе на воспитание и образование, поставила перед педагогами ряд новых задач. Обстановка вызвала к жизни самые разнообразные формы и виды труда, через которые воспитатели могли чередовать трудовой процесс воспитанников. К основным отраслям производственной деятельности относились самообслуживание (от простого поддержания чистоты до трудоемких видов работы – заготовка топлива, работа в мастерских) и работа в сельском хозяйстве. На овощных участках, в животноводческом комплексе, на полях колхозов и совхозов воспитанники получали практические навыки. Ученики школ, детдомов и интернатов брали на себя обязательства по оказанию помощи колхозам и совхозам в период сельскохозяйственных работ, показывая истинные факты детского героизма. Ежегодно в осенние и весенние учебные месяцы учащиеся помогали колхозникам проводить посевные и уборочные кампании, с этой целью были сокращены учебные четверти. За свою работу от председателей колхозов и совхозов дети получали денежное или продуктивное вознаграждение. Трудовое воспитание в советском детском доме и интернате

подготавливало ребенка к элементарной или более сложной работе. В этом и состояла его общая задача. Труд в целом дисциплинировал подростков, а его производственное значение пробуждало у школьников чувство и сознание полезности стране.

Трудовая деятельность была дополнительно организована в мастерских после школьных занятий, несмотря на то, что в республике они были созданы не при каждом детском доме и интернате. Здесь подростки осваивали технологию производства от начального до конечного этапа, овладевали производственно-трудовыми навыками – слесаря, токаря, портнихи и т.д. В одних мастерских воспитанники шили или чинили одежду и обувь, в других – занимались обработкой дерева, в-третьих – металла, в-четвертых – перерабатывали пряжу и шерсть. Дети выполняли оборонные заказы, обслуживали свое учреждение или местное население. В задачи учебно-производственных мастерских входило сочетание производительного труда детей с общеобразовательной, военно-оборонной и физкультурной работой. Все эти мастерские работали по принципу хозрасчета и самоокупаемости.

Безусловно, общественно-производительный труд учащихся являлся заметным фактором хозяйственной жизни страны, нуждавшейся в рабочих руках. С уходом мужчин на фронт, подростки заменяли их не только в сельском хозяйстве, но и на заводах. Вовлечение детей в производство представляло собой неоднозначное явление. Бесспорно, здесь имели место и патриотизм, и вынужденный суровой реальностью процесс замены взрослой рабочей силы, и соображения материального порядка. В годы войны школы, детские дома и интернаты расширили сферу общественно-производительного труда школьников, который вместе с тем стал более разнообразным по содержанию и по форме организации.

В сороковые годы советское правительство поставило перед руководителями детдомов и интернатов задачи улучшить учебно-воспитательную работу с детьми, добиться высокой культуры и порядка в каждом учреждении, охватить школой 100% воспитанников, подлежащих

обучению, повышать школьную успеваемость. Несмотря на введение социалистического соревнования и обязательств, в некоторых детских домах и интернатах в разные годы наблюдался низкий процент успеваемости. При этом большинство неудовлетворительных отметок выпадало на арифметику и русский язык. Учителя совместно с учащимися стремились добиться высоких показателей, потому желание самих воспитанников учиться на «отлично» и участвовать в социалистическом соревновании было первоочередным. Школьный процесс был удачно организован в некоторых детских домах и интернатах, во многом благодаря установлению тесной связи между сотрудниками детдомов, школ и районных отделов народного образования.

Огромным препятствием в деле успешного обучения детей в непростое военное время являлись недостаток учебных и канцелярских принадлежностей, обуви и одежды, низкая общеобразовательная подготовка некоторых воспитателей и учителей. Многие из них были призваны в ряды Красной Армии, а вновь пришедшие оказались мене опытными и не всегда подготовленными к педагогической работе. Вместе с тем, наплыв эвакуированных детей привел к перенаполняемости классов. Во многих детдомах и интернатах отсутствовали специальные учебные комнаты (по причине недостатка площадей при учреждениях), поэтому дети продолжали готовиться к урокам в столовых, коридорах и спальнях, заниматься за столами по очереди. В школах сократились площади под учебные классы, установилась многосменность занятий. В обучении эвакуированных иноязычных детей возникали дополнительные трудности: языковой барьер, нехватка учебников, сложности с прохождением программ. Более того, значительная часть учащихся ушла на фронт и предприятия промышленного значения.

В основу воспитательно-образовательного процесса была заложена социалистическая идеология, которая, так или иначе, сводилась к патриотическому долгу и обязательствам, взятым каждым воспитанником. Принципы воспитания в целом не изменялись с 1920-х гг. и были, по-прежнему, построены на патриотизме, преданной любви к родине,

интернационализме, трудолюбии, бережном отношении к социалистической собственности и строгой дисциплине. В военные годы в учебно-воспитательной работе акцентировалось внимание на обеспечение всеобуча, усиление роли физической и военной подготовки, воспитание в детях патриотизма и гражданственности.

Одним из эффективных мероприятий по предупреждению беспризорности являлось трудоустройство выпускников интернатных учреждений. Трудоустройству подлежали не только воспитанники, но и подростки, оставшиеся без родителей, потерявшие связь с родственниками и не обучавшиеся в школе. Выпускники по собственному желанию могли продолжить обучение, или трудоустроиться. Основным видом трудоустройства было направление в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО. При распределении детей в средние специальные учебные заведения, учитывалась территориальная близость детдомов и прикрепленного к нему училища или школы, а также профиль обучения воспитанников в детдомах. Некоторые воспитанники с огромным желанием получали высшее образование, но, как правило, процент таких подростков был незначительным. Большинство из них осознавали свою значимость, поэтому старались устроиться на работу в промышленный или сельскохозяйственный сектор республики.

Война разрушила тысячи семей, лишила детей родителей, сломала привычный уклад жизни, поэтому заботу о детях-сиротах взяло на себя государство. Несмотря на трудности военного времени и на выполнение первоочередных программ и мероприятий, нацеленных на оборону страны, советское правительство, как и прежде, выделяло материальные средства на обучение и воспитание подрастающего поколения. Да, возможно, зачастую малые суммы, но совместными усилиями наркоматов, республиканских, партийных органов власти, органов местного самоуправления, председателей совхозов и колхозов, общественных организаций и местных жителей были созданы удовлетворительные материально-бытовые условия для жизни воспитанников в детских домах и интернатах. Нарком просвещения

Удмуртской АССР Е.А. Никифорова вспоминала: «Всех детей нужно было накормить, обуть, обучить. Трудно словами высказать, сколько людей не спало целыми ночами, сколько хлопатало, пока решались эти вопросы. Всего не хватало – и одежды, и пищи, и обуви».³¹¹

По прошествии лет сложно дать объективную оценку ситуации, но следует признать, что для жизни детей в государственных учреждениях, действительно, старались создать хорошие условия. Об этом говорит и тот факт, что на послевоенных встречах бывшие воспитанники с теплотой отзывались о своих учителях и воспитателях, с благодарностью вспоминали Удмуртскую АССР и её жителей. В памяти сямсинских, каракулинских и дебесских воспитанников детские дома остались как родительские дома. Хотя они признавались, что в военные годы прошли в республике суровую школу воспитания, которая помогла им стать в жизни настоящими людьми.

Таким образом, необходимо подчеркнуть особую значимость накопленного опыта по защите детства, в том числе организации детских домов и интернатов в период Великой Отечественной войны, когда работа государственных и социальных органов складывалась в сложной обстановке разрухи и массовой миграции населения. Все формы и методы, применяемые в военное время для ликвидации беспризорности и безнадзорности в стране, безусловно, следует использовать и в наши дни с учетом современных обстоятельств.

³¹¹ Норкявичус, Ю. Память сердца – Дебессы / Ю. Норкявичус // Удмуртская правда. – 1985. – 15 дек.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Неопубликованные источники****Центральный государственный архив Удмуртской Республики****(ЦГА УР)**

Ф. Р-174. Удмуртский областной отдел народного образования: Оп. 1. Д. 10, 155.

Ф. Р-551. Совет Народных комиссаров УАССР: Оп. 1. Д. 344, 353, 398.

Ф. Р-568. Министерство здравоохранения УАССР: Оп. 2. Д. 38, 58.

Ф. Р-755. Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР: Оп. 1. Д. 5, 7, 57, 58, 80. Т. II, 255, 289, 291.

Ф. Р-738. Министерство просвещения УАССР: Оп. 1. Д. 57, 238, 287, 343, 346, 402, 534, 849, 1087, 1096, 1099, 1138, 1143, 1333, 1417, 1419, 1421, 1422, 1423, 1444, 1446, 1447, 1448, 1449, 1450, 1453. Т. I, 1454, 1454. Т. II, 1467, 1468, 1549, 1559, 1560, 1561, 1562, 1563, 1564, 1565, 1578, 1579, 1580, 1581, 1582, 1583, 1585, 1587, 1679, 1681, 1682, 1684, 1713, 1716, 1718, 1719, 1721, 1740, 1751, 1754, 1760, 1789, 1790, 1791, 1792, 1794, 1796, 1881, 1882, 1903, 1935, 1938, 1944, 1947.

Ф. Р-845. Статистическое управление Удмуртской АССР. Отдел статистики труда: Оп. 3. Д. 77.

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики**(ЦДНИ УР)**

Ф. 16. Вотский областной комитет РКП(б) и Удмуртский областной комитет ВКП(б): Оп. 1. Д. 935, 3589, 3823, 4242.

Ф. 92. Удмуртский республиканский комитет ВЛКСМ: Оп. 9. Д. 2.

Архивный отдел Администрации МО «Воткинский район» (АОАР)

Ф. 276. Протоколов и заседаний исполкома Воткинского района Совета депутатов трудящихся: Оп. 1. Д. 68.

Опубликованные источники

Законодательные и нормативные документы

Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. : сб. док. Вып. 2. / сост. Н. И. Болдырев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947.– 304 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945 гг. / зав. ред-ей Л.Ф. Декань. – М. : Политиздат, 1985. – 574 с.

Культурная жизнь в СССР. 1941–1950 : хроника / отв. ред. М. П. Ким. – М., 1977. – 524 с.

Культурное строительство в Удмуртии : сб. док. и материалов 1941–1975 гг. / под ред. А. А. Тронина. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 271 с.

Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – 546 с.

Охрана материнства и детства в СССР : сб. норматив. актов / сост. Р. Г. Мухина. – М. : Юрид. лит., 1986. – 366 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет, 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост.: К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. – М. : Полит. лит., 1968. – 751 с.

Сборник директивных, законодательных и ведомственных постановлений / сост. В. П. Чекменов. – 5-е изд. – М. : Юрид. изд-во НКП СССР, 1937. – 239 с.

Сборник нормативных актов / отв. ред. В. Н. Толкунова. – М. : Юрид. лит, 1979. – 289 с.

Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] : стат. сб. – Режим доступа : <http://www.tashv.nm.ru/StatSbornikVOV/StSbVOV25.html>. (Дата обращения: 16.04.2010).

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и другие законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 28. – Ст. 2880.

Литература

Азаров, А. И. Из истории народного образования Омской области [Электронный ресурс] / А. И. Азаров. – Режим доступа : <http://www.omskedu.ru/id=12>. (Дата обращения: 23.06.2009).

Академик В. П. Потемкин. Статьи и речи : библиогр. указ. тр. по вопросам нар. образования / под ред: И. А. Каирова, А. Г. Калашникова, Н. А. Константинова. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – 303 с.

Алнаши. Сердцу добрый свет / сост. И. В. Иванов. – Ижевск : Удмуртия, 2004. – 300 с.

А. В. Луначарский о народном образовании / сост. Ф. С. Озерская. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 556 с.

А. В. Луначарский. Мир обновляется / сост. И. А. Луначарская, Е. К. Дейч. – М. : Мол. гвардия, 1989. – 237 с.

Бабинская, С. П. Н. К. Крупская о детских домах / С. П. Бабинская // Ученые записки. Сер. Педагогика / под ред. Н.В. Зикеева, Н.П. Щербатова. – М., 1969. – Т. 251, Вып. 18. – С. 181–194.

Белоусов, С. Н. XII Пленум ЦК ВЛКСМ и задачи педагогики / С. Н. Белоусов // Советская педагогика. – 1944. – № 8/9. – С. 23–27.

Беляков, В. Забота о детях в годы войны / В. Беляков // Воспитание школьников. – 1987. – № 6. – С. 53–56.

Беспризорность // Большая советская энциклопедия : в 65 т. / под общ. ред. В. В. Куйбышева, В. П. Затонского. – М., 1930. – Т. 5. – С. 783–789.

Беспризорность детская // Педагогическая энциклопедия / под ред.: И. А. Каирова, Ф. Н. Петрова. – М., 1964. – С. 191–195.

Блинова, Э. Д. «Хай будзе чистае неба» / Э. Д. Блинова // Сестры: рассказы о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 54–64.

Боерайте, Э. Этого не забыть / Э. Боерайте // Сестры: рассказы о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 50–54.

Вайтукайтис, Л. Материнское тепло / Л. Вайтукайтис // Новый путь. – 1966. – 8 дек.

Ванюшев, В. Поклон тебе, Чепца родная! / В. Ванюшев // Комсомолец Удмуртии. – 1966. – 2 авг.

Ванюшев, В. Дебесская семья / В. Ванюшев // День Республики. 14 мая 1968 г. : сб. очерков, писем, репортажей, фотографий, интервью / сост.: А. Серов, Д. Черашняя. – Ижевск, 1969. – С. 202–203.

Ванюшев, В. Когда зацветет черемуха / В. Ванюшев // Сестры: рассказы о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 75–87.

Вахрушев, Я. Школьный интернат / Я. Вахрушев // Удмуртская правда. – 1941. – 28 нояб.

В Каракулинском детдоме // Удмуртская правда. – 1952. – 13 февр.

Вдовушкин, М. История Каракулинского детского дома / М. Вдовушкин // Каракулинский вестник. – 2005. – № 4. – С. 24.

В духе верноподданчества был открыт Озоно-Чепецкий сиротский приют // Звезда. – 2004. – 10 февр. ; 23 марта.

Верзилин, Н. М. Воспитание в детских домах во время войны : по материалам Ленинграда и Ленинград. обл. / Н. М. Верзилин // Советская педагогика. – 1943. – № 11/12. – С. 50–54.

Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 192 с.

Воскресенская, В. Забытые страницы / В. Воскресенская // Удмуртская правда. – 1989. – 7 янв.

Воспитание в пионерском отряде : вопросы содержания и методики работы / под ред. Б. Е. Ширвиндта. – М. : Просвещение, 1968. – 272 с.

Встреча с литовскими друзьями // Удмуртская правда. – 1966. – 29 июля.

Вязина, И. Удмуртские польские / И. Вязина // Центр. – 2006. – 1 июня.

Гавриленко, А. Дети Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / А. Гавриленко / Режим доступа : http://www.redstar.ru/2007/09/05_09/5_07.html. (Дата обращения: 04.02.2010).

Генезис детской беспризорности и безнадзорности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.allbest.ru/law/00002829.html>. (Дата обращения: 09.03.2007).

Герашенко, В. С. Госбанк в годы Великой Отечественной войны / [Электронный ресурс] / В. С. Герашенко. – Режим доступа : <http://www.budgertf.ru/Publications/Magazines/Vestnik/2000/VestnikCBR05052000/VestnikCBR05052000020.htm>. (Дата обращения: 17.01.2010).

Горбушина, А. Тихая гавань в житейском море / А. Горбушина // Красное знамя. – 2001. – 15 авг.

Груздев, П. Н. Вопросы трудового воспитания в детском доме и интернате / П. Н. Груздев // Советская педагогика. – 1945. – № 8. – С. 24–32.

Двадцатилетие Шарканского детского дома // Удмуртская правда. – 1945. – 27 июля.

Дебесско-литовская дружба // Удмуртская правда. – 1971. – 18 нояб.

Дементьева, И. Ф. Социальное сиротство: генезис и профилактика / И. Ф. Дементьева – М. : Гос. науч.-исслед. ин-т семьи и воспитания, 2000. – 45 с.

Дети войны: о судьбах детей, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Горьковскую область [Электронный ресурс] / Комитет

по делам архивов Нижегородской области. – Режим доступа : <http://www.government.nnov.ru/?id=2995>. (Дата обращения: 27.12.2009).

Дети из Литвы в Удмуртию / под ред. Н. А. Капустина // Архивы Урала. – 1996. – № 1. – С. 184–199.

Детская беспризорность // Большая советская энциклопедия. В 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1972. – Т. 8. – С. 150–151.

Детский дом // Большая советская энциклопедия. В 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1972. – Т. 8. – С. 161.

Детский дом военного времени // Звезда. – 1995. – 9 февр.

Детский дом отдыха // Удмуртская правда. – 1945. – 9 янв.

Детский эшелон: из Прибалтики в Удмуртию // Лица победы : сб. очерков о Великой Отечественной войне / ред. совет Э. В. Касимов, Т. А. Снегирева [и др.]. – Ижевск, 2005. – С. 56.

Дмитриев, К. Домой на Родину / К. Дмитриев // Удмуртская правда. – 1946. – 24 мая.

Ерамасова, Е. К 50-летию Каракулинского детского дом : незабываемые годы / Е. Ерамасова // Прикамская правда. – 1991. – 31 янв.

Ефимов, Л. А. Чувашия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Электронный ресурс] / Л. А. Ефимов. – Режим доступа : http://www.lib.cap.ru/date_may_05_3.asp. (Дата обращения: 23.09.2008).

Жаравин, В. Польские детские учреждения в Кировской Области [Электронный ресурс] / В. Жаравин. – Режим доступа : <http://www.gaspiko.ru/html/articles>.

Забота о детях-сиротах // Удмуртская правда. – 1945. – 22 мая.

Зарецкий, М. И. Учебно-производственные мастерские при школах в 1941–1943 гг. / М. И. Зарецкий // Советская педагогика. – 1944. – № 1. – С. 49–56.

Зарецкий, М. И. Общественно-производительный труд учащихся / М. И. Зарецкий // Советская педагогика. – 1945. – № 7. – С. 59–64.

Зезина, М. Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР / М. Р. Зезина // Педагогика. – 2000. – № 3. – С. 58–67.

Зезина, М. Р. Без семьи: сироты послевоенной поры / М. Р. Зезина // Родина. – 2001. – сент. – С. 82–87.

Зенич, М. С. Всенародная помощь детям в период Великой Отечественной войны / М. С. Зенич // Советская педагогика. – 1985. – № 5. – С. 17–23.

Зимин, П. В. Об отмене в школе социалистического соревнования по вопросам учебной работы / П. В. Зимин // Советская педагогика. – 1944. – № 7. – С. 40–46.

Зимин, П. В. «Правила учащихся» и воспитательная работа школы / П. В. Зимин // Советская педагогика. – 1944. – № 11/12. – С. 13–20.

Ившина, Н. А. Селу Якшур-Бодья – 300 лет [Электронный ресурс] / Н. А. Ившина. – Режим доступа : http://www.gasur.ru/Editions_and_publications/pub_arh/2010/06/list4.php. (Дата обращения: 05.05.2010).

Ившина, Н. А. Эвакуация в Якшур-Бодьинском районе Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] / Н. А. Ившина. – Режим доступа : <http://www.gasur.narod.ru/cjmarsh/municip/2005/03.htm>. (Дата обращения: 05.05.2010).

Изакович, Т. М. Для счастья детей / Т. М. Изакович, Р. Рифтина // Удмуртская правда. – 1979. – 27 окт.

Изакович, Т. М. Здравствуйте, братья и сестры / Т. М. Изакович // Удмуртская правда. – 1991. – 13 июля.

Из истории Карсовая // Вперед. – 1993. – 18 нояб.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т. 2 / пред-ль П. Н. Поспелов. – М. : Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1963. – 676 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 6 / редкол.: Н. П. Пospelов, А. И. Антонов, Н. А. Журавлев [и др.] – М. : Воен. изд-во Мин-ва Обороны СССР, 1965. – 616 с.

История Советского государства и права накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1936–1945 гг. Кн. III. / отв. ред. А. П. Костицын. – М. : Наука, 1985. – 357 с.

История Удмуртии XX век / под ред. К. И. Куликова. – Ижевск : Удмуртия, 2005. – 542 с.

Казанцев, Д. Годы и люди: Марите / Д. Казанцев // Удмуртская правда. – 1965. – 24 янв.

Каиров, И. А. К вопросу об укреплении дисциплины в школе / И. А. Каиров // Советская педагогика. – 1943. – № 7 – С. 21–26.

Каиров, И. А. Воспитание любви к родине / И. А. Каиров // Советская педагогика. – 1944. – № 1. – С. 4–10.

Калинин, М. И. О коммунистическом воспитании : докл. на собрании парт. актива города Москвы, 2 окт. 1940 г. / М. И. Калинин // О коммунистическом воспитании : избр. ст. и речи / сост. М. Черненко, З. Тышкевич. – М., 1947. – С. 69–90.

Калинин М. И. О воспитании и обучении : избр. ст. и речи / М. И. Калинин. – М. : Учпедгиз, 1957. – 344 с.

Калинин, М. И. Речь на совещании учителей-отличников городских и сельских школ, созванной редакцией «Учительской газеты» / М. И. Калинин // Избранные произведения, 1933–1941 гг. : в 4 т. / М. И. Калинин ; сост. Н. Н Симагин, Ц. Л. Бейлина. – М., 1962. – Т. 3. – С. 317–333.

Калинина, С. В. Военно-патриотическое воспитание учащихся в предвоенное десятилетие / С. В. Калинина // Советская педагогика. – 1985. – № 5. – С. 11–17.

Карасене, М. Ничто не забыто / М. Карасене // Сестры: рассказ о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 64–67.

Карпова, Л. М. Деятельность органов Внутренних дел УАССР по организации борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной Войны в 1941–1945 гг. / Л. М. Карпова // Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы, 7–8 апр. 2005 г., Ижевск / под ред. А. Л. Кузнецова, Н. К. Коробейниковой, К. И. Куликова. – Ижевск, 2005. – С. 175–178.

Козлова, Л. Сильная женщина / Л. Козлова // Известия Удмуртской Республики. – 1997. – 30 сент.

Козловский, К. И. Труд школьников в годы Великой Отечественной войны / К. И. Козловский // Школа и производство. – 1973. – № 5. – С. 12–13.

Колхозный детский дом // Удмуртская правда. – 1944. – 25 мая.

Колчина, Ю. О детской беспризорности / Ю. Колчина // Удмуртская правда. – 1940. – 12 июля.

Комарова, Т. Дебессы – родина нашего детства / Т. Комарова, С. Ширококов // Новый путь. – 1966. – 28 июля.

Константинов, Н. А. История педагогики : учеб. для студентов пед. ин-тов / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаетова. – М. : Просвещение, 1974. – 447 с.

Котов, А. И. Социальная защита детей-сирот в Белоруссии в послевоенные годы / А. И. Котов // Педагогика. – 2002. – № 5. – С. 82–85.

Конюс, Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества, 1917–1940 гг. / Э. М. Конюс. – М. : Изд-во Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. – 348 с.

Конюхова, Т. Ф. Огненное детство и юность : очерк / Т. Ф. Конюхова. – Ижевск : Удмуртия, 2007. – 32 с.

Коржихина, Т. П. История и современная организация государственных учреждений СССР, 1917–1972 гг. : учеб. пособие / Т. П. Коржихина – М. : Высшая школа, 1974. – 308 с.

Коробова, А. Ф. Судьбой и временем хранимы / А. Ф. Коробова. – Малая Пурга, 2006. – 70 с.

Костицына, Т. П. Родина, родина, ты – это мы! : очерки истории пионер. орг. Удмуртии / Т. П. Костицына. – Ижевск : Удмуртия, 1980. – 272 с.

Костицына, Т. Я твой – революция! : сб. очерков о пионерах Удмуртии / Т. Костицына. – Ижевск : Удмуртия, 1991. – 270 с.

Кочнев, А. Колхозные детские дома / А. Кочнев // Удмуртская правда. – 1945. – 5 апр.

Красноперова, Н. Был детский дом в Сям-Можге / Н. Красноперова // Увинская газета. – 2000. – 1 авг.

Кривоносов, А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью / А. Н. Кривоносов // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92–98.

Крупская, Н. К. Женщина-работница / Н. К. Крупская. – М., 1926. – 56 с.

Крупская, Н. К. На третьем фронте : ст. и речи. Ч. I. Социальное воспитание детей и подростков / Н. К. Крупская – М. : Работник просвещения, 1927. – 155 с.

Крупская, Н. К. О коммунистическом воспитании школьников : сб. ст., выступ. и писем / Н. К. Крупская ; сост.: О. И. Грекова, К. А. Гусева, А. О. Кудрявцева. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1987. – 255 с.

Кто и как о нем заботиться? [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.klass-teatr.ru/?section=tt63>. (Дата обращения: 07.04.2005).

Кто из Тулы, а кто из Рязани // Рассвет. – 2005. – 21 июня.

Кузнецов, П. К. Культурная революция в УАССР, 1917–1958 гг. / П. К. Кузнецов. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – 550 с.

Культурное строительство в Удмуртии, 1941–1975 гг. : сб. док. и материалов / под ред. А. А. Тронина. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 271 с.

Куманев, В. А. Школа – фронту / В. А. Куманев // Советская культура в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. М. П. Ким. – М., 1976. – 270 с.

Куманев, Г. А. На службе фронта и тыла / Г. А. Куманев. – М. : Наука, 1976. – 452 с.

Куманев, Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945 гг. / Г. А. Куманев. – М. : Наука, 1988. – 367 с.

Куманев, Г. А. Рядом со Сталиным / Г. А. Куманев. – Смоленск : Русич, 2001. – 520 с.

Куманев, Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 гг. / Г. А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

Куманев, Г. А. Проблемы военной истории Отечества, 1938–1945 гг. / Г. А. Куманев. – М. : Собрание, 2007. – 654 с.

Кутявина, Г. Из истории Уканского детдома / Г. Кутявина // Сельская правда. – 1996. – 21 мая.

Куфаев, В. И. Забота о детях в дни отечественной войны / В. И. Куфаев // Советская педагогика. – 1942. – № 8/9. – С. 24–31.

Левитов, Н. Д. Дети и отечественная война: к вопросу об изучении психологии детей в условиях великой отечественной войны / Н. Д. Левитов, Н. А. Рыбников // Советская педагогика. – 1942. – № 3/4. – С. 109–115.

Лекомцева, Т. Байвальский детский дом / Т. Лекомцева // Светлый путь. – 1999. – 31 июля.

Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 21 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1970. – 679 с.

Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 38 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1981. – 579 с.

Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 45 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1982. – 729 с.

Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 54 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 401 с.

Летний отдых детей // Удмуртская правда. – 1944. – 31 мая.

Летнему отдыху детей – повседневное внимание // Удмуртская правда. – 1945. – 30 мая.

Ливанова, Г. Был в Сюмсях детский дом / Г. Ливанова // Знамя. – 1995. – 30 мая.

Лившин, А. Я. Пропаганда и политическая социализация / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 99–105.

Лидина, Ф. Документы рассказывают... / Ф. Лидина // Путь октября. – 1990. – 2 окт.

Ложкина, И. А. Воспитание и образование в детских домах Удмуртии в 20-е годы XX века / И. А. Ложкина // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи», 28–29 нояб. 2007 г., Кудымкар / сост. А. Е. Коньшин, А. С. Савельев. – Кудымкар, 2007. – Т. 2. – С. 10–15.

Ложкина, И. А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью в Вотской области в первой трети XX века / И. А. Ложкина // Материалы Лихачевских чтений, 3–5 апр. 2008 г., Казань / под ред. Л. Г. Алексеевой. – Казань, 2008. – С. 243–247.

Ложкина, И. А. Детские дома и интернаты в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Девятая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция : материалы конф. / отв. ред. Н. И. Леонов. – Ижевск, 2008. – С. 20–22.

Ложкина, И. А. Педагогическая работа в детских домах Удмуртии в 1920–30-е гг. XX века / И. А. Ложкина // Всероссийские общественно-исторические чтения имени Владимира Николаевича Русанова, 22 авг. 2008 г., Оса / под общ. ред. Т. В. Сапожниковой. – Оса, 2008. – С. 64–66.

Ложкина, И. А. Эвакуация и реэвакуация детских учреждений в Удмуртскую АССР в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Удмуртии в состав Рос. гос., 20–22 мая 2008 г., Ижевск / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск, 2008. – С. 663–670.

Ложкина, И. А. Польские и литовские дети в детских домах Удмуртии в годы Великой Отечественной войны / И. А. Ложкина // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2009. – Вып. 2. – С. 156–162.

Ложкина, И. А. Эвакуированные детские дома и интернаты Удмуртской АССР в 1941–1945 гг. / И. А. Ложкина // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная сер. – 2009. – Вып. 5 (71). – С. 152–157.

Лукьянов, Е. В Каракулинском детском доме, окруженные заботой / Е. Лукьянов // Комсомолец Удмуртии. – 1957. – 17 июля.

Любимов, А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. – М. : Экономика, 1968. – 231 с.

Любовь моя – Дебесская земля / под ред. В. А. Перевощиковой. – Ижевск : Удмуртия, 2002. – 127 с.

Максимова, З. Детскому дому 30 лет / З. Максимова // Вперед. – 1971. – 28 авг.

Малышева, Л. М. Дети войны / Л. М. Малышева // Советская педагогика. – 1985. – № 5. – С. 23–26.

Малышева, Л. Был в Котловке детдом / Л. Малышева // Сельская новь. – 1999. – 16 марта.

Мацянкас, С. Не забыть тех лет / С. Мацянкас // Новый путь. – 1972. – 29 июня.

Между Чепцой и Камой. Взгляд сквозь годы и века. Балезинский район / под ред. К. Н. Дзюиной. – Ижевск : Удмуртия, 2002. – 383 с.

Мельникова, Э. Профилактика беспризорности детей и подростков / Э. Мельникова // Правозащитник. – 1999. – № 2. – С. 22–25.

Мерзлякова, Т. Призывной свет доброты / Т. Мерзлякова // Огни Прикамья. – 1991. – № 3. – С. 13–18.

Микоян, А. И. В первые месяцы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. – 1985. – № 6. – С. 93–104.

Митерев, Г. А. В дни мира и войны / Г. А. Митерев. – М. : Медицина, 1975. – С. 256.

Михайлов, В. Сарапульский детский дом / В. Михайлов // Удмуртская правда. – 1994. – 2 июня.

Мышкина, О. Дети из Литвы в Удмуртию / О. Мышкина // Архивы Урала. – 1996. – № 1. – С. 184–195.

Народное образование // Удмуртская Республика : энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев. – Ижевск : Удмуртия, 2004. – 799 с.

Нарымская хроника, 1930–1945 гг.: трагедия спецпереселенцев : док. и воспоминания / сост. В. Н. Макшеев. – М.: Русский путь, 1997. – 254 с.

Немного из истории детского дома [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.childish.ru/histori.htm>. (Дата обращения: 23.08.2006).

Нечаев, Н. В. Сельскохозяйственная работа школьников / Н. В. Нечаев // Советская педагогика. – 1942. – № 7. – С. 3–8.

Нечаев, Н. В. К итогам работы школьников на полях колхозов и совхозов в 1942 г. / Н. В. Нечаев // Советская педагогика. – 1943. – № 1. – С. 25–32.

Нечаева, А. М. Правовая охрана детства в СССР / А. М. Нечаева. – М. : Наука, 1987. – 110 с.

Нечаева, А. М. Лишних детей не бывает / А. М. Нечаева // Семья и школа. – 1991. – № 12. – С. 52–53.

Нечаева, А. М. Дети-сироты в России: послеоктябрьский период / А. М. Нечаева // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 120–127.

Нечаева, А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление / А. М. Нечаева // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 57–65.

Николаев, А. Новые детские дома / А. Николаев // Удмуртская правда. – 1945. – 10 янв.

Николаев, А. В родной семье / А. Николаев // Удмуртская правда. – 1961. – 25 февр.

Новиков, С. А. Детские учреждения для польских детей в СССР / С. А. Новиков // Советская педагогика. – 1945. – № 8. – С. 9–13.

Новые проекты колхозных детских домов // Удмуртская правда. – 1945. – 23 мая.

Норкявичус, Ю. Память сердца – Дебессы / Ю. Норкявичус // Удмуртская правда. – 1985. – 15 дек.

Обухов, А. П. Народное образование в Удмуртской АССР, 1917–1970 гг. / А. П. Обухов. – Ижевск : Удмуртия, 1972. – С. 229.

Опалев, В. Г. Ленинские принципы пролетарского интернационализма / В. Г. Опалев. – Ижевск : Удмуртия, 1969. – 19 с.

Опыт российской модернизации. XVIII–XX вв. / редкол.: Е. Т. Артемов, К. И. Зубков, Б. В. Личман [и др.]. – М. : Наука, 2000. – 246 с.

Ослон, В. Н. Замещающая профессиональная семья, как одна из моделей решения проблемы сиротства в России / В. Н. Ослон, А. Б. Холмогорова // Вопросы психологии. – 2001. – № 3. – С. 79–90.

Остроумова, Н. Все хорошее в них с берегов Камы / Н. Остроумова // Аргументы и факты. – 2001. – 10 дек. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. / редкол.: Б. С. Вихарев, И. П. Емельянов [и др.]. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1962. – 388 с.

Палецких, Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. – Челябинск : Челябинский агроинженерный университет, 1995. – 184 с.

Памяти учителя : некролог // Удмуртская правда. – 1992. – 7 янв.

Певзнер, С. М. Из Дускининка в Удмуртию : письмо С. М. Певзнеру / С. М. Певзнер // Сестры: рассказы о дружбе, проверенной временем / сост. Г. С. Симаков. – Ижевск, 1975. – С. 8–17.

Педагогические взгляды и деятельность Н. К. Крупской / под ред. Н. К. Гончаровой. – М. : Просвещение, 1969. – 398 с.

Писаренко, И. С. Советское школьное право во Время Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / И. С. Писаренко. – Режим доступа : // <http://www.edacution.rekom.ru>. (Дата обращения: 08.10.2009).

Победа, 1945–1990 гг. / сост. Ю. Т. Сухоруков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 174 с.

По детским домам Удмуртии // Ижевская правда. – 1935. – 16 сент.

Поломский, Н. А. Забота трудящихся Удмуртской АССР о детях, оставшихся без родителей в годы войны / Н. А. Поломский // Удмуртская АССР – фронту : патриот. движения населения респ. в 1941–1945 гг. / отв. ред. Н. А. Родионов. – Ижевск, 1988. – С. 111–140.

Помощь интернациональному детскому дому // Удмуртская правда. – 1937. – 2 нояб.

Попов, А. В день 100-летия меня поздравил Клинтон / А. Попов // Центр. – 2006. – 15 июня.

Потемкин, В. П. Об улучшении качества обучения и воспитания в школе / В. П. Потемкин // Советская педагогика. – 1944. – № 11/12. – С. 1–12.

Потемкина, М. Н. Эвакуация и национальные отношения в Советском тылу в годы Великой Отечественной войны: на материалах Урала / М. Н. Потемкина // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 148–154.

Прифронтной город. [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.militera.lib.ru>. (Дата обращения: 07.04.2008).

Пронь, Л. Сто лет детскому дому / Л. Пронь // Панорама. – 1996. – 29 нояб.

Расулева, В. М. Детские дома в Чкаловской области в послевоенный период / В. М. Расулева // Емельяновские чтения : материалы I Межрегион. научно-практ. конф. / Курган. гос. ун-т, Курган. обл. о-во краеведов – Курган, 2006. – С. 136–138.

Репников, Д. Великая Отечественная война и новые направления в деятельности органов государственного управления Удмуртской АССР / [Электронный ресурс] / Д. Репников. – Режим доступа : <http://www.udmurt.info/library/repnikov/novnaprav1.htm>. (Дата обращения: 25.10.2010).

Речь Народного комиссара народного просвещения академика В. П. Потемкина на VI сессии Верховного Совета РСФСР 1-го созыва 7 июня 1945 г. // Советская педагогика. – 1945. – № 7. – С. 1–3.

Риверс, С. М. О постановке воспитательной работы в школьном интернате / С. М. Риверс // Советская педагогика. – 1941. – № 11/12. – С. 22–36.

Роготнева, Г. Мы дружною сильны / Г. Роготнева // Пропагандист и агитатор. – 1977. – № 21. – С. 21–22.

Родионова, И. Становление концепции советского патриотизма / И. Родионова // Власть. – 2009. – № 4. – С. 152–156.

Родионов, Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) / Н. А. Родионов // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии : сб. ст. / редкол.: Н. Г. Сандалов, А. И. Суханов, Н. А. Родионов [и др.]. – Устинов, 1986. – С. 141–165;

Родионов, Н. А. Реевакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. / Н. А. Родионов // Новые исследования по истории Удмуртии : сб. ст. / А. В. Яковлев (отв. ред.), Н. А. Родионов, Л. Ф. Шкляева. – Ижевск, 1991. – С. 186–205.

Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 1 / гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Больш. Росс. Энцикл-я, 1983. – С. 607.

История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 6 / редкол.: Н. П. Пospelов, А. И. Антонов, Н. А. Журавлев [и др.] – М. : Воен. изд-во Мин-ва Оборонь СССР, 1965. – 616 с.

Рябов, И. М. Сюмси. Век за веком, за годом год / И. М. Рябов. – Ижевск : Удмуртия, 1999. – 248 с.

Светлянской школе 100 лет // Воткинские вести. – 1992. – 26 авг.

Своим трудом приблизили победу: тыловой Сарапул 1941–1945 гг. / сост. Н. Г. Маслова. – Сарапул, 2005. – 9 с.

Сентякова, С. Каракулино – это судьба / С. Сентякова // Отчий край : кн. для чтения по удмурт. краеведению, 10–11 кл. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – 194 с.

Сергеев, В. Отмечая юбилей / В. Сергеев // Алнашский колхозник. – 1996. – 21 дек.

Сергеев, Г. Вместе дружная семья / Г. Сергеев // Комсомолец Удмуртии. – 1981. – 8 дек.

Сергеев, Т. К 40-летию Нылгинского детского дома / Т. Сергеев // Комсомолец Удмуртии. – 1981. – 8 дек.

Синицын А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны / А. М. Синицын // Вопросы истории. – 1969. – № 6. – С. 20–29.

Синицын, А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Синицын. – М. : Воен. изд., 1985. – 318 с.

Синщкас, В. Дебесы – Литва / В. Синщкас // Комсомольская правда. – 1972. – 25 мая.

Сиротство в истории России [Электронный ресурс] / А. Гезалов. – Режим доступа : <http://www.eparhia.onego.ru/sirota.htm>. (Дата обращения: 07.09.2010).

Славко, А. А. Динамика численности беспризорных детей в России, 1920–1940 гг. / А. А. Славко // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 160–164.

Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / под ред. И. А. Гладкова. – М. : Наука, 1970. – 503 с.

Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943 гг. / отв. ред. А. В. Митрофанова. – М. : Наука, 1989. – 392 с.

Солдатенков, И. Ф. Детские дома / И. Ф. Солдатенков, М. Е. Буренков // 50 лет Советского социалистического обеспечения: материалы конф. / Центр. науч.-исслед. ин-т экспертизы трудоспособности и организации труда и инвалидов – М., 1968. – С. 151–157.

Социальная педагогика : курс лекций / под ред. М. А. Галагузовой. – М. : Владос, 2000. – 415 с.

Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии 1917–1991 гг. / сост. О. М. Безносова, С. Т. Дерендяева, А.А. Королева. – Ижевск : Удмуртия, 1995. – 744 с.

Столяров, П. А. К вопросу о польских детских домах на территории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / П. А. Столяров. – Режим доступа : http://www.zhurnal.lib.ru/s/stoljarow_p_a/lc.shtml. (Дата обращения: 28.05.2007).

Стрелкова, Л. Детский дом – наша судьба / Л. Стрелкова // Алнашский колхозник. – 2001. – 11 авг.

Султангужина, Г. Ю. Об оказании социальной помощи сельскому населению БАССР в годы Великой Отечественной войны / Г. Ю. Султангужина // Археография Южного Урала. Подвиг народов России в Великой Отечественной войне : материалы V Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, 29 апр. 2005 г., Уфа / отв. ред. А. Б. Юносова. – Уфа, 2005. – С. 158–162.

Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / авт.-сост.: А. А. Иванов, Ф. С. Хабибуллина. – Казань : Книга памяти, 2000. – 399 с.

Титова, О. Был в Сюмсях детский дом / О. Титова // Знамя. – 1985. – 16 апр.

Третьяков, А. Что было, как дома / А. Третьяков // Комсомолец Удмуртии. – 1979. – 23 янв.

Турова, Е. П. Дети Челябинской области в годы Великой Отечественной войны / Е. П. Турова // Архивы Урала. – 1996. – № 1. – С. 123–124.

Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. / под ред. Е. П. Никитина. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – 236 с.

Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. док. / сост. И. Н. Зайцева, Е. П. Никонова. – Ижевск : Удмуртия, 1995. – 368 с.

Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] : мультимед. диск / науч. ред. Т. Н. Ефремова ; сост.: Р. М. Губайдуллин, Н. В. Тойкина, С. В. Чучалов [и др.] – Ижевск, 2009.

Удмуртия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. Г. В. Мерзлякова, Н. А. Родионов. – Ижевск : УИИЯЛ Уро РАН, 1996. – 308 с.

- Ульянова, Г. Детский дом / Г. Ульянова // Светлый путь. – 1990. – 12 окт.
- Урасинов, Г. В. Ниточка дружбы небесцев с литовцами сохраняется / Г. В. Урасинов, В. М. Стрелков // Новый путь. – 1991. – 27 июля.
- Фертиков, П. Был в деревне детдом / П. Фертиков // Рассвет. – 2002. – 26 апр.
- Ферун, З. Четыре года в Удмуртии / З. Ферун // Удмуртская правда. – 1991. – 19 июля.
- Фролова, Г. Д. Из истории удмуртской школы / Г. Д. Фролова. – Ижевск : Удмуртия, 1971. – 155 с.
- Хрестоматия по истории Удмуртии : док. и материалы, 1917–2007 гг. Т. 2. / науч. ред. Л. Н. Бехтерева, К. И. Куликов ; сост.: О. И. Васильева [и др.] – Ижевск : Удмурт. ин-т истории яз. и лит. УрО РАН, 2007. – 769 с.
- Чазова, В. В 20-м было начало / В. Чазова // Вестник. (Шарканский район) – 1995. – 15 июля.
- Черник, С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны : ист.-пед. исслед. / С. А. Черник. – М. : Педагогика, 1984. – 240 с.
- Черных, Н. П. Польский детский дом в Удмуртии, 1941–1946 гг. / Н. П. Черных // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность : тез. докл. и сообщ. регион. науч. конф. / Глазов. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, Комитет по делам нац. при правительстве УР, Глазов. краевед. музей. – Глазов, 1995. – С. 166–168.
- Шкляева, А. Ф. Интеллигенция Удмуртской АССР в годы суровых испытаний / А. Ф. Шкляева // Советская Удмуртия в годы Великой Отечественной войны : сб. ст. / под ред. Зубарева. – Устинов, 1975. – С. 53–73.
- Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов, 1917–1959 гг. / гл. ред. С. Г. Струмилин. – М. : Сов. энцикл., 1961. – 780 с.
- Эскин, Н. Был в Палагае детский дом / Н. Эскин // Знамя. – 1994. – 19 марта.

Список диссертаций и авторефератов

Ермаков, Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): ист.-прав. аспект : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Ермаков. – Москва, 2002. – 157 с.

Жиляева, С. К. Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1951 гг.) : ист.-прав. исслед. : дис. ... канд. юрид. наук / С. К. Жиляева. – Орел, 2004. – 198 с.

Потемкина, М. Н. Эвакуационно-резэвакуационные процессы и эвакуационное население на Урале в 1941–1948 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / М. Н. Потемкина. – Екатеринбург, 2004. – 466 с.

Рогачева, Л. И. Деятельность государственных и общественных организаций по охране детства и юношества страны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Л. И. Рогачева. – М., 2001. – 198 с.

Романович, С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. / С. В. Романович. – Оренбург, 2006. – 238 с.

Семина, Н. В. Борьба с детской беспризорностью в 1920–1940 гг. в России: на примере Пензенского региона : дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Семина. – Пенза, 2007. – 283 с.

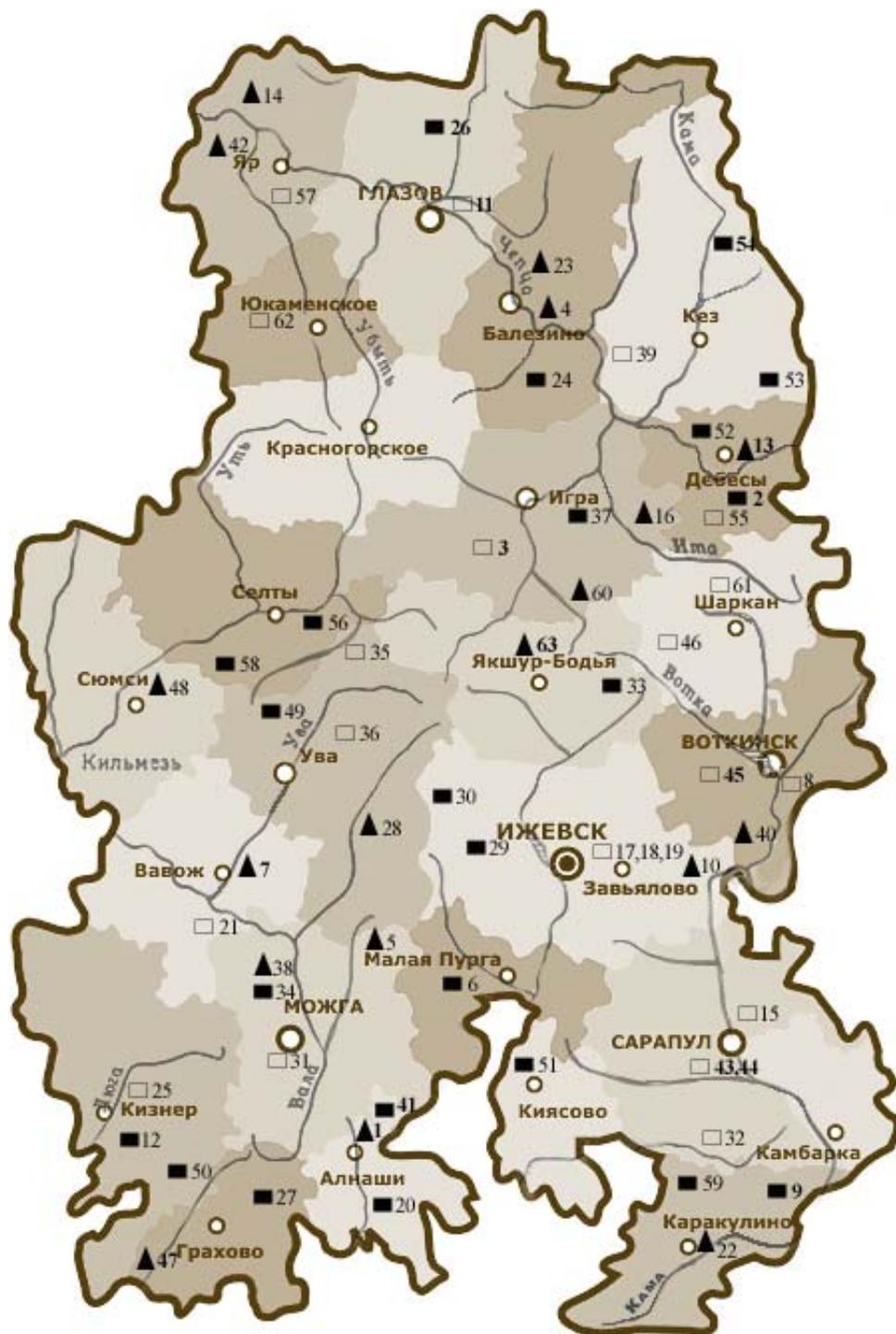
Смирнова, Н. В. Деятельность органов НКВД-МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.): историко-правовой аспект : дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Смирнова. – СПб., 1997. – 241 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БГСО – «Будь готов к санитарной обороне» (комплекс мер)
- ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
- ГКО – Государственный комитет обороны
- Главучтехпром – Главное управление учебно-технической промышленности
- ГорОНО – городской отдел народного образования
- ГСО – «Готов к санитарной обороне» (комплекс мер)
- ДПР – детские приемники-распределители
- Комполдет – Комитет по делам польских детей в СССР
- МПВО – Министерство противовоздушной обороны
- Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности
- Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
- Наркомсобес – Наркомат социального обеспечения
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- НКЗ – Народный комиссариат здравоохранения
- НКП – Народный комиссариат просвещения
- НКТ – Народный комиссариат торговли
- НКФ – Народный комиссариат финансов
- НКЮ – Народный комиссариат юстиции
- ОК – областной комитет
- ПВХО – Противовоздушная химическая оборона
- РОНО – районный отдел народного образования
- Торготдел – торговый отдел
- ФЗО – школа фабрично-заводского обучения
- ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества
- ЦК Помгол – Центральная комиссия по борьбе с голодом
- ШКМ – школа колхозной молодежи

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 2. Размещение детских учреждений в Удмуртской АССР. 1945 г.*



Условные обозначения:

- Колхозные, межколхозные
- Местные
- ▲ Эвакуированные

* Источники: см. прил. 2, табл. 3.

Табл. 1. Наличие обмундирования в детских домах и интернатах Удмуртской АССР (на 1 января 1942 г.)*

№	Наименование детских учреждений	Количество														
		детей	простыней	пододеяльников	наволочек	полотенец	нательного белья	костюмов	платьев	фуфаяк	пальто	шапок	валенок	ботинок	галоз	одеял
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	Байвальский детский дом с особым режимом**	60	198	-	128	105	600	31	-	77	56	-	31	-	-	47
2	Глазовский школьный детдом**	122	590	-	487	184	395	96	390	20	179	134	62	225	157	137
3	Ершовский школьный детдом**	78	261	18	293	355	373	159	305	176	78	88	73	150	28	159
4	Ижевский дошкольный детдом**	65	233	129	292	188	241	65	441	65	65	66	50	65	65	65
5	Каменноключинский школьный детдом**	115	338	-	273	212	686	60	236	110	51	98	84	235	76	152

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
6	Кокманский школьный детдом**	200	606	-	797	719	732	228	689	32	252	227	144	352	42	242
7	Можгинский школьный детдом**	167	670	-	701	491	378	135	416	154	243	71	113	345	-	321
8	Мостовинский школьный детдом**	80	-	-	сведе ния отсут ству ют											
9	Новозятцинский школьный детдом**	213	418	-	630	528	642	116	315	179	226	208	148	164	34	254
10	Новомултанский школьный детдом № 2**	178	552	-	844	610	84	339	236	202	190	69	290	-	369	25
11	Озоно-Чепецкий школьный детдом**	212	589	-	636	444	559	53	484	73	244	88	59	251	45	249
12	Сарапульский дошкольный детдом № 1**	147	850	262	785	907	1554	372	1363	424	328	327	286	673	298	216
13	Сарапульский школьный детдом № 6**	146	240	-	333	268	310	313	378	222	146	108	-	157	13	188

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
14	Светлянский школьный детдом**	96	300	123	420	388	392	80	301	98	174	205	69	252	149	216
15	Сосновский дошкольный детдом**	201	845	-	608	551	935	425	977	164	490	679	415	420	394	327
16	Шарканский школьный детдом**	150	775	-	681	531	499	160	677	147	283	83	144	319	27	315
17	Алнашский школьный детдом°	144	269	-	385	176	537	252	466	68	225	162	72	102	2	325
18	Зуринский школьный детдом°	106	1016	-	1194	1108	1025	49	486	115	115	78	192	264	109	308
19	Вавожский дошкольный детдом°	122	663	42	231	219	293	150	150	23	179	64	70	129	21	338
20	Большенорьинский дошкольный детдом°	98	290	141	306	390	292	-	50	4	31	-	29	-	55	125
21	Игринский дошкольный интернат°	89	208	185	300	269	247	-	115	-	44	90	-	30	-	216

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
22	Нылгинский дошкольный интернат ^о	123	667	241	332	336	200	73	127	-	93	123	44	31	-	208
23	Кыйлудский школьный интернат ^о	105	255	16	180	370	240	36	53	-	20	40	45	55	-	111
24	Новомултанский школьный детдом ^о	105	428	229	445	331	534	276	596	66	143	94	95	299	95	100
25	Староятчинский детдом ^о	77	74	-	100	154	208	102	95	63	72	60	21	82	-	103
26	Каракулинский школьный интернат ^о	167	316	-	406	305	311	38	108	-	120	167	60	227	-	174
27	Якшур-Бодьинский школьный детдом ^о	131	313	107	150	401	554	13	269	51	169	102	118	153	100	111
28	Люмский школьный детдом ^о	110	533	128	390	395	319	69	279	116	109	131	93	10	29	204
29	Уканский школьный детдом ^о	155	560	35	507	625	711	149	240	130	172	177	199	140	49	204

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
30	Карсовайский дошкольный детдом [°]	87	179	25	400	304	287	-	370	58	92	77	82	132	87	98
31	Гольянский школьный интернат [°]	121	619	-	354	330	96	4	47	-	68	54	29	108	-	238
32	Шарканский школьный детдом № 2 [°]	256	432	-	242	275	24	4	129	48	166	47	-	13	-	179
33	Увинский школа-интернат [°]	50	сведения отсутствуют													
34	Балезинская спецшкола [°]	100	581	-	790	855	774	284	-	-	149	101	-	187	-	206

* - единица измерения (шт.)

° - эвакуированные

** - местные

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Т. II. Л. 166.

Табл. 2. Список местных детских учреждений в Удмуртской АССР к концу 1941 г.

№	Виды детских учреждений	Адрес размещения в УАССР	Кол-во детей	Ф.И.О. директора, завуча	С какого времени существует /число, месяц, год/	Дата утверждения НКП /число, месяц, год/
1	2	3	4	5	6	7
1	Байвальский школьный детдом с особым режимом	Игринский район, д. Байвал	60	Тимофеев Егор Федорович	24 августа 1940 г.	13 января 1928 г.
2	Глазовский школьный детдом	г. Глазов, ул. Энгельса, 13	122	Касаткин Федор Вармеевич	октября 1921 г.	17 ... (пробел в документе) 1932 г.
3	Ершовский школьный детдом	Сарапульский район, с. Ершовка	78	Дудорова Александра Семеновна	сведения отсутствуют	9 октября 1940 г.
4	Ижевский дошкольный детдом	г. Ижевск, ул. Пионерская, 236	63	Инькова Валентина Ивановна	11 апреля 1896 г.	22 августа 1938 г.
5	Камбарский детдом	Камбарский район, п. Камбарка, ул. Камбарская, 236	81	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют
6	Каменноключинский школьный детдом	Вавожский район, д. Каменный Ключ	215	Новоселов Николай Петрович	1 февраля 1940 г.	1 января 1941 г.

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
7	Кокманский школьный детдом	Красногорский район, д. Кокман	201	Куклин Николай Дмитриевич	1927 г.	6 августа 1941 г.
8	Можгинский школьный детдом	г. Можга	151	Жегалова Ольга Ивановна	до революции	23 октября 1941 г.
9	Мостовинский школьный детдом	Камбарский район, с. Мостовое	80	Терсинская Антонина Сергеевна	сведения отсутствуют	19 июля 1941 г.
10	Новозятцинский школьный детдом	Старозятцинский район, с. Новые Зятцы	211	Шишков Дмитрий Яковлевич	сведения отсутствуют	4 ноября 1941 г.
11	Новомултанский школьный детдом № 2	Увинский район, с. Новый Мултан	178	Осокин Василий Петрович	27 августа 1921 г.	12 мая 1941 г.
12	Озоно-Чепецкий школьный детдом	Кезский район, ст. Чепца, ж.д. им. Кагановича	238	Кутявин*	1903 г.	10 ноября 1941 г.
13	Сарапульский дошкольный детдом № 1	г. Сарапул	147	Полякова Вера Федоровна	1 июня 1894 г.	5 ноября 1935 г.

1	2	3	4	5	6	7
14	Сарапульский школьный детдом № 6	г. Сарапул	143	Ершова Анастасия Михайловна	сведения отсутствуют	17 июля 1940 г.
15	Светлянский школьный детдом	Воткинский район, с. Светлое	94	Орлова Александра Павловна	сентябрь 1941 г.	17 августа 1939 г.
16	Сосновский дошкольный интернат	Шарканский район, с. Сосновка	203	Попова Зинаида Андреевна	1935 г.	20 мая 1935 г.
17	Шарканский школьный детдом	Шарканский район, с. Шаркан	155	Никитин Григорий Иванович	15 сентября 1920 г.	1 сентября 1941 г.
	Итого:		2420			

*Данные не полные

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1087. Л. 87; Д. 1140. Лл. 84, 97, 106об, 147, 148, 161, 189, 201, 206, 240, 247; Д. 1143. Лл. 59-74, 96, 153-169, 263; Д. 1447. Лл. 2, 131-132; Д. 1448. Лл. 16-17; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3589. Лл. 73, 90; Панарама. – 1996. – 29 ноября; Путь октября. – 1990. – 2 октября; Светлый путь. – 1999. – 31 июля; Удмуртская правда. – 1961. – 25 февраля; Удмуртская правда. – 1994. – 2 июня.

Табл. 3. Список детских учреждений в Удмуртской АССР к концу 1945 г.

№	Наименование детского учреждения	Адрес размещения в УАССР	Вид детских учреждений	Кол-во детей
1	2	3	4	5
1	Алнашский школьный детдом	Алнашский район, с. Алнаши	эвакуированный	86
2	Ариковский школьный детдом	Дебесский район, с. Ариково	колхозный	99
3	Байвальский дошкольный детдом	Игринский район, д. Байвал	местный	194
4	Балезинский школьный детдом	Балезинский район	эвакуированный	144
5	Большенорьинский смешанный интернат	Нылгинский район, с. Большая Норья	эвакуированный	110
6	Бурановский школьный детдом	Малопургинский район, с. Бураново	колхозный	сведения отсутствуют
7	Вавожский смешанный интернат	Вавожский район, с. Вавож	эвакуированный	78
8	Воткинский школьный детдом	г. Воткинск	местный (И.Л.)	67

1	2	3	4	5
9	Галановский смешанный детдом	Камбарский район, с. Галаново	колхозный	33
10	Гольяновский школьный интернат	Завьяловский район, с. Гольяны	эвакуированный	40
11	Глазовский школьный детдом № 3	г. Глазов	местный	96
12	Гучь-Бодьинский школьный детдом	Кизнерский район, д. Гучин-Бодья	колхозный	29
13	Дебесский школьный детдом	Дебесский район, с. Дебесы	эвакуированный	87
14	Еловский школьный детдом	Пудемский район, с. Елово	эвакуированный	113
15	Ершовский школьный детдом	Сарапульский район, с. Ершовка	местный	75
16	Зуринский школьный детдом	Зуринский район, с. Зура	эвакуированный	105
17	Ижевский дошкольный детдом № 1	г. Ижевск	местный	80
18	Ижевский школьный детдом № 2	г. Ижевск	сведения отсутствуют	80

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
19	Ижевский детдом № 3	г. Ижевск	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют
20	Кадиковский смешанный детдом	Алнашский район, д. Кадиково	колхозный	55
21	Каменноключинский школьный детдом	Вавожский район, д. Каменный Ключ	местный	98
22	Каракулинский школьный интернат	Каракулинский район, с. Каракулино	эвакуированный	84
23	Карсвайский дошкольный детдом	Карсвайский район, с. Карсвай	эвакуированный	116
24	Кестымский смешанный детдом	Балезинский район, д. Кестым	колхозный	25
25	Кизнерский смешанный детдом	Кизнерский район, ст. Кизнер	местный (И.Л.)	80
26	Коршуновский смешанный детдом	Понинский район, д. Коршуново	колхозный	59
27	Котловской смешанный детдом	Граховский район, д. Новая Котловка	колхозный	38

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
28	Кыйлудский школьный детдом	Нылгинский район, с. Кыйлуд	эвакуированный	58
29	Лудорвайский смешанный детдом	Ижевский район, д. Большая Веня	колхозный	84
30	Люкский школьный детдом	Карсовайский район, с. Люк	колхозный	90
31	Можгинский школьный детдом	г. Можга	местный	132
32	Мостовинский дошкольный детдом	Камбарский район, с. Мостовое	местный (И.Л.)	104
33	Мунишинский дошкольный детдом	Якшур-Бодьинский район, д. Муниши	колхозный	73
34	Николо-Сюгинский смешанный детдом	Большеучинский район, д. Николо-Сюга	колхозный	63
35	Новозятцинский школьный детдом	Старозятцинский район, с. Новые Зятцы	местный	152
36	Новомултанский смешанный детдом	Увинский район, с. Новый Мултан	местный	201

1	2	3	4	5
37	Новомултанский смешанный детдом	Кулигинский район, д. Новый Унтем	колхозный	84
38	Нылгинский смешанный интернат	Нылгинский район, с. Нылга	эвакуированный	111
39	Озоно-Чепецкий смешанный детдом	Кезский район, с. Озоно-Чепца	местный	67
40	Перевозинский школьный детдом	Воткинский район, с. Перевозное	эвакуированный	76
41	Писеевский смешанный детдом	Пычасский район, д. Писеево	колхозный	78
42	Садинский смешанный детдом	Ярский район, с. Сада	эвакуированный	135
43	Сарапульский смешанный детдом № 1	г. Сарапул	местный	150
44	Сарапульский школьный детдом № 6	г. Сарапул	местный	194
45	Светлянский школьный детдом	Воткинский район, с. Светлое	местный	88

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
46	Сосновский смешанный детдом	Шарканский район, с. Сосновка	местный	218
47	Староятчинский школьный детдом	Бемыжский район, д. Старые Ятчи	эвакуированный	61
48	Сюмсинский смешанный детдом	Сюмсинский район, д. Сюмси	эвакуированный	76
49	Сям-Можгинский дошкольный детдом	Увинский район, с. Сям-Можга	колхозный	89
50	Тельманский смешанный район	Бемыжский район	колхозный	54
51	Тимеевский школьный детдом	Киясовский район, с. Тимеево	колхозный	85
52	Тольенский дошкольный детдом	Дебесский район, д. Тольен	колхозный	сведения отсутствуют
53	Тортымский смешанный детдом	Кезский район, д. Тортым	колхозный	97
54	Тюптевский смешанный детдом	Зуринский район, к. Тюптево	колхозный	77
55	Тыловайский смешанный детдом	Тыловайский район, с. Тыловай	местный	52

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
56	Узинский школьный детдом	Староятчинский район, с. Узи	колхозный	60
57	Уканский смешанный детдом	Ярский район, с. Укан	местный (И.Л.)	98
58	Халдинский смешанный детдом	Селтинский район, с. Халды	колхозный	30
59	Черновской смешанный детдом	Каракулинский район, с. Черново	межколхозный	56
60	Чутырский школьный интернат	Игринский район, с. Чутырь	эвакуированный	сведения отсутствуют
61	Шарканский смешанный детдом	Шарканский район, с. Шаркан	местный	144
62	Юкаменский смешанный детдом	Юкаменский район, д. Большой Полагай	местный	138
63	Якшур-Бодьинский школьный детдом	Якшур-Бодьинский район, с. Якшур-Бодья	эвакуированный	119
	Итого:			5465

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1143. Лл. 184, 207; Д. 1583. Л. 84; Д. 1754. Л. 104; Д. 1796. Л. 19; Д. 1886. Л. 75; Д. 1903. Л. 37; Д. 1944. Лл. 7, 135; Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 77. Л. 11 .

Табл. 4. Количество детских учреждений в Удмуртской АССР и детей в них за 1941-1945 гг.

Виды детских учреждений	На конец 1941 г.		На 23 декабря 1942 г.		На 21 октября 1943 г.		На 30 декабря 1944 г.		На конец 1945 г.	
	кол-во детских учреждений	кол-во детей	кол-во детских учреждений	кол-во детей	кол-во детских учреждений	кол-во детей	кол-во детских учреждений	кол-во детей	кол-во детских учреждений	кол-во детей
эвакуированные	17	2289	19	2339	19	2279	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют	50 бюджетных	5700
местные	16	сведения отсутствуют	17	2308	17	2270	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют		
колхозные	-	-	-	-	-	-	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют	12	500
Итого	33	4176 (на 1 марта 1942 г.)	36	4647	36	4549	53	5449	62	6200

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1447. Л. 104; Д. 1448. Л. 152; Д. 1453. Т. I. Лл. 46, 117, 140; Д. 1579. Лл. 105-117; Д. 1789. Л. 48об; Д. 1792. Л. 52; Д. 1882. Лл. 1об, 7, 10; Д. 1944. Л. 3; Д. 1947. Л. 103; Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 77. Л. 4; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Лл. 35, 41.

Табл. 5. Список эвакуированных детских учреждений в Удмуртской АССР на 2 декабря 1941 г.

№	Наименование прибывших детских учреждений	Адрес эвакуации	Кол-во детей	Адрес размещения в УАССР	Наименование детского учреждения в УАССР	С какого времени существует /число, месяц, год/	Ф.И.О. директора, завуча
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Спецшкола: 1-ый Ленинградский военно-музыкальный интернат	г. Ленинград	100	Балезинский район, пос. Балезино	Балезинская спецшкола	18 ноября 1941 г.	сведения отсутствуют
2	Детский сад № 8 Кировского Гороно	Мурманская область, г. Кировск	122	Нылгинский район, с. Большая Норья	Большенорьинский дошкольный интернат	1 октября 1941 г.	Жданова З.П.
3	Детский сад № 5 комбината «Апатит»	Мурманская область, г. Кировск	156	Вавожский район, с. Вавож	Вавожский дошкольный интернат	16 июля 1941 г.	Соколова М.М.
4	1. Могилевский детдом № 3 2. Могилевский детдом № 6 3. Могилевский детдом № 7	БССР, г. Могилев	51 87 83	Алнашский район, курорт Варзи-Ятчи	Варзи-Ятчинский детдом	23 июля 1941 г.	Марченко И.С.
5	Кировские пионерские районные лагеря	Мурманская область, г. Кировск	184	Завьяловский район, Гольянский дом отдыха	Гольянский школьный интернат	17 июля 1941 г.	Беликов М.А.

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8
6	Удомельский детдом	Калининская область, Удомельский район, Гарусова Роща	126	Зуринский район, с. Зура	Зуринский школьный детдом	18 ноября 1941 г.	Зыков А.А.
7	1. Детский сад № 1 Кировского Гороно 2. Железнодорожный детский сад № 20-3 3. Детский сад № 4 организации «Мурпромкасса» 4. Детский сад № 7 Заполярного Торга	Мурманская область, г. Кировск	30 30 54 23	Игринский район, с. Чутьрь	Игринский (Чутьрский) дошкольный интернат	16 июля 1941 г.	Чириманова М.Ф.
8	Белостокский пионерский лагерь (санаторного типа)	БССР, курорт «Друскенинкай»	183	Каракулинский район, с. Каракулино	Каракулинский школьный интернат	23 октября 1941 г.	Певзнер С.М.
9	Детдом им. Коминтерна	Калининская область, с. Щербино	87	Карсвайский район, с. Карсвай	Карсвайский дошкольный детдом	14 октября 1941 г.	Степанова К.И.
10	Детский лагерь ВЦСПС	г. Москва	100	Воткинский район, д. Костоваты	Костоватовский дом отдыха	7 ноября 1941 г.	сведения отсутствуют
11	Детский санаторий	Мурманская область, Кировский район	90	Нылгинский район, с. Кыйлуд	Кыйлудский школьный интернат	16 июля 1941 г.	Богуслав Ф.А.
12	Детдом им. Первого мая	Калининская область, г. Калинин	112	Пудемский район, с. Люм	Люмский школьный детдом	6 октября 1941 г.	Виноградова В.М.
13	1. Кировский дошкольный детдом 2. Острицкий детдом	Мурманская область, г. Кировск БССР, Пинская область, Ивановский район	67 69	Увинский район, с. Новый Мултан	Новомултанский дошкольный детдом	11 июля 1941 г.	Потальцева А.Н.

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8
14	1. Детский сад № 2 комбината «Апатит» 2. Детский сад № 6 комбината «Апатит»	Мурманская область, г. Кировск	47 104	Нылгинский район, с. Нылга	Нылгинский дошкольный интернат	26 июля 1941 г.	Михайлова Л.А.
15	Гжатский детдом	Смоленская область, г. Гжатск	81	Бемьжский район, д. Старые Ятчи	Староятчинский детдом	18 октября 1941 г.	Прудников А.П.
16	Школа-интернат 2-го Московского медицинского института	г. Москва	50	пос. Ува	Увинский школа-интернат	20 июня 1941 г.	Понаморева П.А.
17	Новоторжский школьный детдом	Калининская область, г. Торжок	155	Ярский район, с. Укан	Уканский школьный детдом	14 октября 1941 г.	Фрадкова Л.М.
18	Литовский пионерский лагерь	БССР, курорт «Друскенинкай»	185	Шарканский район, с. Шаркан	Шарканский школьный детдом	7 сентября 1941 г.	Белованова Е.А.
19	Кировский школьный детдом	Мурманская область, г. Кировск	123	Якшур-Бодьинский район, с. Як-Бодья	Якшур-Бодьинский школьный детдом	22 июля 1941 г.	Ерохина М.М.
	Итого:		2499				

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1447. Л. 132; Д. 1448. Лл. 15-17, 152; Д. 1468. Л. 37; Д. 1559. Л. 152; Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 57. Л. 5; Удмуртия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. Г. В. Мерзлякова, Н. А. Родионов. – Ижевск : УИИЯЛ Уро РАН, 1996. – С. 43.

Табл. 6. Список эвакуированных детских учреждений в Удмуртской АССР к концу 1942 г.

№	Виды детских учреждений	Адрес размещения в УАССР	Адрес эвакуации	Кол-во детей	Ф.И.О. директора, завуча	Переименование детского учреждения /число, месяц, год/
1	2	3	4	5	6	7
1	Балезинская спецшкола	Балезинский район, пос. Балезино	г. Ленинград	100	Поплавский*	
2	Большенорьинский дошкольный интернат	Нылгинский район, с. Большая Норья	Мурманская область, г. Кировск	100	Жданова З.П.	
3	Вавожский дошкольный интернат	Вавожский район, с. Вавож	Мурманская область, г. Кировск	122	Соколова М.М.	
4	Варзи-Ятчинский детдом	Алнашский район, с. Алнаши	БССР, г. Могилев	144	Найдович С.М.	Алнашский школьный детдом (ноябрь 1941г.)
5	Гольянский школьный интернат	Завьяловский район, с. Гольяны	Мурманская область, г. Кировск	75	Пучкова А.*	
6	Дебесский школьный интернат № 1	Дебесский район, с. Дебесы	Литовская ССР	152	Свидерский*	31 марта 1942 г.
	Дебесский дошкольный детдом № 2	Дебесский район, с. Дебесы	Литовская ССР	53	Якшиненс*	1 июня 1942 г.

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7
7	Зуринский школьный детдом	Зуринский район, с. Зура	Калининская область, Удомельский район, Гарусова Роща	105	Зыков А.А.	
8	Каракулинский школьный интернат	Каракулинский район, с. Каракулино	БССР, курорт «Друскенинкай»	167	Певзнер С.М.	
9	Карсовайский дошкольный детдом	Карсовайский район, с. Карсовай	Калининская область, с. Щербино	87	Степанова К.И.	
10	Спецшкола ВВС № 4	г. Сарапул	г. Курск	140	Забабурин*	
11	Кыйлудский школьный интернат	Нылгинский район, с. Кыйлуд	Мурманская область, Кировский район, г. Кировск	105	Ларичев М.М.	
12	Люмский школьный детдом	Пудемский район, с. Люм	Калининская область, г. Калинин	110	Виноградова В.М.	
13	Новомултанский дошкольный детдом № 1	Увинский район, с. Новый Мултан	Мурманская область, г. Кировск БССР, Пинская область, Ивановский район	105	Потальцева А.Н.	

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7
14	Нылгинский дошкольный интернат	Нылгинский район, с. Нылга	Мурманская область, г. Кировск	125	Спичак В.И.	
15	Староятчинский школьный детдом	Бемыжский район, д. Старые Ятчи	Смоленская область, г. Гжатск	85	Павлов*	
16	Увинская школа-интернат	Увинский район, пос. Ува	г. Москва	50	Шер Ж.А.	
17	Уканский школьный детдом	Ярский район, с. Укан	Калининская область, г. Торжок	155	Фрадкова Л.М.	Садинский школьный детдом (март 1942 г.)
18	Чутырский дошкольный интернат	Игринский район, с. Чутырь	Мурманская область, г. Кировск	91	Чириманова М.Ф.	15 февраля 1942 г.
19	Якшур-Бодьинский школьный детдом	Як-Бодьинский район, с. Якшур-Бодья	Мурманская область, г. Кировск	133	Ерохина М.М.	
	Итого:			2204		

*Данные не полные

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1467. Лл. 68, 93; Д. 1581. Лл. 7, 55; Д. 1620. Л. 28; Д. 1740. Л. 112; Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 80. Т. II. Л. 257; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3589. Л. 73.

**Табл. 7. Состав педагогических кадров в детских домах
Удмуртской АССР (1940–1941 гг.)**

дата	кол-во детских домов	кол-во воспита- телей /чел./	по образованию /чел./				
			Высшее	Среднее педаго- гическое	Обще среднее	Непол- ное среднее	Началь- ное
На 1 января 1940 г.	17 местных	206	1	63	20	92	30
На 1 января 1941 г.	17 местных	174	1	90	12	57	14

**Табл. 8. Состав педагогических кадров в детских домах и интернатах
Удмуртской АССР в 1941/42 учебном году**

кол-во детских домов	кол-во воспита- телей /чел./	недостаёт кол-ва воспита- телей /чел./	кол-во обучаю- щихся в педагогическ их училищах /чел./	по образованию /чел./				
				Высшее	Среднее педаго- гическое	Обще среднее	Непол- ное среднее	Началь- ное
16 эвакуиро- ванных	102	10	1	9	44	17	29	3
16 местных	154	8	3	6	90	19	33	6
Итого:	256	18	4	15	134	36	62	9

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1140. Л. 106; Д. 1447. Л. 131а.

Табл. 9. Животноводческий комплекс подсобного хозяйства Каракулинского детского дома (1941-1946 гг.)

1941/42 учебный год	1942/43 учебный год	1943/44 учебный год	1944/45 учебный год	К маю 1946 г
2 лошади	4 лошади	5 лошадей	5 лошадей	8 лошадей
-	4 коровы	6 коров	10 КРС (6 коров)	12 коров
-	38 овец	24 овцы	14 овец	33 овцы
-	3 теленка	5 телят	-	-
-	27 свиней	4 свиноматки, 23 свињи и подсвинок	5 свиноматок, 11 поросят, 3 подсвинки	37 свиней
-	кролики	кролики	-	-
-	птица	68 кур	куры	куры
-	-	2 козы	2 козы	6 коз
-	-	гуси	гуси	гуси

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1454. Л. 41; Д. 1585. Л. 55; Д. 1796. Л. 34;
ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 43; Ф. 92. Оп. 9. Д. 2. Л. 1; Удмуртская правда. – 1946. –
24 мая.

Персональная карточка

Певзнер Самуил Маркович (1910–1992 гг.)

- 1) национальность: еврей.
- 2) место рождения: г. Могилев, Белорусская ССР.
- 3) образование: незаконченное высшее.
- 4) деятельность: учитель.
- 5) правительственные награды: «Заслуженный учитель школы УАССР»,
«Заслуженный деятель школы РСФСР»,
«Отличник народного просвещения».

Родился в 1910 г. в г. Могилеве Белорусской АССР. В 1927 г. начал трудиться рабочим в Могилеве, затем в Ленинграде, после в 1939 г. в Белостокском ОК ВЛКСМ. В 1939 г. закончил три курса исторического факультета Ленинградского пединститута.

В 1941 г. прибыл с эшеленом эвакуированных детей в УАССР из пионерского лагеря, расположенного в Друскининкай (Прибалтика, ЛССР).

Детей поместили в Каракулинский детский дом. Певзнер был назначен директором этого детдома, затем школьного интерната. Там воспитывались польские дети.

В 1945 г. был награжден польским орденом «Крест заслуги за спасение польских детей», медалью «За доблестный труд в годы ВОВ».

Певзнер проработал в Каракулинском детдоме 30 лет. В 1955 г. награжден знаком «Отличник народного просвещения». В 1956 г. ему было присвоено звание «Заслуженный учитель школы УАССР», а в 1970 г. «Заслуженный деятель школы РСФСР».

Источники: ГУ «ГУК Национальный музей им. К. Герда», раздел народного образования, подраздел детские дома в годы Великой Отечественной войны.

Сведения о судьбах бывших воспитанников Каракулинского интерната

(Информация по: Изакович Т.М., Рифтина Р. – 1979. – 27 октября; Остроумова Н. – 2001. – 10 декабря).

1. *Балглей Лев* закончил Курское летное училище, воевал на японском фронте. Затем нашел мать и уехал к ней. 40 лет отработал в аэропорту Израиля Бен-Гурион.
2. *Бакс Ричард* – профессор. Закончил Московскую консерваторию им. П.И. Чайковского. Вернувшись в Варшаву, стал профессором Варшавской консерватории. Позднее пригласили работать в Англию. К 2001 г. – профессор Манчестерской консерватории; получил мантию из рук королевы Елизаветы.
3. *Блинова Э.* – к 1979 г. доцент кафедры белорусского языка педагогического института.
4. *Едваб Лена* окончив славянское отделение филологического факультета МГУ им. Ломоносова, вышла замуж за иностранца и уехала в Париж. Там закончила Сорбонну, много лет работала журналистом. Владеет восемью языками. Воспитала троих детей: одна дочь стала врачом, другая – журналист, сын – инженер-системотехник.
5. *Зелигзон Зинаида Гдальевна* окончила мединститут. В Каракулино работала врачом-терапевтом, затем 20 лет была главным врачом Центральной больницы. Заслуженный врач Удмуртской Республики.
6. *Изакович Татьяна Марковна* – закончила в военные годы мединститут в Ижевске. Стала врачом-отоларингологом. Осталась в Ижевске и долгие годы занимала руководящие посты в горздравотделе. Ей присвоено звание «Заслуженный врач УР».
7. *Кислов Н.* – к 1979 г. заведующий кафедрой в политехническом институте, кандидат технических наук.
8. *Кучевский Владислав* – офицер Советской Армии.
9. *Лин Хана* эмигрировала в Израиль после того, как никого из родных не нашла на Родине. До 2001 г. работала главной медсестрой в одном из крупнейших госпиталей Тель-Авива.
10. *Липкис Геня* – ученый, филолог. Закончила славянское отделение филологического факультета МГУ им. Ломоносова, после войны ее пригласили на Родину, где защитила докторскую диссертацию. Ею был составлен польский словарь, которым пользовались до 2001 г. После работала 10 лет атташе по культурным связям в посольстве Польши г. Москвы. К 2001 г. была определена на должность заведующей кафедрой в Калифорнийский университет США.
11. *Найдина М.* – преподаватель в Минском университете (на 1979 г.).

12. *Райдина М.* – медицинский работник (на 1979 г.).
13. *Урбан Евгений* – инженер большого предприятия.
14. *Цива Яблоко* эмигрировала в Израиль, так как не нашла после войны никого из родственников. На 2001 г. считалась одной из лучших операционных медсестер кардиологического центра в Тель-Авиве.
15. *Шаевич Ф.* – медицинский работник (на 1979 г.).

Сведения о судьбах бывших воспитанников Дебесского детдома

(Информация по: Ванюшев В. – 2 августа. – 1966; Вайкайтис Л. – 1966. – 8 декабря; Встреча с литовскими друзьями. – 1966. – 29 июля; Казанцев Д. – 1965. – 24 января; Комарова Т., Широбоков С. – 1966. – 28 июля; Урасинов Г.В., Стрелков В.М. – 1991. – 27 июля).

1. *Альчис Вишинкас* в 1970-е годы работал в ЦК ВКП(б) Литовской ССР.
2. *Ванда Ивановна Бараускене* в 1960-е годы работала в Институте литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР, в секторе фольклора. Более 10 лет занималась изучением литовских песен.
3. *Вера Фейгельманс* – преподаватель Вильнюсского университета им. Капукаса.
4. *Гене Эрсловайте* в 1970-е годы работала в Академии наук Литовской ССР.
5. *Гражина Скуодиене* – учительница Вильнюсской средней школы.
6. *Захарас Чесна* в 1960-е годы работал журналистом.
7. *Ионас Жукаускас* – в 1960-е годы сотрудник Республиканского комитета народного контроля.
8. *Леонас Вайтукайтис* в 1970-е годы работал инспектором Совета Министра Литовской ССР, писатель.
9. *Марите Кветкаускене* работала на Каунасской фабрике бытового обслуживания.
10. *Марите Растекайте* – актриса Академического театра драмы города Вильнюса.
11. *Миколас Бурокаявичус* – в 1960-е годы старший научный сотрудник института истории партии при Центральном Комитете Литовской ССР, кандидат исторических наук, доцент. В 1970-е годы доцент Вильнюсского университета.
12. *Мира Стрелицкайте* работала врачом первой городской больницы г. Каунаса.
13. *Пальмир Шалкаускене* в 1960-е годы работал инструктором Каунасского горкома партии.
14. *Эстер Баерайте* – библиотекарь Вильнюсского университета.

№	Наименование детского учреждения	Адрес размещения в УАССР	Вид детских учреждений
1	Алнашский школьный детдом	Алнашский район, с. Алнаши	эвакуированный
2	Ариковский школьный детдом	Дебесский район, с. Ариково	колхозный
3	Байвальский дошкольный детдом	Игринский район, д. Байвал	местный
4	Балезинский школьный детдом	Балезинский район	эвакуированный
5	Большенорьинский смешанный интернат	Нылгинский район, с. Большая Норья	эвакуированный
6	Бурановский школьный детдом	Малопургинский район, с. Бураново	колхозный
7	Вавожский смешанный интернат	Вавожский район, с. Вавож	эвакуированный
8	Воткинский школьный детдом	г. Воткинск	местный (И.Л.)
9	Галановский смешанный детдом	Камбарский район, с. Галаново	колхозный
10	Гольяновский школьный интернат	Завьяловский район, с. Гольяны	эвакуированный